1. 3.

А. И. ГЕРЦЕНЪ.

Къ развитію революціонныхъ идей въ Россіи.

Изданіе Р. М. Рабочаго

А. И. Герценъ.

Къ развитію революціонныхъ идей въ Россіи.

Переводъ со второго, просмотрѣннаго авторомъ, изданія 1853 года. Лондонъ.

2-й экз.

МОСКВА.
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА.
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., ДОМЪ № 5.
1906.

„Пров 38“

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
2941
24.

Введеніе.

Dich stört nicht im Innern
Zu lebendiger Zeit,
Unnützes erinnern
Und vergeblicher Streit.
Goethe.

...Я выѣзжалъ изъ Россіи среди холодной и снѣжной зимы по проселочной, почти заброшенной дорогѣ, которая соединяетъ Псковскую губернію съ Лифляндіей. Эти два, соприкасающіеся между собою уголка совершенно не похожи другъ на друга; удаленные отъ всякаго внѣшняго вліянія, они представляютъ такой контрастъ, какой нигдѣ болѣе не обнаруживается съ подобною наготою и даже, скажемъ мы, съ подобнымъ преувеличеніемъ.

Это распаханная земля возлѣ пустыни, это „вчера"—прилегающее къ „завтра", это тягостное прозябаніе и ужасная агонія.

Съ одной стороны все отзывается известью, нѣтъ ничего законченнаго, нѣтъ ничего жилого — повсюду производится постройка, повсюду голыя стѣны;—съ другой стороны, все покрыто плѣсенью, все разваливается, становится негоднымъ для жилья, всюду щели, обломки и развалины.

Среди сосноваго лѣса, покрытаго снѣгомъ, на громадныхъ равнинахъ виднѣлись маленькія русскія деревушки; онѣ ясно выдѣлялись на ослѣпительно бѣломъ фонѣ. Что-то глубоко-

трогательное имѣетъ для меня видъ этихъ бѣдныхъ деревенскихъ общинъ!

Маленькіе домики тѣснятся другъ около друга, предпочитая сгорѣть вмѣстѣ, нежели отдалиться. Поля безъ заборовъ и оградъ теряются въ безконечной дали позади построекъ. Изба принадлежитъ отдѣльному лицу, семьѣ; земля же—всѣмъ, общинѣ.

Крестьянинъ, живущій въ этихъ избушкахъ, остался въ такомъ же положеніи, въ какомъ застали его полчища Чингисъ-Хана. Событія послѣднихъ столѣтій прошли надъ его головой, не разбудивъ даже его беззаботности. Его существованіе нѣчто среднее между геологіей и исторіей; это формація, у которой есть собственный характеръ бытія; есть физіологія—но нѣтъ біографіи. Къ концу двухъ или трехъ поколѣній крестьянинъ перестраиваетъ свой домикъ изъ сосновыхъ бревенъ, который мало-по-малу разваливается, оставляя не болѣе слѣдовъ своего существованія, чѣмъ его владѣлецъ.

Поговорите однако съ нимъ, и вы послѣдовательно прослѣдите—упадокъ-ли это, или дѣтство; варварство-ли, которое слѣдуетъ за смертью, или варварство, предшествующее жизни. Но прежде всего говорите съ нимъ на его же языкѣ, увѣрьте его, докажите ему, что вы не врагъ его. Я далекъ отъ того, чтобъ порицать страхъ крестьянина по отношенію къ цивилизованному человѣку. Этотъ цивилизованный человѣкъ, съ которымъ ему приходится встрѣчаться, или его баринъ, или чиновникъ. Поэтому-то крестьянинъ не довѣряетъ ему, смотритъ на него подозрительно; и хотя почтительно кланяется ему, однако сторонится отъ него и не уважаетъ его.

И боится онъ не превосходства его природы, а большей силы. Крестьянинъ побѣжденъ, но онъ не лакей. Его грубый языкъ, языкъ народа, языкъ патріархальный, не получилъ воспитанія въ передней. Его черты мужественной красоты должны сопротивляться двойному рабству: царю и помѣщику. Великороссъ и малороссъ имѣютъ умъ въ высшей степени воспріимчивый и обладаютъ живостью характера южанина, что очень странно для сѣвера. Крестьянинъ говоритъ хорошо и

много: привычка находиться всегда съ сосѣдями сдѣлала его сообщительнымъ...

Пріѣхавъ на одну изъ послѣднихъ русскихъ станцій, мы стали дожидаться почтовыхъ лошадей въ маленькой комнаткѣ, натопленной какъ оранжерея. Жена станціоннаго смотрителя,—женщина грязная, плохо причесанная и крикливая, принудила насъ взять чаю. Уставши созерцать гравюру—(очень интересную),—которая украшала стѣну надъ кожаннымъ диваномъ, я съ удовольствіемъ сталъ прислушиваться къ шуму передъ домомъ. Однако, прежде чѣмъ покинуть гравюру, я долженъ описать ея сюжетъ, такъ какъ онъ чрезвычайно характеренъ. Очевидно, она принадлежала къ эпохѣ, слѣдующей за царствованіемъ Петра I. Это былъ онъ самъ, за столомъ, заставленнымъ блюдами и бутылками. Князь Меньшиковъ, низко наклонившись, представлялъ ему и приносилъ въ подарокъ молодую особу — будущую императрицу Екатерину I. Надпись гласила: „Вѣрный подданный уступаетъ самое драгоцѣнное горячо любимому царю“.

Я раскаиваюсь еще и до сихъ поръ, что не купилъ этой гравюры.

Я вышелъ, чтобъ узнать, что возбуждало шумъ. Какой-то офицеръ прогуливался передъ группой ямщиковъ, ругая всѣхъ и крича во всю глотку. Ямщики смотрѣли на него [съ тѣмъ ироническимъ безстрастіемъ, которое свойственно русскимъ крестьянамъ. Позади офицера стоялъ станціонный смотритель, сильно пьяный; онъ также кричалъ, но въ то же время дѣлалъ глазами понятные крестьянамъ знаки.

„Гдѣ староста, гдѣ староста?“—кричалъ въ бѣшенствѣ офицеръ.

„Гдѣ это староста?..“ повторили съ апатичнымъ спокойствіемъ, способнымъ взбѣсить и святого, нѣкоторые изъ крестьянъ.—Но старосты все не было—трое пошли искать его. У кабака его не было, у крестной тоже.

„Гдѣ это можетъ быть староста? Удивительно“!

Можно быть увѣреннымъ, что староста присутствовалъ здѣсь, что онъ былъ въ этой толпѣ.

„Разбойники“, кричалъ станціонный смотритель. У! разбойники, вы не хотите искать старосту“.

„А вы,—кричалъ въ отвѣтъ офицеръ,—какой вы станціонный смотритель? Вотъ, какъ васъ слушаются. Вы хорошо поддерживаете свой авторитетъ! Я подамъ рапортъ, я напишу самому графу Адлербергу (директоръ почтоваго департамента), я знакомъ съ нимъ лично“.

— „Пощадите отца семейства, двадцать три года службы, медаль за взятіе Варны, двѣ раны, пуля навылетъ, знакъ отличія за двадцатилѣтнюю безпорочную службу“, машинально твердилъ станціонный смотритель, не выказывая большого испуга.

Такъ какъ дѣло не двигалось, офицеръ принялся за мальчугана, лѣтъ 16 или 17: „Какъ, говорилъ онъ, ты мнѣ смѣешься въ глаза, ты мнѣ смѣешься въ глаза! Я проучу тебя за неуваженіе къ эполетамъ,“—и онъ бросился на мальчугана. Этотъ послѣдній пустился бѣжать, увертываясь отъ удара кулака, которымъ грозилъ ему офицеръ; офицеръ хотѣлъ его преслѣдовать, но снѣгъ былъ такъ глубокъ, что онъ увязъ по колѣно. Крестьяне разразились смѣхомъ.

„Но это бунтъ!—это бунтъ!“—закричалъ офицеръ и повелительно приказалъ мальчугану, какъ бѣлка взлѣзавшему на верхушку дерева, слѣзть съ него. „Нѣтъ“, отвѣтилъ тотъ, „я не слѣзу—ты меня отдуешь...“ „Слѣзай, дрянной негодяй, слѣзай“, прибавилъ смотритель. Мальчикъ трясъ головой.

„Вотъ, ваше благородіе,“ продолжалъ смотритель, говоря офицеру, „вы можете сами теперь судить, съ какимъ народомъ мы имѣемъ дѣло съ утра до вечера ,—хуже турокъ. Когда это Богъ освободитъ меня отъ этого ада? Я остаюсь только потому, что мнѣ недостаетъ трехъ лѣтъ до пенсіи. Но, ваше благородіе, будьте покойны, я ужъ справлюсь съ этими разбойниками, и они васъ повезутъ даже даромъ. Я сейчасъ пошлю за становымъ приставомъ, онъ живетъ недалеко; восемь миль отсюда, даже семь съ половиной. Въ ожиданіи не пожелаете ли, ваше благородіе, откушать чаю?..

„Но ужъ не сошли ли вы вдругъ съ ума,“ сказалъ офи-

церъ тономъ отчаянія. „Какъ, вы хотите, чтобы я терялъ время, дожидаясь станового? Дайте мнѣ лошадей, дайте мнѣ лошадей...“

Моя повозка была готова. Я не знаю, чѣмъ кончилась эта исторія, но можно быть увѣреннымъ, что офицера надули. Мой ямщикъ ухмылялся въ продолженіе всей долгой дороги. Исторія съ офицеромъ бродила въ его головѣ. „Всякльчивый человѣкъ этотъ офицеръ“, сказалъ я ему. „Ничего, вѣдь онъ не первый; мы хорошо видѣли съ самаго начала, что онъ скоро умается“.

...Достаточно двухъ часовъ переѣзда, чтобы попасть совершенно въ другой міръ. Совсѣмъ, какъ перемѣна декорацій въ театрѣ. Почва перестаетъ быть гладкой и даже мѣстами становится гористой, а извивающаяся дорога уже не та безконечная прямая линія среди снѣжнаго океана, которую такъ хорошо описалъ Мицкевичъ.

Первый домикъ ливонской почты былъ расположенъ на пригоркѣ. Я вошелъ въ „Passagier Stube“. Тамъ царствовала такая чистота и такой порядокъ, какъ будто ее вчера только выкрасили и на завтра ждали посѣщенія. На полу песокъ, на окнахъ гераніумы и розмарины, въ углу пальмино въ четыре съ половиной октавы, лютеранская библія на столѣ, покрытомъ бѣлоснѣжной скатертью. Среди нѣсколькихъ литографій виднѣлся въ болѣе богатой рамкѣ напечатанный листъ: „An meinen lieben Fritz“,—видъ идиллическаго завѣщанія, написаннаго Фридрихомъ Вильгельмомъ III своему сыну.

Станціонный смотритель, добродушный старичокъ съ выраженіемъ той счастливой наивности, которая присуща только нѣмцамъ, надѣлъ для меня свой сѣрый фракъ, украшенный перламутровыми пуговицами. Видя, что я читаю завѣщаніе, онъ приблизился и почтительно завелъ разговоръ, на каждомъ шагу величая меня барономъ, freiherr'омъ и hochwolgeboren'омъ. Между прочимъ онъ сказалъ мнѣ, что онъ никогда не могъ читать безъ слезъ трогательныхъ словъ добраго покойнаго короля.

Такъ какъ смотритель убѣждалъ, что вѣтеръ предвѣщаетъ

очень бурную ночь, и совѣтовалъ переждать мнѣ до утра, я, желая посмотрѣть, что происходило, вышелъ на улицу. Сильный и холодный сѣверный вѣтеръ свисталъ между вѣтвями обнаженныхъ деревьевъ, съ силой потрясая ихъ. Время отъ времени облака, гонимыя вѣтромъ, открывали молодой мѣсяцъ, и тогда можно было видѣть наполовину разрушенную башню—остатки развалинъ замка. Подъ разбитой дверью, которая нѣкогда вела къ замку, сидѣло человѣкъ десять маленькихъ, хилыхъ, со свѣтлыми волосами финновъ.

Ихъ языкъ, для насъ совершенно чуждый, непріятно поражалъ мой слухъ. Надъ дверью было прибито чучело орла. Молодой человѣкъ съ закрученными усами, съ ружьемъ за спиной появился и скрылся въ одно мгновенье. Онъ былъ въ маленькихъ саняхъ, которыми управлялъ самъ. Здѣсь уже не было хвастливой русской души, зато на всей упряжи звенѣли десятка два колокольчиковъ. Рядомъ съ санями бѣжала борзая собака.

Въ Ливоніи и Курляндіи нѣтъ деревень, похожихъ на россійскія. Это фермы, разбросанныя вокругъ замка. Крестьянскія хижины расположены вдали другъ отъ друга. Здѣсь уже нѣтъ русской общины. Въ этихъ фермахъ живетъ бѣдный, добрый, но мало одаренный, очевидно безъ будущаго, раздавленный вѣковымъ рабствомъ, народъ—остатки населенія, которое давно уже растворилось въ волнахъ другихъ расъ. Разница между нѣмцами и финнами громадная. Германская цивилизація, надо признаться, дала имъ очень мало. Финны этихъ мѣстъ остались наполовину дикими даже послѣ стольких вѣковъ господства и постоянныхъ сношеній съ нѣмцами. Только Императоръ Николай I подумалъ объ ихъ воспитаніи, разумѣется, на свой ладъ—онъ сдѣлалъ изъ нихъ православныхъ грековъ.

Только въ Ригѣ, на этихъ темныхъ и узкихъ улицахъ, въ этомъ городѣ привиллегій, цеховъ, Zünfte, духа Ганзы и Лютера, гдѣ сама торговля неподвижна и отстала, гдѣ русское населеніе принадлежитъ къ ретроградным раскольникамъ, выселившимся сюда два вѣка тому назадъ, находя режимъ царя Алексѣя слишкомъ революціоннымъ а патріарха Никона слиш-

комъ смѣлымъ новаторомъ, только тѣмъ я понялъ всю разницу между міромъ, который я только что покинулъ, и міромъ, въ который я только что вступилъ.

Тощіе евреи, съ черными бархатными ермолками на головѣ, на тонкихъ ногахъ, въ короткихъ панталонахъ, въ бумажныхъ чулкахъ и туфляхъ даже въ суровую балтійскую зиму; нѣмецкіе торговцы—важные какъ сенаторы, видъ которыхъ заставляетъ избѣгать встрѣчи съ ними.... Въ казино и клубахъ только и говорятъ о привилегіяхъ, данныхъ городу въ 1600, о вольностяхъ, пожалованныхъ въ 1450, о нововведеніяхъ, сдѣланныхъ въ 1701 году....

Прибалтійскіе нѣмцы, сыны древней цивилизаціи, вотъ уже нѣсколько вѣковъ стоятъ вдали отъ всякаго великаго историческаго движенія; они приняли непзмѣнныя привычки, и остановились на томъ, чѣмъ они были, ничего не пріобрѣтя съ тѣхъ поръ; они установили порядокъ, правило, мѣру въ своихъ мысляхъ и дѣлахъ, чтобы уже никогда больше отъ нихъ не уклоняться. Такимъ образомъ становится очевиднымъ, что они должны ненавидѣть съ тѣхъ поръ неопредѣленность, преувеличенія и безпорядокъ, которые царствуютъ не только въ нашихъ законахъ, но и въ обычаяхъ.

Мы совершенно еще не установились, мы еще ищемъ, мы стремимся къ соціальному порядку, болѣе соотвѣтствующему нашей натурѣ, и временно остаемся подъ властью произвола, ненавидя его, и принимая, желая отдѣлаться отъ него, и подчиняясь ему скрѣпя сердце. Они наоборотъ,—они настоящіе консерваторы. Они многое потеряли, и боятся потерять остальное. Мы же только можемъ выиграть, ибо намъ нечего терять. Мы повинуемся по принужденію, и законы, которые нами правятъ, принимаемъ за запрещеніе или за оковы. Мы нарушаемъ эти законы, когда можемъ или смѣемъ. Въ этомъ отношеніи мы совершенно не строги. У нихъ наоборотъ каждый законъ святыня, нарушить его было бы преступленіемъ въ своихъ собственныхъ глазахъ. Эта сторона жизни поддерживаетъ и другую, нелѣпость которой очевидна для всѣхъ.

У нихъ опредѣленная мораль, у насъ—моральный инстинктъ.

Ихъ преимущество надъ нами—это положительно выработанныя правила. Они принадлежатъ къ великой европейской цивилизаціи. Наше преимущество надъ ними—это смѣлыя силы съ довольно широкими надеждами. Тамъ, гдѣ ихъ останавливаетъ собственное сознаніе, насъ задерживаетъ жандармъ. Ариѳметически слабые мы уступаемъ; ихъ же слабость—слабость алгебраическая, которая заключается въ самой формулѣ.

Мы ихъ глубоко отталкиваемъ нашей беззаботностью, нашимъ поведеніемъ, недостаточно серьезнымъ отношеніемъ къ сложившимся формуламъ, и распущенностью нашихъ наполовину варварскихъ, наполовину извращенныхъ страстей. Они смертельно докучаютъ намъ своимъ буржуазнымъ педантизмомъ, ходульнымъ пуританизмомъ и своей безупречной мелочностью.

Наконецъ у нихъ человѣкъ, который тратитъ болѣе половины своихъ доходовъ, слываетъ мотомъ и расточителемъ. У насъ же человѣкъ, который тратитъ только свои доходы, слываетъ чудовищемъ скупости....

Это, какъ мы уже говорили, почти преувеличенное различіе между Россіей и Европой глубоко заложено въ характерѣ западныхъ народовъ и славянскаго міра.

Оно состоитъ въ томъ, что въ славянскомъ мірѣ существуетъ элементъ западной цивилизаціи на поверхности, а въ европейскомъ мірѣ элементъ варварскій въ основаніи, и въ то время, какъ Псковскіе крестьяне не имѣютъ совершенно никакой цивилизаціи, прибалтійскіе нѣмцы представляютъ якобы населеніе не варварское и однородное, но на самомъ дѣлѣ разлагающееся и совершенно разнородное.

Германо романскіе народы создали двѣ исторіи, создали два міра во времени и два міра въ пространствѣ. Они ихъ использовали два раза. Весьма возможно, что у нихъ бы хватило силы и могущества для третьей метаморфозы, но она не могла бы завершиться при помощи существующихъ соціальныхъ формъ, находящихся въ вопіющемъ противорѣчіи съ революціонной мыслью. Мы уже видѣли, что для осуществленія великихъ идей европейской цивилизаціи имъ надо пересѣчь океанъ, и искать себѣ менѣе заваленную обломками почву.

Напротивъ, все прошедшее существованіе славянскихъ народовъ носитъ характеръ начала, вступленія во владѣніе, печать роста и *способности*. Они только вступаютъ въ великую рѣку исторіи. Они никогда не имѣли развитія соотвѣтственно своей натурѣ, своему генію и стремленіямъ. Каковы же эти стремленія? Мы это увидимъ впослѣдствіи. Я ограничусь только тѣмъ замѣчаніемъ, что они не формулированы, но что они существуютъ въ жизни народа въ его пѣсняхъ и легендахъ, что они существовали всегда въ habitus'ѣ всѣхъ славянскихъ расъ. Это скорѣе инстинктъ, естественное увлеченіе, постоянное и твердое, но нестройное, запутанное національными и религіозными исканіями, чѣмъ систематическія и разрѣшенныя мысли.

Исторія славянъ бѣдна.

За исключеніемъ Польши славяне принадлежатъ скорѣе географіи, чѣмъ исторіи.

Есть славянскій народъ, который существовалъ только въ продолженіе одной борьбы—войны Таборитовъ.

Есть другой, который только еще намѣчаетъ свои руководящія идеи, приготовляетъ свое мѣсто и связываетъ временнымъ вынужденнымъ единствомъ шестую часть земного шара, которую онъ гордо принялъ за свою арену....

....Имѣютъ ли какое-либо право на будущее эти народы, такъ мало замѣчательные въ своемъ прошломъ, такъ мало извѣстные въ своемъ настоящемъ?

Мы далеки отъ предположенія, что будущее принадлежитъ всѣмъ расамъ, которыя ничего не сдѣлали и только лишь много претерпѣли, но оно можетъ принадлежать тѣмъ изъ нихъ, которыя безъ титула, безъ приглашенія смѣло занимаютъ свое мѣсто въ великомъ соборѣ дѣятельныхъ націй, расамъ, которыя насильно вступаютъ въ исторію и вмѣшиваются во всѣ рѣшительныя дѣла. Онѣ занимаютъ воображеніе всѣхъ и стремительно бросаются въ потокъ исторической аорты.

Въ появленіи нѣкоторыхъ народовъ есть что-то, что останавливаетъ мыслителя, заставляетъ его задуматься, дѣлаетъ безпокойнымъ, какъ будто-бы онъ чувствуетъ новый подземный источникъ, новую силу, глухое броженіе, ищущее выхода

какъ будто-бы онъ слышитъ вдалекѣ все болѣе и болѣе приближающіеся шаги гиганта.

Такова роль Россіи до Петра I-го.

Нѣтъ еще столѣтія, какъ Франція отвергала титулъ императора у царей. Теперь дѣло идетъ не о титулѣ, но о фактѣ владычества Россіи, которое она простираетъ до Рейна*), спускаетъ до Босфора и отодвигаетъ съ другой стороны до Тихаго океана.

Какой же смыслъ этихъ безумныхъ требованій, этихъ жалкихъ уступокъ?

Не гунны ли это, которые появляются, чтобы покончить съ Римомъ, и затѣмъ потеряться среди труповъ?—Или османы, которые хотятъ еще разъ попробовать, не созрѣло ли западное христіанство для могилы?

Или можетъ быть, это катастрофа, переворотъ, туча саранчи, ужасный случай, происшедшій во время антракта, который отдѣляетъ два міра, одно изъ тѣхъ печальныхъ явленій, которыя ускоряютъ развязку? Или это самое начало новаго порядка вещей, и славяне—древніе германцы по отношенію къ разрушающемуся міру?

Достаточно возможности поставить этотъ вопросъ, чтобы все, что можно было сказать объ этомъ предметѣ, представляло бы изъ себя чрезвычайный интересъ. А что, если бы имѣли смѣлость дойти до утвержденія, что среди этихъ неопредѣленныхъ стремленій славянскихъ народовъ есть стремленія, которыя встрѣтятся со стремленіями революціонныхъ массъ Европы, что въ этихъ отдаленныхъ хорахъ звучатъ тѣ же аккорды, которые раздаются въ подземныхъ глубинахъ стараго міра? А что, если докажутъ, что сѣверные варвары и

---

*) Германія существуетъ только по имени; это балтійскія провинціи, которымъ оставили нѣсколько призрачныхъ правъ, какъ напримѣръ—быть подданными не только Николая, но въ то же время и своихъ маленькихъ князьковъ. Въ послѣдніе дни журналы возвѣщали о прибытіи „великой княгини Ольги съ своимъ мужемъ, наслѣднымъ принцемъ Вюртембергскимъ“. Никто не удивился, читая эту анти-салическую фразу. Прим. автора.

„домашніе“ варвары имѣютъ, сами не зная того, общаго врага—старое феодальное монархическое зданіе, и общую надежду—соціальную революцію?..

Императоръ Николай, выполнитель великихъ дѣлъ, смыслъ которыхъ отъ него ускользаетъ, можетъ по своему желанію унизить безплодную гордость Франціи и величественную мудрость Англіи, онъ можетъ провозгласить русскую Порту и московскую Германію,—для всѣхъ этихъ инвалидовъ у насъ нѣтъ никакой жалости. Но онъ не можетъ помѣшать образованію за его спиной другого союза; онъ не можетъ помѣшать и тому, чтобы русское вмѣшательство, являясь милостью для всѣхъ монарховъ континента и для всей реакціи, не было бы началомъ вооруженной, ужасной и рѣшительной соціальной борьбы.

Самодержавная власть царей не выживетъ этой борьбы. Побѣдитъ ли она, или будетъ побѣждена,—все равно, она принадлежитъ прошлому. Она—не русская, она глубоко нѣмецкая, нѣмецко-византійская. Итакъ у ней двойное право на смерть.

У насъ—двойное право на жизнь—элементъ соціализма и молодость.

„Молодые люди также иногда умираютъ“, говорилъ мнѣ въ Лондонѣ одинъ очень достойный человѣкъ, съ которымъ мы разговаривали о славянскомъ вопросѣ.

„Это вѣрно, отвѣтилъ я ему, но еще вѣрнѣе то, что старики умираютъ всегда“.

Лондонъ, 1 августа 1853 г.

I.

Россія и Европа.

Два года прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы опубликовали письмо о Россіи въ брошюрѣ, озаглавленной: „Съ того берега“. Такъ какъ съ тѣхъ поръ наша точка зрѣнія не измѣнилась, мы находимъ возможнымъ сдѣлать оттуда слѣдующія выписки:

„Наше время ужасно; все вокругъ насъ рушится, все мечется, какъ въ лихорадкѣ. Самыя черныя предчувствія сбываются съ ужасной быстротой...

„Свободный человѣкъ, который отказывается склониться передъ силой, не будетъ вскорѣ имѣть никакого убѣжища, кромѣ мостика парохода, готоваго отплыть въ Америку“.

„Ужъ не должны ли мы поразить себя кинжаломъ подобно Катону, такъ какъ нашъ Римъ падаетъ, и мы ничего не видимъ, или не хотимъ видѣть внѣ Рима“?..

«Между тѣмъ извѣстно, что этотъ римскій мыслитель, который глубоко чувствовалъ всю горечь своего времени, въ печали и отчаяніи прекрасно понимая, что народъ, къ которому онъ принадлежалъ, шелъ быстрыми шагами къ паденію, бросилъ взглядъ по ту сторону національнаго горизонта и написалъ книгу: „*De moribus Germanorum*“. Онъ былъ правъ, такъ какъ будущее принадлежало этимъ дикимъ племенамъ.“

„Мы вовсе не пророчествуемъ, но и не видимъ, чтобы судьбы человѣчества неразрывно были связаны съ Западной

Европой. Если Европа не можетъ возвыситься перемѣной своего соціальнаго строя,—другимъ странамъ удастся это. Нѣкоторыя изъ нихъ уже готовы къ этому движенію, другія приготовляются. Одна изъ нихъ извѣстна — это Сѣверо-Американскіе Штаты; другая полна силы, но также полна и варварства—ее знаютъ мало и плохо."

„Вся Европа на разные лады въ парламентахъ, въ клубахъ, на улицахъ и въ журналахъ стала повторять крикъ берлинскаго Krakehler'a: „Подступаютъ Русскіе, подступаютъ русскіе!" Въ дѣйствительности они не только наступаютъ, но уже и появились благодаря дому Габсбурговъ и, быть можетъ, подвинутся еще далѣе благодаря дому Гогенцоллерновъ. Однако, никто еще хорошо не знаетъ, что такое эти русскіе, эти варвары, эти казаки. Европа знаетъ этотъ народъ только по той борьбѣ, изъ которой онъ вышелъ побѣдителемъ. Цезарь зналъ галловъ лучше, чѣмъ современная Европа Россію. Пока она вѣрила въ самое себя, пока будущее представлялось ей, какъ продолженіе ея развитія, она могла не заниматься другими народами. Теперь обстоятельства перемѣнились. Это великолѣпное невѣдѣніе Европы исчезло."

„Каждый разъ, какъ русскихъ станутъ упрекать, что они рабы, они будутъ въ правѣ спросить: „А вы,—развѣ вы свободны?"

„По правдѣ сказать XVIII вѣкъ удѣлялъ Россіи вниманіе болѣе глубокое и серьозное, чѣмъ XIX, быть можетъ потому, что онъ ея менѣе боялся."

„Такіе люди, какъ Мюллеръ, Шлоссеръ, Эверсъ, Левескэ, посвятили часть своей жизни изученію русской исторіи съ чисто научной точки зрѣнія. Ея физическую исторію намъ дали Палласъ и Гмелинъ. Вслѣдъ за ними философы и публицисты стали съ любопытствомъ изучать это, въ одно и то же время деспотическое и революціонное государство. Они видѣли, что основанный Петромъ I-мъ престолъ имѣлъ мало аналогія съ феодальными и традиціонными тронами Европы."

„Два раздѣла Польши были первымъ безславіемъ, покрыв-

шимъ Россію. Европа не поняла всей важности этого событія, такъ какъ тогда она была отвлечена другими заботами. Она была свидѣтельницей великихъ событій, уже возвѣщавшихъ французскую революцію. Русская императрица естественно протянула свою, обагренную польской кровью, руку реакціи. Она ей предложила шпагу Суворова, этого звѣря — палача Праги. Походъ, который предпринялъ Павелъ въ Италію и Швейцарію, совершенно не имѣлъ никакого смысла и лишь возстановилъ общественное мнѣніе противъ Россіи".

„Необыкновенная эпоха этихъ нелѣпыхъ войнъ, которую французы еще до сихъ поръ называютъ періодомъ своей славы, заканчивается съ ихъ вторженіемъ въ Россію. Это было такое же заблужденіе генія, какъ и походъ въ Египетъ. Бонапарту хотѣлось показать себя всему міру, стоящимъ на грудѣ труповъ. Къ тщеславію пирамидъ онъ хотѣлъ прибавить тщеславіе Москвы и Кремля. Въ этотъ разъ ему не посчастливилось. Онъ возбудилъ противъ себя весь народъ, который рѣшительно взялся за оружіе, прошелъ вслѣдъ за нимъ въ Европу, и овладѣлъ Парижемъ".

„Участь этой части свѣта была въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ рукахъ императора Александра, но онъ не сумѣлъ воспользоваться ни своей побѣдой, ни своимъ положеніемъ. Онъ поставилъ Россію подъ то же знамя, что и Австрія, какъ будто между этой изношенной и умирающей имперіей и молодымъ государствомъ, которое только что появилось во всемъ своемъ блескѣ, было что-либо общее; какъ будто бы наиболѣе энергичный представитель славянскаго міра имѣлъ тѣ же интересы, что и наиболѣе ярый притѣснитель тѣхъ же славянъ".

„Вслѣдствіе этого чудовищнаго союза съ европейской реакціей Россія, только что выросшая благодаря своимъ побѣдамъ, опустилась въ глазахъ всѣхъ мыслящихъ людей. Они печально склонили голову подъ вліяніемъ того, что эта страна, недавно въ первый разъ доказавшая свою силу, предлагаетъ тотчасъ руку помощи всему ретроградному и консервативному даже вопреки своимъ собственнымъ интересамъ".

„Не хватало только ужасной расправы съ поляками, чтобы рѣшительно поднять всѣ націи противъ Россіи. Когда благородные и несчастные остатки польской революціи, блуждая по всей Европѣ, распространили тамъ вѣсть о страшной жестокости побѣдителей, со всѣхъ сторонъ, на всѣхъ европейскихъ языкахъ противъ Россіи грянуло дружное проклятіе. Гнѣвъ народовъ былъ справедливъ“...

«Краснѣя за свою слабость и безсиліе, мы понимали, что наше правительство исполнило нашими руками, и наши сердца обливались кровью отъ скорби, и наши глаза наполнялись горькими слезами».

«И каждый разъ, какъ мы встрѣчались съ полякомъ, мы не имѣли смѣлости поднять на него глазъ. Однако, я не знаю, справедливо ли обвинять весь народъ и дѣлать его одного отвѣтственнымъ за то, что сдѣлало его правительство!»

«Не помогали ли этому Австрія и Пруссія? А Франція, коварная дружба которой причинила Польшѣ столько же зла, сколько и ненависти остальныхъ народовъ? Развѣ она не выпрашивала въ это время всѣми способами милости при дворѣ въ Петербургѣ? Не была ли въ то время Германія добровольно въ томъ же положеніи, въ какомъ находятся теперь—противъ воли—Молдавія и Валахія? Не была ли она тогда, какъ и теперь, подъ управленіемъ русскихъ чиновниковъ и этого царскаго проконсула, который носитъ титулъ короля Пруссіи?»

«Только одна Англія съ достоинствомъ держалась дружественно и независимо. Но и Англія ничего не сдѣлала для поляковъ. Быть можетъ, она думала о собственныхъ несправедливостяхъ по отношенію къ Ирландіи. Русское правительство не болѣе, чѣмъ прочія, заслуживаетъ ненависти и упрековъ. Я хочу распространить эту ненависть на всѣ другія правительства, ибо не должно отдѣлять ихъ другъ отъ друга, и они являются варіаціями на одну и ту же тему».

«Послѣднія событія многому насъ научили. Порядокъ, возстановленный въ Польшѣ, и взятіе Варшавы отодвинуты на задній планъ съ тѣхъ поръ, какъ порядокъ царствуетъ въ Парижѣ и взятъ Римъ, съ тѣхъ поръ, какъ одинъ прусскій

принцъ распоряжается разстрѣлами, а старая Австрія, по колѣно въ крови, пробуетъ сдѣлать вновь юными свои разбитые члены.

«Позоръ — въ 1849 году послѣ потери всего того, на что надѣялись, что пріобрѣли, подлѣ труповъ тѣхъ, кого разстрѣляли, задушили, подлѣ тѣхъ, кого бросили въ оковы и выслали безъ суда,—видѣть царизмъ лишь подъ 59° сѣверной широты; въ 1849 году это позоръ на взглядъ тѣхъ несчастныхъ, гонимыхъ изъ страны въ страну, кому даютъ пріютъ, какъ евреямъ въ средніе вѣка, кому бросаютъ, какъ собакамъ, кусокъ хлѣба, чтобъ заставить ихъ продолжать свой путь. Оскорбляйте, сколько вамъ угодно, упрекайте петербургскій абсолютизмъ и печальное упорство нашей покорности, но оскорбляйте деспотизмъ повсюду, и признавайте его, подъ какой бы формой онъ ни появлялся. Оптическая иллюзія, при помощи которой рабству давали видъ свободы, уже исчезла».

«Еще разъ: если въ Россіи жить ужасно, не менѣе ужасно жить и въ Европѣ. Почему же я покинулъ Россію? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, я приведу нѣсколько словъ изъ моего прощальнаго письма къ друзьямъ: «...Не заблуждайтесь въ этомъ; здѣсь я не нашелъ ни радости, ни развлеченія, ни покоя, ни личной безопасности. Я даже не могу представить, чтобы кто-либо теперь могъ найти въ Европѣ покой и радость».

«Я думаю здѣсь только о движеніи, мнѣ жалко только жертвъ; я люблю только то, что преслѣдуютъ, и я уважаю только то, что наказываютъ, и однако я остаюсь. Я остаюсь, чтобы вдвойнѣ выстрадать скорбь нашу и ту, которую я нахожу здѣсь, можетъ быть для того, чтобы впасть въ общее противорѣчіе. Я остаюсь, потому что борьба завязалась, потому что здѣсь она имѣетъ одинъ голосъ».

«Горе тѣмъ, кто здѣсь побѣжденъ, но онъ не падаетъ, не услышавши своего голоса, не испытавши въ борьбѣ свои силы, и вслѣдствіе этого голоса, вслѣдствіе этого начатаго сраженія, вслѣдствіе этой гласности я остаюсь».

«Вотъ что я писалъ 1-го марта 1849 года. Обстоятельства съ тѣхъ поръ перемѣнились. Привилегія быть выслушаннымъ и публично сразиться съ каждымъ днемъ, подобно Петербургу,

уменьшается и въ Европѣ. Есть страны, которыя болѣе походятъ на Петербургъ, чѣмъ сама Россія».

«Если дойдутъ до того, что даже въ Европѣ намъ станутъ затыкать ротъ, чтобъ мы не могли громко проклинать нашихъ притѣснителей, тогда мы удалимся въ Америку, все принося въ жертву человѣческому достоинству и свободѣ слова»

II.

Россія до Петра I.

Русская исторія—только эмбріологія будущаго славянскаго государства; Россія только еще организуется. Все прошедшее этой страны, съ самаго IX столѣтія, должно разсматривать какъ путь къ неизвѣстному будущему, которое только начинаетъ проясняться.

Настоящая русская исторія начинается съ 1812 года,—все предыдущее было лишь вступленіе.

Существенныя силы русскаго народа никогда не были на самомъ дѣлѣ поглощены его развитіемъ, какъ это было съ германо-романскими народами.

Въ IX вѣкѣ эта страна представляетъ картину, совершенно отличную отъ государствъ Запада. Большинство населенія принадлежало къ одной и той же расѣ, разсѣянной на обширной и мало обитаемой территоріи. Различіе, которое находится повсюду у другихъ народовъ между расой побѣдителей и расой побѣжденной, здѣсь совершенно не встрѣчается. Слабыя и обдѣленныя судьбой финскія племена, разсѣянныя, и какъ бы потерянныя среди славянъ, прозябали внѣ всякаго движенія, находясь или въ пассивномъ подчиненіи, или въ дикой независимости; они не имѣли никакого значенія въ русской исторіи. Норманны (варяги), снабдившіе Русь княжескимъ племенемъ, которое властвовало тамъ безъ перерыва до конца XVII вѣка, были болѣе организаторами, чѣмъ завоевателями. Призванные

жителями города Новгорода, они завладѣли властью и скоро распространили ее до Кіева *).

Варяжскіе князья и ихъ дружина потеряли черезъ нѣсколько поколѣній свой національный характеръ и смѣшались со славянами, давъ всему толчокъ и сообщивъ этому едва сложившемуся государству во всѣхъ его частяхъ новую жизнь.

Характеръ славянъ имѣетъ въ себѣ что-то женственное; этотъ умный, храбрый народъ, съ весьма различными наклонностями, лишенъ иниціативы и энергіи. Можно сказать, что славянская натура, не находя въ себѣ самой всего нужнаго, ждетъ извнѣ толчка, который бы ее пробудилъ. Первый шагъ обходится ему очень дорого, но при дальнѣйшихъ усиліяхъ онъ развиваетъ необычайную силу. Роль норманновъ была подобна той роли, которую позднѣе выполнилъ Петръ Великій при помощи западной цивилизаціи.

Населеніе было раздѣлено на небольшія деревенскія общины, города были рѣдки и не отличались отъ деревень не чѣмъ инымъ, какъ большимъ пространствомъ и оградой, которая ихъ окружала (русское слово городъ происходитъ отъ слова городить). Каждая община, такъ сказать, имѣла началомъ семью, которая владѣла имуществомъ безъ личнаго дѣлежа, сообща, подъ патріархальною властью, которою обладалъ одинъ изъ представителей семейства, самый старшій въ родѣ. Этотъ всецѣло монархическій режимъ уравновѣшивался властью «міра», т.-е. совокупностью всѣхъ членовъ общины. И изъ того, что соціальная организація городовъ была такою же, какъ организація деревень, очевидно, что общее собраніе горожанъ (вѣче) служило противовѣсомъ власти князя.

Не было никакого различія между правами горожанъ и жителей деревни. Вообще, мы не встрѣтимъ въ старой Руси клас-

*) Происходило много споровъ о водвореніи варяговъ на Руси; вопросъ чисто историческій, который насъ интересуетъ очень мало. Огромная важность свидѣтельства Нестора состоитъ въ томъ именно, что она показываетъ точку зрѣнія, съ которой разсматривали вторженіе варяговъ въ XII вѣкѣ, и слѣдуетъ сознаться, что лишь оно одно освѣщаетъ роль норманновъ. *Прим. автора.*

сваго различія, ни привилегій, ни изолированности. Только одинъ народъ, одно племя, или скорѣе княжеская, правящая семья — потомки варяга Рюрика — была совершенно отлична отъ народа. Члены княжескаго рода дѣлили между собою всю Русь сообразно со старшинствомъ вѣтвей, къ которымъ они принадлежали, и ихъ собственному старшинству. Государство было раздѣлено на удѣлы, которые не представляли изъ себя чего-либо опредѣленнаго и управлялись каждый своимъ княземъ подъ главенствомъ самаго старшаго въ родѣ, который носилъ названіе великаго князя и имѣлъ удѣломъ Кіевъ, позднѣе Владиміръ и Москву. Власть великаго князя надъ прочими князьями была очень ограниченной. Эти послѣдніе признавали первенство Кіева, но не было почти никакой дѣйствительной зависимости, никакой административной централизаціи. Удѣлы не разсматривались какъ личная собственность князей: они не могли быть таковыми, такъ какъ князья переходили часто съ одного удѣла на другой, соединяя заразъ нѣсколько вмѣстѣ по праву наслѣдства, или, наоборотъ, раздѣляя ихъ на столько частей, сколько у нихъ было сыновей, и сколько было наслѣдниковъ мужского пола; они становились великими князьями по старшинству (преемникомъ великаго князя былъ не его сынъ, а слѣдующій по старшинству братъ). Безъ труда можно себѣ представить, къ какимъ кровавымъ столкновеніямъ, къ какимъ вѣчнымъ спорамъ вела столь сложная система наслѣдованія. Войны между великими и удѣльными князьями происходили вплоть до установленія московской централизаціи.

Вокругъ князей мы находимъ небольшую группу ихъ соратниковъ, друзей или приближенныхъ, которая образуетъ нѣчто въ родѣ аристократіи, очень трудно поддающейся опредѣленію. Дѣло въ томъ, что она не представляла изъ себя ничего опредѣленнаго, ничего установленнаго, и, хотя титулъ боярина былъ почетнымъ, онъ не давалъ, однако, никакого положительнаго права и даже не былъ наслѣдственнымъ. Всѣ другіе титулы представляли изъ себя только должности, такъ что лѣстница должностей нисходила незамѣтно къ широкому слою жителей деревни. Точно такъ же и весь этотъ высшій слой общества попол-

нялся изъ народа; потомки варяжскихъ воиновъ, которые пришли съ Рюрикомъ, принесли со своимъ появленіемъ идею аристократизма, но славянскій духъ изуродовалъ ее сообразно своей патріархальной и демократической національности. Дружина, видъ постоянной охраны князя, была слишкомъ малочисленна, чтобы сформироваться въ отдѣльный классъ. Власть князя была слишкомъ далека отъ той неограниченности, въ какой она проявилась значительно позднѣе въ Москвѣ. Князь, въ дѣйствительности, былъ только старѣйшиной нѣсколькихъ городовъ и деревень, которыми онъ управлялъ совмѣстно съ общимъ собраніемъ (вѣче), но онъ пользовался неизмѣримымъ преимуществомъ въ томъ отношеніи, что не былъ избираемъ и дѣлилъ верховныя права съ своимъ родомъ, къ которому онъ принадлежалъ. Между прочимъ, великій князь былъ высшимъ судьею страны, и власть судебная не была отдѣлена отъ исполнительной. Эта странная федерализація, единство которой выражалось въ единствѣ властвующаго племени и совершенно не терялось, несмотря на то, что страна была раздѣлена на части, несмотря на то, что отсутствовала централизація,— федерализація, съ ея однороднымъ населеніемъ безъ различія классоваго, безъ различія между городами и деревнями, съ ея земельными владѣніями при коммунистическомъ режимѣ, ни въ чемъ не походитъ на положеніе другихъ государствъ той же эпохи. Но если это положеніе такъ существенно отличалось отъ того состоянія, въ которомъ находилась Западная Европа, то совершенно не слѣдуетъ предполагать, что оно было ниже по отношенію къ Западной Европѣ до XIV столѣтія. Русскій народъ былъ тогда свободнѣе народовъ феодальнаго Запада. Съ другой стороны, это славянское государство не походило также на сосѣднія государства Азіи. Если сюда и входило нѣсколько элементовъ Востока, все же тамъ господствовалъ европейскій характеръ. Славянскій языкъ принадлежитъ, безспорно, къ языкамъ индо-европейскимъ, а не къ языкамъ индо-азіатскимъ. Между прочимъ, славяне не имѣютъ тѣхъ внезапныхъ порывовъ, которые возбуждаютъ фанатизмъ цѣлаго народа, ни той апатіи, которая заставляетъ влачить цѣлыми вѣками отъ поколѣнія къ

поколѣнію то же самое соціальное существованіе. Личная независимость такъ же мало развита у славянскихъ народовъ, какъ и у народовъ Востока, однако можно установить между ними ту разницу, что личность славянина была поглощена общиной, которой этотъ славянинъ являлся дѣятельнымъ членомъ, между тѣмъ какъ на Востокѣ личность была поглощена племенемъ или общественнымъ укладомъ, съ которыми эта личность была связана лишь пассивно.

На взглядъ Европы Россія представлялась азіатской страной, на взглядъ же Азіи—европейской. И этотъ дуализмъ вполнѣ подходилъ къ ея характеру и ея назначенію, которое отчасти состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлаться великимъ караванъ-сараемъ между Европой и Азіей.

Сама религія продолжила этотъ дуализмъ. Христіанство—это Европа, это религія запада: Россія, принимая его, удалялась отъ Азіи; христіанство, которому она послѣдовала, было порожденіемъ Востока—оно являлось изъ Византіи.

Характеръ русскихъ славянъ имѣетъ большое сходство съ характеромъ вообще всѣхъ славянъ, начиная съ иллирійцевъ и черногорцевъ, и кончая поляками, съ которыми русскіе такъ долго вели ожесточенную борьбу. Главнымъ отличіемъ русскихъ славянъ (исключая чужеземное вліяніе, которому подверглись различныя русскія племена) служитъ непрерывное, упорное стремленіе образовать изъ себя независимое и сильное государство. Этой соціальной тенденціи не хватило болѣе или менѣе другимъ славянскимъ племенамъ, даже полякамъ. Идея стремленія организовать и расширить государство пробуждается со времени первыхъ князей, которые прибыли въ Кіевъ. Точно такъ же тысячу лѣтъ спустя мы ее находимъ у Николая. Ее можно узнать въ постоянной идеѣ завоевать Византію и въ томъ единодушіи, съ которымъ поднялся весь народъ (въ 1612 и 1812 гг.), когда угрожала опасность его національной независимости. Инстинктъ или завѣтъ норманновъ, или и то и другое вмѣстѣ, являются неопровержимымъ фактомъ и причиною, вслѣдствіе которой Россія была единственной славянской страной съ такой могучей организаціей. Чужеземное вліяніе

даже помогло различными способами этому развитію, облегчая централизацію и доставляя государству средства, которыхъ оно не имѣло.

Первымъ чужеземнымъ элементомъ послѣ германскаго, смѣшавшагося съ русской національностью, былъ элементъ византійскій. Въ то время, какъ преемники Святослава только и бредили завоеваніемъ восточнаго Рима, этотъ послѣдній предпринялъ и совершилъ ихъ интеллектуальное подчиненіе. Обращеніе русскихъ въ православіе является однимъ изъ тѣхъ важныхъ событій, послѣдствія которыхъ не могутъ быть исчислены. Эти послѣдствія раскрываются лишь вѣками, и порою мѣняютъ обликъ всего міра. Нѣтъ сомнѣнія, что полвѣкомъ или столѣтіемъ позднѣе католицизмъ уже не могъ бы проникнуть въ Россію и не превратилъ бы ее во вторую Кроацію или вторую Богемію.

Пріобрѣтеніе Россіи было громадной побѣдой для умирающей Византійской имперіи, а также для церкви, униженной своей соперницей. Константинопольское духовенство со своимъ обычнымъ коварствомъ, которое его характеризуетъ, поняло это отлично. Оно стало окружать князей монахами и поставляло высшія духовныя власти. Наслѣдникъ, защитникъ, мститель за все то, что претерпѣла или должна была претерпѣть греческая церковь, былъ найденъ не въ Анатоліи или Антіохіи, но среди того народа, который съ одной стороны соприкасался съ Чернымъ, а съ другой — съ Бѣлымъ морями.

Православіе создало неразрывную связь между Россіей и Константинополемъ, оно укрѣпило природныя влеченія къ этому городу и завоеваніемъ религіознымъ подготовило почву для будущаго завоеванія восточной столицы единственно могущественнымъ народомъ, исповѣдующимъ православіе.

Церковь бросилась къ ногамъ русскихъ князей, когда Магометъ II вошелъ въ качествѣ побѣдителя въ Константинополь,— и съ этого времени духовенство не перестаетъ указывать имъ пальцемъ на полумѣсяцъ, красующійся на соборѣ святой Софіи. Г-нъ Фалльмерайеръ разсказываетъ въ своихъ «Fragments de l'Orient», какъ греческое духовенство было наэлектризовано,

когда оно внимало канонадѣ Паскевича въ Трапезундѣ, и какъ Гагіонъ-Оросскіе и Аѳонскіе монахи ожидали своего православнаго избавителя. Турецкое владычество имѣло гораздо болѣе счастливый исходъ, чѣмъ это можно было предвидѣть. Католическая Европа не оставила бы въ покоѣ Восточную Римскую Имперію въ продолженіе послѣднихъ четырехъ столѣтій. Однажды латиняне уже властвовали надъ восточной имперіей. Вѣроятно они сослали бы императоровъ въ какой-нибудь уголъ Малой Азіи и обратили бы грековъ въ католицизмъ. Россія тогда ничего не могла бы подѣлать противъ захватовъ со стороны Запада. Турки уже спасли своей побѣдой Константинополь отъ папскаго владычества. Иго османовъ было сурово, немилосердно, кроваво только въ началѣ; но когда имъ нечего было болѣе бояться, они предоставили побѣжденнымъ народамъ полную свободу вѣроисповѣданія, не разрушая ихъ строй жизни; такъ истекли четыре послѣднихъ вѣка. Россія съ того времени выросла, Европа состарѣлась, и даже самая Высокая Порта подверглась вліянію Морея и реформатора Султана. Вскорѣ къ вліянію Византіи присоединилось вліяніе еще болѣе чуждое духу Запада—это вліяніе монголовъ. Какъ тучи саранчи, какъ ураганъ, сметающій все, что онъ встрѣчаетъ на своемъ пути, прошли татары по Руси. Они грабили города, сжигали деревни, обкрадывали другъ друга и, послѣ всѣхъ этихъ ужасовъ, скрывались за Каспійское море, посылая отъ времени до времени дикія орды, чтобы напомнить покореннымъ народамъ о своемъ владычествѣ. Что же касается до внутренней организаціи государства, его администраціи и правителей, все это побѣдители кочевники оставили по старому. Они не только оставляли полную свободу вѣроисповѣданій, но даже ограничивали свое владычество надъ русскими князьями лишь требованіемъ являться къ ханамъ за полученіемъ инвеституры и признать ихъ господство, уплативъ установленный налогъ. Тѣмъ не менѣе татарское иго нанесло страшный ударъ странѣ: постоянныя опустошенія истощили народъ, и онъ впалъ въ ужасную бѣдность. Народъ оставлялъ деревни, блуждалъ по лѣсамъ, и всякая безопасность для жителей исчезла. Страшно увеличи-

лось бремя налога, который при малѣйшемъ замедленіи являлись собирать баскаки, облеченные широкой властью, въ сопровожденіи тысячъ татаръ и калмыковъ. Съ этого печальнаго времени, которое длилось около двухъ вѣковъ, Россія дала себя опередить Европѣ. Народъ, преслѣдуемый, разоренный, въ вѣчномъ страхѣ, пріобрѣлъ лукавство и угодливость рабовъ; настроеніе всего общества стало угнетеннымъ.

Самому единству государства угрожала опасность, оно готово было распасться во всѣ стороны. Югъ начиналъ все болѣе и болѣе отдѣляться отъ центральной Руси, одна часть склонялась къ Польшѣ, другая къ Литвѣ. Московскіе князья не заботятся уже болѣе о Кіевѣ. Украина начинаетъ заселяться независимыми казаками, этими вооруженными ордами, образующими военныя республики. Онѣ составлялись изъ бѣглецовъ, выходцевъ со всѣхъ концовъ Руси, не признававшихъ надъ собою никакой власти. Новгородъ и Псковъ, защищенные отъ монголовъ громаднымъ разстояніемъ и болотами, старались или сдѣлаться независимыми отъ центра, или покорить его. Въ серединѣ государства, слѣдовательно въ наиболѣе опустошенной его части, выросталъ новый городъ безъ авторитета, совершенно неизвѣстный народу, городъ, гордо претендовавшій на титулъ столицы Руси. Казалось, что, затерянный въ глуши сосновыхъ лѣсовъ, онъ не сыграетъ никакой роли, но именно въ немъ то и забился пульсъ русской жизни.

Характеръ княжеской власти измѣнился, какъ только князья покинули Кіевъ. Во Владимірѣ они сдѣлались болѣе независимыми. Они стали смотрѣть на свои удѣлы, какъ на личную собственность, на наслѣдство, такъ что переходы князей изъ удѣла въ удѣлъ прекратились. Московскіе князья измѣнили порядокъ наслѣдованія.

Отнынѣ ихъ преемникомъ являлся уже не старшій братъ, а старшій сынъ. Они стали уменьшать удѣлы прочихъ членовъ рода. Вѣче не могло быть сильнымъ въ городѣ молодомъ, безъ установившихся обычаевъ и традицій, и это-то особенно привлекало князей въ Москву. Идея соединенія всѣхъ частей государства была господствующей мыслью московскихъ князей,

начиная съ Ивана Калиты, типичнаго представителя этой эпохи, политика, лукаваго и ловкаго хитреца, который снискалъ расположеніе монголовъ своей полнѣйшей покорностью имъ и въ то же время старался воспользоваться и завладѣть всѣмъ тѣмъ, что могло увеличить его могущество. Москва росла съ небывалой быстротой. Настойчивости князей благопріятствовало географическое положеніе. Въ самомъ дѣлѣ Москва была центромъ Великороссіи, имѣя въ своемъ разпоряженіи на небольшихъ разстояніяхъ, отъ 150 до 200 верстъ, города: Тверь, Владиміръ, Ярославль, Рязань, Калугу и Орелъ, и затѣмъ болѣе удаленные Новгородъ, Кострому, Воронежъ, Курскъ, Смоленскъ, Псковъ и Кіевъ.

Необходимость централизаціи была очевидна: безъ нея невозможно было ни свергнуть монгольское иго, ни спасти единство государства. Однако, мы не думаемъ, что московскій абсолютизмъ былъ единственнымъ средствомъ спасенія для Россіи.

Мы хорошо знаемъ, какое скромное мѣсто отведено гипотезамъ въ исторіи, однако нѣтъ повода отбрасывать безъ изслѣдованія всѣ вѣроятности, ограничиваясь лишь дѣйствительными фактами. Мы совершенно не признаемъ того фатализма, который видитъ абсолютную необходимость въ событіяхъ, той теоретической, абстрактной идеи, которую, какъ въ исторію, такъ и въ толкованіе природы внесла спекулятивная философія. Все, что произошло, безъ сомнѣнія, имѣетъ смыслъ, но изъ этого не слѣдуетъ, что всѣ другія комбинаціи были бы невозможны; онѣ сдѣлались невозможными вслѣдствіе чисто случайныхъ причинъ. Исторія далеко не такъ опредѣленна, какъ это привыкли думать.

Въ XV, и даже въ началѣ XVI столѣтія, въ ходѣ русскихъ событій существовало теченіе, по которому нельзя еще было опредѣлить, какой изъ двухъ принциповъ, образующихъ общественную и политическую жизнь, возьметъ перевѣсъ: князь или коммуна, Москва или Новгородъ. Новгородъ, свободный отъ монгольскаго ига, большой и сильный, всегда ставящій права общины выше права князей, привыкъ считать себя властелиномъ, столицей, съ обширными колоніями на Руси.

Новгородъ былъ богатъ благодаря торговлѣ, которую онъ дѣятельно поддерживалъ съ городами Азіи. Москва—вѣрный ленъ своихъ князей, возвышаясь милостью татаръ на развалинахъ разрушенныхъ городовъ, съ ея исключительной національностью и отсутствіемъ настоящей коммунальной свободы, взяла верхъ надъ Новгородомъ. Но Новгородъ также имѣлъ успѣхъ, и это объясняетъ какъ ожесточенную борьбу между этими двумя городами, такъ и тѣ жестокости, которыя употребилъ по отношенію къ Новгороду Иванъ Грозный. Россія могла быть спасена или развитіемъ общиннаго строя, или чистымъ абсолютизмомъ. Событія высказались въ пользу абсолютизма. Россія была спасена. Она сдѣлалась великой и сильной. Но какою цѣной! Это—самая несчастная, самая рабская въ подлунномъ мірѣ страна. Москва спасла Россію, задушивши все свободное въ русской жизни.

Великіе князья московскіе перемѣнили свой титулъ на «царя всея Руси». Ничтожный титулъ великаго князя ихъ не удовлетворялъ, напоминая имъ эпоху Кіева и вѣче. Около того же времени подъ стѣнами Константинополя палъ послѣдній византійскій императоръ. Иванъ III женился на Софіи Палеологъ; двуглавый орелъ, изгнанный изъ Константинополя, сталъ красоваться на царскомъ флагѣ въ Москвѣ. Греческіе монахи проповѣдовали по всему христіанскому Востоку, что міленіе уже близко, и что оно придетъ съ Сѣвера. Греческое духовенство больше всего боялось, чтобъ латиняне не пришли къ нимъ на помощь, и всѣ свои надежды возлагало только на царей. Тогда-то царь принялся прививать византійскій духъ къ русскимъ учрежденіямъ. Духовенство, въ силу необходимости, должно было желать устроить Русь по образцу Комнена и Палеологовъ, т.-е. сдѣлать изъ нея рабски послушную имперію, лишенную всякаго свѣта, во главѣ съ обожествленнымъ царемъ, который, въ свою очередь, долженъ повиноваться духовенству. Оправившійся мало-по-малу отъ монгольскихъ опустошеній народъ очутился лицомъ къ лицу съ царемъ, съ неограниченной монархіей, благодаря ханамъ пріобрѣтшей громадный вѣсъ. Царь собралъ уже большую часть удѣловъ и

включилъ ихъ подъ начало Москвы. Онъ сдѣлался могущественнѣе всѣхъ прочихъ князей, народа и городовъ. И если онъ встрѣчалъ непокорныхъ князей или города, онъ усмирялъ ихъ съ ужасной жестокостью. Новгородъ упорно защищался, но въ концѣ-концовъ палъ. Большой колоколъ, который созывалъ народъ на вѣче, колоколъ, такъ называемый «вѣчевой», былъ перевезенъ въ качествѣ трофея побѣды въ Москву, въ городъ, который Новгородцы еще такъ недавно презирали. Новгородскіе послы сказали Ивану III: «Ты приказываешь намъ сообразоваться съ московскими законами, но мы не вѣдаемъ законовъ Москвы; ты научи насъ узнать ихъ». Иванъ IV не забылъ этого ироническаго отвѣта. Послѣ разоренія Новгорода, взятія Пскова и униженія Твери другіе города не смѣли и думать о серьезномъ сопротивленіи, тѣмъ болѣе, что они пострадали частью отъ татаръ, частью отъ поляковъ, частью отъ литовцевъ. Вѣче мало-по-малу заглохло; глубокое молчаніе царило на Руси; цари становились всемогущими самодержцами.

Однако, вліяніе Византіи оставалось болѣе на поверхности и не затрагивало основъ націи. Оно было чуждымъ не только національному характеру, но даже и правительству. Духъ Византіи того времени—это дряхлость, усталость, непротивленіе агоніи. Русскій народъ находился въ крайней нищетѣ, былъ окончательно разоренъ, у него не было достаточно энергіи, чтобъ подняться изъ подобнаго положенія, однако, онъ былъ молодъ, и въ дѣйствительности не отчаявался; скорѣе онъ бѣжалъ съ поля битвы, чѣмъ былъ побѣжденъ; онъ потерялъ свои права въ городахъ, но онъ сохранялъ ихъ въ лонѣ деревенской общины. Какъ могъ онъ живымъ лечь въ гробъ, какъ это сдѣлалъ Карлъ V, и ограничиться пышными похоронами по византійскому обряду!

И это настолько дѣйствительно, что каждая энергичная личность, которая занимала московскій тронъ, прилагала всѣ усилія, чтобъ разрушить тѣсный кругъ формализма, въ который была заключена его власть. Иванъ IV, Борисъ Годуновъ, Лже-Дмитрій еще до Петра I старались измѣнить сиотворную

и удушливую атмосферу Московскаго Кремля,—они сами задыхались въ ней. Они видѣли, что при такомъ режимѣ дѣтскихъ формальностей и дѣйствительнаго рабства страна не только не прогрессировала, но, наоборотъ, деморализовалась, что управленіе провинціями тяготило подданныхъ, не принося никакой пользы государству. Они видѣли, что еще недостаточно молитвъ московскаго патріарха и чудотворныхъ иконъ съ горы Аѳона, чтобъ излѣчить ихъ отъ этого преждевременнаго опѣпенѣнія.

Иванъ Грозный составилъ свой судебникъ на общинныхъ началахъ, въ духѣ прежнихъ льготъ. Онъ поручилъ взиманіе налоговъ и все управленіе выборнымъ чиновникамъ, расширилъ компетенцію суда, отдавъ въ его вѣдѣніе уголовныя дѣла, при чемъ для заключенія въ темницы требовалось судебное постановленіе. Онъ пожелалъ также уничтожить должность намѣстниковъ въ провинціяхъ, предоставивъ этимъ послѣднимъ полную свободу управленія, подъ наблюденіемъ особаго учрежденія ad hoc. Однако, общинная свобода, попранная его предшественниками, не возродилась по приглашенію всемогущаго и свирѣпаго царя. Всѣ его проекты были сведены къ нулю и остались, такимъ образомъ, безплодными, и къ концу XVI столѣтія повсюду было разстройство и общая апатія. Въ бѣшенствѣ и отчаяніи Иванъ удвоилъ преслѣдованія. Въ своей утонченной жестокости онъ руководился ненавистью и отвращеніемъ. «Я не русскій, я нѣмецъ»,—сказалъ однажды онъ своему ювелиру иностраннаго происхожденія.

Борисъ Годуновъ серьезно задумалъ сблизиться съ Европой, ввести науки и искусства Запада, устроить школы, но въ послѣднемъ отношеніи онъ встрѣтилъ рѣшительный отпоръ со стороны духовенства. Это послѣднее было согласно на все, исключая просвѣщенія, которое не имѣло своимъ источникомъ православія. Равнымъ образомъ очень трудно было пригласить въ Россію иностранцевъ, такъ какъ прибалтійскіе народы преграждали имъ путь. Можно сказать, что, предчувствуя будущее порабощеніе своихъ потомковъ Россіей, они всячески старались отвратить всякіе проблески просвѣщенія, появляющіеся

съ Запада. То, чего не осмѣлился выполнить Годуновъ, попытался сдѣлать Лже-Дмитрій. Это былъ человѣкъ въ высшей степени образованный, съ рыцарской душой, сѣвшій на тронъ благодаря междоусобной войнѣ, начатой во имя законности, въ союзѣ съ поляками и казаками. Дмитрій гораздо смѣлѣе своего предшественника напалъ на нравы и обычаи, царствовавшіе на Руси. Онъ не скрывалъ ни своихъ плановъ реформъ, ни предпочтенія всему польскому и католической церкви. Непокорные бояре, во имя православія и національной безопасности, подняли московскую чернь, которая ворвалась во дворецъ, убила молодого царя, надругалась надъ его трупомъ, сожгла его, и забивъ изъ пепла зарядъ въ пушку, разсѣяла его по воздуху.

Волненіе, возбужденное этими событіями, распространило лихорадочную дѣятельность во всемъ государствѣ. Россія заволновалась отъ Казани вплоть до Невы и Польши. Было ли это инстинктивное усиліе народа создать себѣ иную форму, или, скорѣе, послѣдняя судорога отчаянія, послѣ которой онъ сдѣлался пассивнымъ и вплоть до нашихъ дней позволилъ управлять собою?

Смятеніе, раздраженіе было громадно, кровь лилась повсюду. Послѣ смерти Лже-Димитрія явился второй претендентъ, затѣмъ третій... Одинъ изъ нихъ держался въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы, въ укрѣпленномъ лагерѣ, окруженный русскими волонтерами, поляками и казаками. Провинціи ополчились: одни—чтобы итти на помощь Москвѣ, другія—чтобы помогать претендентамъ. Кремлевскій дворецъ остался пустымъ, не было ни царя, ни даже правильнаго управленія. Польскій король Сигизмундъ желалъ навязать Россіи своего сына Владислава. Шведское войско заняло сѣверъ Россіи и хотѣло возвести на русскій престолъ одного изъ своихъ принцевъ. Москвичи стояли за князей Шуйскихъ, въ то время какъ провинціи не хотѣли объ этомъ и слышать. Междуцарствіе, гражданская война, война съ Польшей, казаки и шведы, отсутствіе управленія продолжались въ теченіе четырехъ лѣтъ. Послѣднія силы народа были истощены въ защитѣ политической незави-

симости, и онъ былъ готовъ на всякія жертвы. Нижегородскій мясникъ Мининъ и князь Пожарскій спасаютъ отечество, но спасаютъ его только отъ иностранцевъ. Народъ, измученный смутами, претендентами, войной, грабежомъ, хотѣлъ покоя во чтобы то ни стало. Тогда ничего не оставалось, какъ, пренебрегая всякой законностью, безъ согласія народа, сдѣлать поспѣшный выборъ: указывали на молодого Романова, какъ на царя всей Россіи. Выборъ палъ именно на него, такъ какъ по своему возрасту онъ ни одной партіи не внушалъ подозрѣнія. Этотъ выборъ внушила усталость.

Правленіе Романова, предшественника Петра I, было цвѣтомъ псевдо-византійскаго режима; народъ былъ мертвъ, или выказывалъ признаки жизни только тѣмъ, что создавалъ шайки разбойниковъ, которыя разгуливали вдоль береговъ Волги и вокругъ Самары. Неповоротливая система плохо освѣдомленной администраціи разорила народъ; правитель чувствовалъ свою неспособность и пригласилъ иностранцевъ, не будучи въ состояніи выпутаться изъ бѣды безъ примѣра Европы. Однако, по какому-то нелѣпому противорѣчію снова замкнулся въ своей исключительной національности, и продолжалъ держаться дикой ненависти ко всякому нововведенію.

Нужно только прочесть разсказъ о московскихъ обычаяхъ того времени, написанный русскимъ подъячимъ посольскаго приказа Кошихинымъ, который въ концѣ XVII вѣка бѣжалъ въ Стокгольмъ. Съ ужасомъ отступаешь передъ затхлой соціальной атмосферой того времени, передъ этими обычаями, которые были не что иное, какъ пародія дурныхъ вкусовъ Восточной Римской Имперіи. Обѣды, шествія, всенощныя, обѣдни, пріемы пословъ, перемѣны одѣяній три или четыре раза въ день составляли все дѣло царей. Вокругъ нихъ группировалась необразованная и совершенно некультурная знать. Этихъ гордыхъ аристократовъ, тщеславныхъ тѣмъ положеніемъ, которое занимали ихъ отцы, пороли на конюшняхъ царя, даже наказывали кнутомъ на площади, и они не чувствовали оскорбленія. Не было ничего человѣчнаго въ этомъ невѣжественномъ, тупомъ и безучастномъ обществѣ. Во что бы то ни стало надо было

выйти изъ этого положенія, или погибнуть безъ разцвѣта. Выйти. Но какимъ образомъ? Откуда ожидать спасенія? Очевидно оно не могло явиться отъ духовенства, находившагося въ то время на высотѣ своего величія. Народъ преклонялся и держался въ сторонѣ. Могли ли бояре, которыхъ пороли, указать ему путь? Конечно, нѣтъ. Однако, когда нужда даетъ себя чувствовать, всегда найдутся средства избѣжать ее.

Переворотъ, который долженъ былъ спасти Россію, вышелъ изъ рода, до сихъ поръ безпѣятельнаго. именно изъ рода Романовыхъ.

Прежде чѣмъ итти далѣе, намъ придется затронуть одинъ изъ наиболѣе запутанныхъ вопросовъ русской исторіи—вопросъ о развитіи крѣпостного права. Ни въ древней, ни въ современной исторіи нѣтъ ничего аналогичнаго тому, что произошло въ Россіи въ XVII и было окончательно утверждено въ XVIII столѣтіяхъ по отношенію къ крестьянамъ. Вслѣдствіе ряда простыхъ полицейскихъ мѣръ, вслѣдствіе насилій со стороны помѣщиковъ, владѣвшихъ землями, попущеній правительства и инертности самихъ крестьянъ, эти послѣдніе превратились изъ свободныхъ, каковыми они были ранѣе, въ „крѣпкихъ землѣ“, въ собственность, неотдѣлимую отъ земли. Поэтому намъ думается, что ихъ человѣческія права, прежде чѣмъ быть отвоеванными страданіями и революціей, должны были пройти черезъ ужасное горнило абсолютизма и произвола.

Деревенская община оставалась нетронутой, въ то время, какъ цари подкапывались подъ вольности городовъ и селъ. Дошла очередь и до крестьянъ, но уничтожена была не община, а самъ вольный крестьянинъ.

Въ началѣ XVII столѣтій мы встрѣчаемъ при царѣ Годуновѣ законъ, который регулировалъ и ограничивалъ право перехода съ земель одного помѣщика на земли другихъ. Этотъ законъ не подвергалъ никакому сомнѣнію ни самаго права перехода, ни личной свободы крестьянина—мотивировкой его служили экономическія соображенія, достаточно основательныя съ точки зрѣнія правительства. Крестьяне покидали земли бѣдныхъ помѣщиковъ и стекались на земли богатыхъ: такимъ

образомъ, плодородныя земли оказывались населенными въ избыткѣ, въ то время какъ на безплодныхъ земляхъ не хватало рабочихъ рукъ. Царь Годуновъ, котораго ненавидѣли крупные помѣщики, думалъ угодить этимъ закономъ мелкимъ собственникамъ. Таковъ былъ первый шагъ къ закрѣпощенію.

Вскорѣ тотъ же Годуновъ издалъ другой законъ—законъ, едва объяснимый. Чтобы понять его, слѣдуетъ замѣтить, что вначалѣ число рабовъ на Руси было очень ограничено. Это были или военные плѣнники, или купленные заграницей (холопы), и, наконецъ, тѣ, которые продавали себя съ семьями (кабальные люди). Всѣ они не имѣли ничего общаго ни съ крестьянами, членами общины, обрабатывающими помѣщичью землю, ни съ свободными слугами бояръ. Этихъ послѣднихъ бояре часто прогоняли, и они шли въ качествѣ нищихъ или воровъ на большую дорогу, или присоединялись къ волжскимъ разбойникамъ и донскимъ казакамъ, этимъ укрывателямъ всѣхъ, кто велъ войну съ обществомъ. Борисъ, всегда отличавшійся осторожностью, боялся этой недовольной массы. Чтобы положить конецъ неудобствамъ и быть увѣреннымъ, что эти люди прокормятся во время голода и не станутъ разбѣгаться, онъ постановилъ, чтобы всѣ слуги, пробывшіе извѣстное время у своихъ господъ, становились ихъ рабами и не могли ни покинуть ихъ, ни быть прогнанными. Такъ тысячи людей стали рабами, почти не замѣчая того. Побѣги отъ этого не уменьшились. Было бы трудно исчислить, сколько солдатъ доставилъ этотъ законъ бандамъ Дмитрія, Гонсѣвскаго, Жолкѣвскаго, Гетмана запорожья и всѣмъ тѣмъ condoïeri, которые опустошали Россію въ началѣ XVII столѣтія. Съ правленія Бориса и кончая Екатериной II, глухое движеніе волновало населеніе деревень, и Пугачевское возстаніе еще живетъ въ его памяти.

Каждый помѣщикъ въ миніатюрѣ повторялъ роль московскаго великаго князя, и какъ города растеряли свои вольности благодаря неопредѣленности ихъ установленій, такъ община оказалась побѣжденной принципомъ авторитета и индивидуа-

лизма, болѣе эгоистичнаго и болѣе энергичнаго, чѣмъ она. Царизмъ, самъ основанный на неограниченной власти, по необходимости долженъ былъ покровительствовать попыткамъ помѣщиковъ, устраняя естественныхъ защитниковъ крестьянъ— избранныхъ судей, и отдавая имъ предпочтеніе во всѣхъ распряхъ съ крестьянами. Однако, законъ ничего не опредѣлялъ, ничего не утверждалъ. Это было злоупотребленіе со стороны правительства и пассивное отношеніе со стороны народа.

Въ такомъ положеніи застала дѣла первая ревизія, произведенная по указу Петра I; она дала въ 1710 году законную почву этимъ чудовищнымъ злоупотребленіямъ, а цивилизаторъ Россіи ихъ санкціонировалъ. Было бы трудно указать на тѣ причины, которыя заставили его дѣйствовать такимъ образомъ. Была ли это ошибка, злоба, или предвидѣніе? Какъ Петръ I былъ представителемъ царизма и переворота, такъ и помѣщикъ сдѣлался въ одно и то же время представителемъ единой власти и зародышемъ революціи. Петръ I далъ толчокъ къ движенію государству, помѣщикъ прямо или косвенно дастъ толчекъ къ революціи обездоленной и пассивной общинѣ. Внѣ всякаго сомнѣнія, когда будетъ исчерпано начало абсолютизма, община одержитъ верхъ. Община, этотъ продуктъ земли, всецѣло поглощаетъ независимую личность человѣка; она не можетъ ни укрыться отъ деспотизма, ни освободить своихъ членовъ. Чтобы сохранить себя, она должна подвергнуться перевороту.

Всѣ вольности общины рушились предъ личностью Московскихъ царей, но, къ счастью, царское племя дало Петра, который былъ настоящимъ выразителемъ революціоннаго принципа, скрытаго въ русскомъ народѣ. Петръ I, какъ сказалъ одинъ изъ молодыхъ историковъ, былъ первой русской личностью, которая осмѣлилась стать независимою. Подобная же роль принадлежитъ и русской знати: она является выразительницей принципа индивидуализма по отношенію къ общинѣ и представляетъ, слѣдовательно, оппозицію абсолютизму.

Она не уничтожитъ общину, она лишь стѣснитъ ее, доколѣ та не возстанетъ. Община, которая держалась въ продолженіе

многихъ вѣковъ,—неразрушима. Петръ I, отдѣляя совершенно знать отъ народа и надѣляя ее громадной властью по отношенію къ крестьянамъ, создалъ между ними тотъ антагонизмъ, котораго прежде совершенно не существовало, или существовалъ, но въ весьма слабой степени. Финаломъ этого антагонизма будетъ соціальная революція, и нѣтъ такого Бога въ Зимнемъ дворцѣ, которому бы удалось отвратить эту предназначенную для Россіи чашу.

III.

Петръ I-й.

Желаніе выйти изъ того тяжелаго положенія, въ которомъ находилось государство, увеличивалось все болѣе и болѣе, когда, въ концѣ XVII вѣка, явился на царскомъ тронѣ смѣлый преобразователь, одаренный разностороннимъ геніемъ и непреклонной волей.

Петръ I не былъ ни восточнымъ царемъ, ни царькомъ. Это былъ деспотъ въ стилѣ Комитета общественнаго спасенія, деспотъ по натурѣ, деспотъ во имя великой идеи, которая укрѣпляла за нимъ непоколебимое превосходство надъ всѣми тѣми, кто его окружалъ. Онъ устранилъ таинственность, окружавшую личность царя, и съ отвращеніемъ бросилъ далеко отъ себя то византійское старье, съ которымъ жили его предшественники. Петръ I не могъ довольствоваться печальной ролью христіанскаго Далай-Ламы, украшеннаго золотыми матеріями и драгоцѣнными камнями, который въ отдаленіи являлся народу, торжественно шествуя изъ своего дворца въ Успенскій соборъ и изъ Успенскаго собора къ себѣ во дворецъ. Петръ I являлся передъ своимъ народомъ, какъ простой смертный. Его видѣли съ утра до вечера неутомимымъ работникомъ, въ простомъ военномъ сюртукѣ; видѣли, какъ онъ отдастъ приказанія и указываетъ то, что надо исполнить. Онъ былъ и кузнецъ, и

столяръ, инженеръ, архитекторъ и плотникъ. Его видѣли повсюду безъ свиты (чаще всего съ однимъ адъютантомъ), возвышающимся надъ толпой своимъ ростомъ. Петръ Великій, какъ мы говорили, былъ первой освободившейся изъ-подъ опеки личностью въ Россіи и, въ силу этого самаго, революціонеромъ, но только коронованнымъ.

Онъ сомнѣвался въ своемъ происхожденіи отъ царя Алексѣя. Однажды за ужиномъ онъ наивно спросилъ графа Ягужинскаго, не онъ ли былъ его отцомъ. «Кто ее знаетъ»,—отвѣтилъ смущенный Ягужинскій,—«покойная царица имѣла столько любовниковъ!..» Вотъ вамъ и законное наслѣдованіе престола! Что касается династическихъ интересовъ, то мы знаемъ, что Петръ, находясь на Прутѣ въ отчаянномъ положеніи, писалъ Сенату о выборѣ себѣ болѣе достойнаго преемника, думая, что его сынъ неспособенъ ему наслѣдовать. Онъ приказалъ его судить и затѣмъ заключить въ тюрьму. Петръ I короновалъ императрицей простую служанку—сначала жену одного шведскаго солдата, а потомъ любовницу его фаворита князя Меньщикова, бывшаго мальчика-пирожника. Обстоятельства, при которыхъ митрополитъ Ѳеофанъ и князь Меньщиковъ объявили послѣднюю волю Петра I, оставляли много сомнѣній, но фактъ тотъ, что ливонская авантюристка, едва говорившая по-русски, была объявлена послѣ его смерти императрицей, и никто не подумалъ оспаривать ея права.

Петръ I почти не скрывалъ своего равнодушія или презрѣнія къ греческой церкви, и она, по необходимости, должна была раздѣлять ту немилость, которую онъ выказывалъ старому порядку вещей. Онъ запретилъ открывать новыя мощи и воспретилъ чудеса. Онъ замѣнилъ патріарха Синодомъ, поставляемымъ правительствомъ, и назначилъ туда оберъ-прокурора изъ кавалерійскихъ офицеровъ. Патріархъ никогда не имѣлъ верховныхъ правъ и вполнѣ независимаго отъ царя положенія, но онъ придавалъ церкви извѣстное единство. Это являлось той причиной, почему Петръ I убралъ его тронъ, обыкновенно занимающій мѣсто рядомъ съ царскимъ. Однако, Петръ I былъ только начальникомъ церкви, его власть была совершенно свѣтская.

Этотъ же самый характеръ власти надъ церковью остался и за петербургскимъ имперіализмомъ: его цѣль, его средства были практическими, свѣтскими, мірскими; онъ не выходилъ изъ предѣловъ реальнаго интереса и, парализовавъ дѣятельность церкви, не думалъ болѣе ни о церкви, ни о религіи. У него была иная идея, ему грезилась колоссальная Россія, гигантское государство, которое можетъ растянуть свои вѣтви въ глубь Азіи, быть властителемъ Константинополя и судебъ Европы.

Обыкновенно въ Европѣ преувеличено представленіе о силѣ духовной власти русскихъ императоровъ. Эта ошибка имѣетъ свое начало не въ русской исторіи, а въ лѣтописи Восточной Римской имперіи. Греческая церковь всегда была въ пассивной покорности у государства и дѣлала все то, чего хотѣла власть, но власть, съ своей стороны, никогда прямо не вмѣшивалась въ интересы религіи и духовенства. Русская церковь имѣетъ свою собственную юрисдикцію, основанную на греческомъ Номоканонѣ. Можно ли думать, что довольно провозгласить себя начальникомъ церкви вмѣсто ея естественнаго главы, чтобы пріобрѣсти дѣйствительную религіозную власть? Если бы дѣло шло о московскихъ царяхъ, напримѣръ, объ Иванѣ IV, въ которомъ было что-то общее съ Константиномъ Копронимомъ и Генрихомъ VIII, и который занимался экзегетикой, когда некого было вѣшать, такое предположеніе было бы еще допустимо, но преемники Петра Великаго, въ числѣ которыхъ были четыре женщины, и только одна изъ нихъ была русская, исключаютъ всякую мысль объ этомъ. Идея сдѣлаться главою церкви была далека отъ ихъ намѣреній въ продолженіе цѣлаго столѣтія. Честь выведенія ея на свѣтъ принадлежитъ Павлу I. Быть можетъ, завидуя Робеспьеру, онъ приказалъ къ своей коронаціи сдѣлать себѣ наполовину солдатское, наполовину поповское платье. Говоря о своемъ духовномъ главенствѣ, онъ желалъ самъ священнодѣйствовать въ Казанскомъ соборѣ. Его отговорили отъ этого шутовства. Извѣстно, что этотъ самый Павелъ I, схизматикъ, при томъ женатый, добылъ титулъ великаго магистра Мальтійскаго ордена, и почти никому не тайна, что во всѣхъ отношеніяхъ это былъ полупомѣшанный.

Чтобы совершенно порвать со старой Россіей, Петръ I оставилъ восточный титулъ царя и покинулъ Москву, чтобы жить въ одной гавани Балтійскаго моря, гдѣ онъ принялъ титулъ императора. Петербургскій періодъ, открывшійся такимъ образомъ, не былъ продолженіемъ исторической монархіи,—это было начало деспотизма молодого, дѣятельнаго, необузданнаго, готоваго какъ на великія дѣла, такъ и на великія преступленія.

Одна только идея связываетъ петербургскій періодъ съ московскимъ — это идея расширенія предѣловъ государства. Все было посвящено ей: достоинство государей, кровь подданныхъ, справедливость по отношенію къ сосѣдямъ и благосостояніе цѣлой страны... Кромѣ этого сходства, Петръ Великій былъ постояннымъ протестомъ старой Россіи. Мы видѣли, что въ династическихъ и религіозныхъ вопросахъ онъ дѣйствовалъ, какъ человѣкъ, вполнѣ просвѣщенный. Своей жизнью онъ находился въ полномъ противорѣчіи съ нравами страны. Онъ выставлялъ на показъ свои шумныя удовольствія. Сколько разъ Петербургъ видѣлъ своего императора, выходящимъ на зарѣ съ обильнаго ужина подъ вліяніемъ венгерскаго вина и анисовой, и бьющимъ въ барабанъ зорю среди своихъ министровъ, еле державшихся на ногахъ. Не разъ видѣли, какъ онъ бѣгалъ по улицамъ съ ряженными, самъ тоже ряженый. Старые бояре съ серьезнымъ видомъ, который скрывалъ за собою бездну глупости и тщеславія, съ ужасомъ смотрѣли на праздники, которые онъ устраивалъ англійскимъ и голландскимъ морякамъ, гдѣ его православное величество безъ удержу предавалось оргіи. Съ глиняной трубкой во рту, съ кружкой пива въ рукахъ, онъ зацавалъ тонъ своимъ гостямъ и не уступалъ имъ въ ругательствахъ. Верхъ негодованія охватилъ бояръ, когда онъ приказалъ ихъ женамъ и дочерямъ, запертымъ какъ на Востокѣ, принимать участіе въ этихъ самыхъ праздникахъ. Подъ императорской мантіей въ Петрѣ всюду проскальзывалъ революціонеръ. Въ то время, какъ, столѣтіе спустя, Наполеонъ каждый годъ покрывалъ свое низкое происхожденіе какимъ-нибудь новымъ царскимъ гряземъ, Петръ I каждый день освобождался отъ какого-нибудь лоскута царизма, чтобы остаться самимъ собой со своей

великой идеей, опиравшейся на непреклонную волю и на жестокость террориста.

Переворотъ, произведенный Петромъ, раздѣлилъ Россію на двѣ части. Съ одной стороны сохранилось дѣленіе крестьянъ на свободныхъ, помѣщичьихъ, городскихъ и посадскихъ. Это была старая Россія, консервативная, традиціонная, строго православная или раскольничья, всегда религіозная, носящая національный костюмъ, и ничего не перенявшая отъ европейской цивилизаціи. На эту часть націи, какъ это обыкновенно случается при удачныхъ переворотахъ, правительство смотрѣло, какъ на недовольную и почти мятежную. Она была въ немилости, поставлена внѣ всякаго закона и отдана въ распоряженіе другой части націи. Новая же Россія составлялась изъ знати, которую Петръ Великій набралъ изъ потомковъ бояръ, всѣхъ гражданскихъ чиновниковъ и, наконецъ, арміи. Быстрота, съ которой эти разношерстные классы покинули свои старые обычаи, была поразительной. Они отказались отъ прошлаго безъ всякаго сопротивленія; только одни стрѣльцы пытались оказать его. Вотъ доказательство подвижности русскаго характера и въ то же время совершенной своевременности преобразованій Петра. Съ восторгомъ покидались старыя и тяжелыя формы московскаго режима. Откуда же являлось упрямство русскаго крестьянина? Крестьяне вообще образуютъ наименѣе прогрессивную часть у всѣхъ націй; въ частности русскіе крестьяне-общинники оставались внѣ всякаго движенія и попытокъ къ тому правительства. Централизація политическая не была поддержана централизаціей административной. Мѣры принятыя для прекращенія переходовъ крестьянъ, интересовали только тѣхъ изъ нихъ, которые жили на господскихъ земляхъ, или, скорѣе, то подвижное меньшинство, которое постоянно мѣняло свои мѣста. Реформа Петра представлялась этимъ послѣднимъ не только покушеніемъ на ихъ традиціи, на ихъ жизненный укладъ, но и какъ вмѣшательство государства въ ихъ собственныя дѣла, какъ бюрократическія придирки, какъ нескончаемое увеличеніе тяжести рабства. Они молча и пассивно стояли въ оппозиціи, которая продолжается до нашихъ дней, и которая оправдывается

принимавшимися Петромъ и его преемниками противъ народа мѣрами. Деревня осталась внѣ всякой реформы. Невозможно оставаться русскимъ крестьяниномъ, когда покидаются старые обычаи. Крестьянинъ можетъ выйти изъ состава общины, сдѣлаться слугой или чиновникомъ правительства, но прежде всего во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ долженъ освободиться отъ духа общины. Членомъ крестьянской общины можетъ быть только крестьянинъ и, какъ таковой, долженъ носить бороду и національный костюмъ. Этого нѣтъ ни въ какихъ законахъ, этого требуетъ лишь обычай, который только и дѣлаетъ его такимъ живучимъ. Такимъ образомъ, крестьяне остаются чистыми отъ всякаго соприкосновенія съ правительствомъ,—они управляютъ, но они ничего не утверждали своимъ согласіемъ. Они не одобряютъ нашей жизни, упорно держатся своихъ обычаевъ, гораздо религіознѣе насъ, и протестуютъ противъ нашего индифферентизма; они сдѣлались раскольниками, протестуя противъ оффиціальной церкви, которая мирится съ нѣмецкой цивилизаціей.

Съ этой именно точки зрѣнія надо цѣнить всю важность приказаній Петра брить бороду и одѣваться по-нѣмецки. Борода и костюмъ образуютъ глубокое различіе между униженной тройнымъ игомъ и охраняющей свою національность Россіей, и Россіей, которая приняла европейскую цивилизацію вмѣстѣ съ императорскимъ деспотизмомъ. Между человѣкомъ съ бородой, который носитъ рубашку поверхъ штановъ, который не имѣетъ ничего общаго съ правительствомъ, и человѣкомъ бритымъ, одѣтымъ въ нѣмецкое платье и чужымъ общинѣ, существовала только единственная живая связь—солдатъ. Правительство замѣтило это и, боясь чтобы солдатъ вновь не сдѣлался крестьяниномъ, прибѣгло къ ужаснымъ мѣрамъ—оно опредѣлило чудовищный срокъ службы двадцатью двумя годами въ началѣ того столѣтія и отъ 15 до 17—въ наши дни. Подъ предлогомъ воспитанія солдатскихъ дѣтей оно учредило настоящую касту пандійскихъ кшатріевъ, приковывая ихъ къ военному сословію и, какъ будто этого не было довольно, обязало ветерановъ подъ страхомъ большого наказанія брить бороды

и никогда не носить національнаго платья. Русскій народъ остался, такимъ образомъ, внѣ всякаго движенія изолированнымъ съ своей горестной надеждой; если онъ не погибъ, то благодаря своей натурѣ и общинѣ, но большаго онъ ничего не достигъ. Ни одной политической идеи не проникло къ нему, но появились интересы, которые не замедлили взволновать русскую общину.

Европа не поняла вопроса освобожденія. Вообще думаютъ, что дѣло идетъ о личной свободѣ, которая не имѣетъ никакого значенія при петербургскомъ деспотизмѣ. Весь вопросъ сводится къ освобожденію крестьянъ вмѣстѣ съ землею. Эта задача занимаетъ правительство, которое не сдѣлаетъ ничего, аристократію, которая не посмѣетъ ничего сдѣлать, и уставшій народъ, который ропщетъ и, можетъ быть, что-нибудь сдѣлаетъ.

Пока что, все умственное и политическое движеніе ограничилось аристократіей. Русская исторія, начиная съ реформъ Петра Великаго, за исключеніемъ пугачевскаго эпизода и народнаго пробужденія въ 1812 году, представляетъ лишь исторію русскаго правительства и русской аристократіи. Если бы русскую аристократію считать подобной всемогущей аристократіи Англіи или ничтожной аристократіи Германіи, то никогда нельзя было бы понять того, что происходитъ теперь въ Россіи.

Не слѣдуетъ терять изъ виду, что аристократія, организованная Петромъ I, не является замкнутой кастой; наоборотъ, она безпрестанно вбираетъ въ себя все то, что порождаетъ демократическая почва, и постоянно черпаетъ изъ этой послѣдней свои силы. Солдатъ съ полученіемъ офицерскаго чина становится потомственнымъ дворяниномъ; причетникъ и писецъ, пробывшій въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ государственнымъ чиновникомъ, становится личнымъ дворяниномъ; если онъ получаетъ болѣе высокій чинъ, онъ пріобрѣтаетъ потомственное дворянство. Сынъ свободнаго крестьянина, окончивъ ученіе въ гимназіи, становится привилегированнымъ. Получившіе орденъ и принятые въ академію становятся дворянами. Та-

нимъ образомъ, подъ именемъ дворянства въ Россіи слѣдуетъ разумѣть всѣхъ тѣхъ, кто, не принадлежа къ деревенской или городской общинѣ, состоитъ на государственной службѣ. Права и привилегіи остаются однѣ и тѣ же какъ для потомковъ Рюриковичей и боляръ, такъ и для сына низшаго чиновника, получившаго потомственное дворянство.

Русская аристократія—государство въ государствѣ—оказалась побѣжденной безъ сраженія.

Было бы абсурдомъ искать какого-либо единства въ классѣ, который содержитъ въ себѣ какъ солдатъ, причетниковъ, сыновей поповъ, такъ и помѣщиковъ, владѣтелей тысячей крестьянъ.

Но пропустимъ времена, слѣдовавшія за царствованіемъ Петра. Полная правительственная анархія разразилась послѣ его смерти, и въ продолженіе двадцати лѣтъ новый порядокъ постоянно колебался до основанія, лишь только исчезла желѣзная рука Петра; народныя традиціи были разрушены, не стало вѣры въ династію. Народъ, вставшій на защиту человѣка, котораго онъ считалъ сыномъ Ивана IV, даже не зналъ именъ всѣхъ этихъ Романовыхъ, Брауншвейгъ—Вольфенбюттелей и Голштинъ—Готторпскихъ, которые, какъ тѣни скользили на ступеняхъ трона и исчезали въ снѣгахъ ссылки въ темницахъ или на плахѣ.

Высшая аристократія, не имѣвшая никакого общаго интереса, ради вѣчнаго повторенія дворцовыхъ переворотовъ въ качествѣ солдатъ служила въ гвардіи. Солдаты со своей стороны не знали другой морали, кромѣ послушанія тому, у кого въ рукахъ была сила, и кто ее умѣлъ удержать. Кумиръ, разъ поверженный, тотчасъ всѣми предавался забвенію. Прогрессъ, который произвелъ политическое развращеніе того времени, превосходитъ все, что можно вообразить. Императорскій тронъ походилъ на ложе Клеопатры; толпа вельможъ и клинокъ янычара вѣнчали иностраннаго принца, женщину, дитя, отдаленнаго родственника какого-нибудь родственника Петра, сажали ихъ на тронъ, оказывали имъ почести и наказывали кнутомъ тѣхъ, которые порицали ихъ за то. Но лишь только избран-

никъ успѣвалъ вкусить всѣ прелести чрезмѣрной власти, какъ кучка сановниковъ и преторьянцевъ увлекала его со всѣми его приближенными въ пропасть. Министры и генералы почти каждый день появлялись на площади, гдѣ производились казни, или ссылались въ Сибирь. Эти перевороты производились такъ быстро, что фельдмаршалъ Миних, который отправилъ Бирена [1]) въ ссылку, высланный въ свою очередь, догналъ его при переправѣ черезъ Волгу, гдѣ Биренъ былъ задержанъ разливомъ рѣки. Эта bufera infernale увлекала всѣхъ правителей съ такой быстротой, что не только нельзя уловить ихъ черты, но, верхъ проніи, мы видимъ удержавшимся только одного начальника тайной канцеляріи Бестужева. Этотъ почтенный сановникъ сохранилъ свой постъ, несмотря на всѣ перевороты, и, такимъ образомъ, имѣлъ случай производить дознанія, пытать и казнить всѣхъ своихъ друзей, благодѣтелей и враговъ.

Можно ли вѣрить, что послѣ всего этого народъ видѣлъ въ своихъ преходящихъ государяхъ главу православной церкви. Кромѣ политическихъ интригъ не слѣдуетъ забывать, что тотъ вольный духъ, который ввелъ Петръ I, и который такъ шелъ къ нему, вскорѣ перешелъ ко всему двору и выродился здѣсь въ грязное безпутство и дикій разгулъ. Елизавета, дочь Петра I, будучи еще великой княжной, проводила ночи въ оргіяхъ съ гренадерами изъ караула и гуляла съ ними въ Лѣтнемъ саду. Она въ концѣ-концовъ, пріобрѣла такую привычку къ спиртнымъ напиткамъ, что напивалась каждый день. Пріостанавливались самыя важныя дѣла, послы не могли добиться у нея аудіенціи въ продолженіе цѣлыхъ недѣль въ то время, когда она была пьяна. Императрица Анна жила, какъ добрая супруга, съ своимъ бывшимъ конюхомъ Биреномъ, котораго она сдѣлала герцогомъ Курляндіи. Регентша Анна Брауншвейгская спала лѣтомъ со своимъ любовникомъ на освѣщенномъ дворцовомъ балконѣ.

---

1) Мы оставляемъ словоупотребленіе Герцена въ виду того, что во Франціи и теперь фаворита Анны называютъ Биреномъ, а не Бирономъ. (См. v профес. Дени).

Прим. перев.

Среди этой эпохи, скандальной событіями и паденіями троновъ, этой оргіи и дикаго деспотизма вмѣстѣ съ угодливой олигархіей, которая располагала короной, какъ евнухи Восточной Римской имперіей, единственнымъ проблескомъ на политическомъ горизонтѣ были условія принятія короны, предложенныя императрицѣ Аннѣ. Анна дала клятву, согласилась на все, но тотчасъ, поддерживаемая нѣмецкой партіей, во главѣ которой стоялъ Биренъ, разорвала подписанную грамоту и устранила всѣхъ тѣхъ, кто хотѣлъ ограничить власть короны. Между нѣмцами и ихъ сообщниками—съ одной стороны, и русскими вельможами, которые окружали тронъ, съ другой стороны, существовала давнишняя вражда. Ненависть нѣмцевъ облегчила вступленіе на тронъ Елизаветѣ. Эта неспособная и жестокая женщина сдѣлалась популярной, льстя національной партіи.

Однако не слѣдуетъ преувеличивать значеніе этихъ партій. Нѣмецкая партія не являлась представительницей цивилизаціи, а русская—невѣжества. Эта послѣдняя не помышляла серьёзно о возвратѣ прежняго строя. Попытки князя Долгорукова временъ Петра II не привели ни къ чему. Нѣмцы съ своей стороны были далеки отъ того, чтобы являться представителями прогресса. Не имѣя ничего общаго со страной, которую они едва знали и презирали, какъ варварскую, невыносимо надменные, они были наиболѣе послушнымъ орудіемъ въ рукахъ императорской власти. Имѣя цѣлью только быть въ милости, они служили лично императору, но не націи Между прочимъ они вносили въ русскія дѣла совершенно антипатичный русскимъ бюрократическій педантизмъ и дисциплину, совершенно противную нашимъ правамъ.

Вражда между славянами и нѣмцами—печальный, но дѣйствительный фактъ. Каждый конфликтъ между ними показывалъ всю глубину ихъ ненависти. Нѣмецкое владычество много способствовало усиленію этой ненависти у западныхъ славянъ и поляковъ. Русскіе никогда не находились подъ ихъ властью. Если ихъ владѣнія на Балтійскомъ побережьѣ и были завоеваны рыцарями Тевтонскаго ордена, то тамъ жили не русскіе,

а финны. Но хотя среди всѣхъ славянъ русскіе менѣе другихъ ненавидятъ нѣмцевъ, однако естественное чувство отвращенія, которое существуетъ между ними, не можетъ изгладиться. Это отвращеніе имѣетъ основаніе въ различіи характера, которое проявляется въ самомъ незначительномъ.

Предпочтеніе, которое правительство послѣ Петра Великаго оказывало нѣмцамъ, не было способно примирить ихъ съ русскими. Еще если бы это были только Минихи и Остерманы, которые бы являлись въ Россію: на берегахъ Невы пристроилась цѣлая туча выходцевъ тридцати шести, или ужъ я не знаю сколькихъ, княжествъ, образующихъ единую и недѣлимую Германію.

До сихъ поръ русское правительство не имѣло болѣе преданныхъ слугъ, чѣмъ дворяне Эстляндіи, Лифляндіи и Курляндіи. «Мы не любимъ русскихъ въ Ригѣ», говорила однажды знатная особа Прибалтійскаго края, «но изъ всей имперіи мы наиболѣе вѣрные подданные императорскаго дома». Правительство знаетъ объ этой преданности и загромождаетъ нѣмцами министерства и главныя управленія. Это ни особое расположеніе, ни несправедливость. Въ офицерахъ и чиновникахъ изъ нѣмцевъ правительство находитъ то, что ему надо: регулярность и безстрастность машины, скромность глухонѣмыхъ, стоическое испытанное послушаніе и усидчивость къ труду, не знающую усталости. Прибавьте къ этому извѣстную честность, (которая у русскихъ очень рѣдка), и какъ разъ столько образованія, сколько требуютъ ихъ занятія, образованія, никогда не поднимающагося до той высоты, чтобы понять, что нѣтъ никакой заслуги быть честными, неподкупными орудіями деспотизма. Прибавьте къ этому полнѣйшую безучастность къ судьбѣ подчиненныхъ, глубокое презрѣніе къ народу, совершенное незнаніе національнаго характера, и вы поймете, почему народъ ненавидитъ нѣмцевъ, а правительство такъ ихъ любитъ.

Если отъ министерствъ и канцелярій мы перейдемъ къ мастерскимъ, мы встрѣтимъ тотъ же антагонизмъ. Русскій рабочій русскаго хозяина является почти членомъ его семьи; они

имѣютъ одни и тѣ же нравственныя и религіозныя воззрѣнія; обыкновенно они ѣдятъ за однимъ столомъ и отлично столковываются; иногда хозяину случается ударить работника, который получаетъ удары съ слишкомъ христіанской покорностью, а иногда и отвѣчаетъ, но ни тотъ ни другой не идутъ жаловаться въ полицію. Воскресенье проходитъ одинаково у хозяина и рабочаго: оба они возвращаются пьяными. На другой день хозяинъ, понимая, что рабочій не можетъ быть внимательнымъ къ труду, позволяетъ ему потерять нѣсколько часовъ, такъ какъ онъ знаетъ, что тотъ, въ случаѣ надобности, станетъ работать для него ночью. Очень часто хозяинъ даетъ работнику деньги впередъ, какъ и рабочій дожидается жалованья по цѣлымъ мѣсяцамъ, когда видитъ, что его хозяинъ въ затрудненіи. Нѣмецкій хозяинъ не считаетъ себя равнымъ русскому рабочему, но скорѣе его начальникомъ. Методическій по характеру и сохраняющій обычаи своей страны, нѣмецъ замѣняетъ эластичныя и неопредѣленныя отношенія русскаго рабочаго къ своему хозяину отношеніями юридическими, строго опредѣленными, отъ смысла которыхъ онъ не отступаетъ ни на одну букву. Вѣчная требовательность, муштровка и холодный деспотизмъ оскорбляютъ русскаго рабочаго, тѣмъ болѣе что его хозяинъ никогда до него не снисходитъ. Даже спокойныя привычки нѣмцевъ, предпочтеніе, которое онъ отдаетъ пиву передъ водкой, только прибавляетъ отвращеніе къ нему русскаго рабочаго. У этого послѣдняго гораздо больше ловкости, чѣмъ прилежанія, и способности, чѣмъ знанія. Онъ можетъ сдѣлать много за разъ, но у него нѣтъ усидчивости къ труду, къ единообразной методической дисциплинѣ нѣмцевъ. Хозяинъ нѣмецъ не терпитъ, чтобы его рабочій приходилъ часомъ позже или уходилъ часомъ раньше. Головная боль понедѣльниковъ и субботнія бани—не оправданіе въ его глазахъ. Онъ помѣчаетъ каждое отсутствіе, чтобы сдѣлать вычетъ за него изъ жалованія, быть можетъ, съ полной справедливостью, но русскій рабочій видитъ въ немъ чудовищнаго эксплуататора. Отсюда безпрестанные раздоры и споры. Разсерженный хозяинъ прибѣгаетъ къ помощи полиціи или помѣщика, если рабочій

крѣпостной, призывая на его голову всѣ несчастія. Русскій хозяинъ безъ исключительныхъ поводовъ не пойдетъ ни въ квартальному, ни къ помѣщику: полиція и дворянство-общіе враги какъ бородатаго хозяина, такъ и небритаго рабочаго.

Но возвратимся къ нашему разсказу.

Императрица Елизавета вызвала изъ Голштиніи своего преемника и женила его на принцессѣ Ангальтъ—Цербской. Нашли, что добрый и простой Петръ III былъ слишкомъ нѣмцемъ. Его жена, еще менѣе русская, чѣмъ Петръ, свергла его съ трона, приказала заключить въ тюрьму и тамъ отравить. Графъ Орловъ, которому надоѣло ждать дѣйствія яда, задушилъ его.

Долгое царствованіе Екатерины II придало петербургскому правительству значительную устойчивость. Это было продолженіе царствованія Петра I послѣ тридцатилѣтняго перерыва. Екатерина принесла вмѣстѣ съ собою въ царскій дворецъ элементъ граціи, вѣжливости и хорошаго вкуса, который не существовалъ до нея, и который оказалъ спасительное вліяніе на образованную часть общества. Екатерина II, не знавшая народа, причинила ему только зло: ея народомъ было дворянство, и она прекрасно его понимала, она возвысила дворянство, ввѣря ему избраніе почти всѣхъ судебныхъ и административныхъ должностей въ провинціи, гдѣ она дала ему крѣпкую организацію и позволила собираться для обсужденія своихъ интересовъ и для контроля надъ средствами, предназначенными на мѣстныя нужды.

Городамъ и крестьянамъ она также даровала избирательныя права, которыя, однако, важны болѣе въ принципѣ, чѣмъ въ дѣйствительности. Всѣ эти уступки, однако, блѣднѣютъ передъ тѣмъ преступленіемъ, которое она совершила по отношенію къ крестьянамъ, съ безумной расточительностью распространяя рабство. Она отдавала огромныя заселенныя земли своимъ фаворитамъ и любовникамъ. Въ пользу ихъ она не только опустошила монастыри, но и отдала имъ малороссійскихъ крестьянъ, гдѣ до этого времени еще не знали рабства. Можно понять, что будучи философомъ, въ родѣ Фридриха II и Іосифа II,

она могла бы принять участіе въ преступномъ раздѣлѣ Польши. Государственныя соображенія, желанія увеличить свои предѣлы могутъ, если не извинить, то объяснить этотъ фактъ. Но отчуждать у государства обитаемыя земли, дѣлать рабами свободныхъ земледѣльцевъ, даже не думая поставить какія-либо условія новымъ владѣльцамъ,—это безуміе.

Быть можетъ императрица Екатерина постоянно помнила о томъ дикомъ энтузіазмѣ, съ которымъ крестьяне четырехъ губерній пристали къ Пугачеву, когда тотъ вѣшалъ всѣхъ дворянъ, которыхъ онъ забиралъ; быть можетъ, у нея еще слишкомъ была жива въ памяти та сцена, которая произошла въ ея царствованіе въ Москвѣ, гдѣ народъ, убивши одного архіерея предъ алтаремъ, влачилъ его трупъ въ полномъ парадномъ одѣяніи по улицамъ. Съ другой стороны, она видѣла, что дворянство такъ признательно, такъ полно преданности, что невольно дѣйствовала въ его интересахъ.

Странная вещь, что никто изъ государей дома Романовыхъ ничего не сдѣлалъ для народа. Народъ помнитъ о нихъ лишь по неисчислимому количеству бѣдствій, по увеличенію ига рабства, по солдатчинѣ, по всякаго рода налогамъ, по военнымъ колоніямъ и по кровавой и безсмысленной войнѣ, которая двадцать пять лѣтъ продолжается въ неприступныхъ горахъ.

Образованіе быстро распространилось въ высшихъ слояхъ общества, не имѣвшаго почти ничего національнаго, за исключеніемъ извѣстной грубости, которая странно сочеталась съ формами французской утонченности. При дворѣ говорили только по-французски и подражали Версалю. Сама Императрица задавала тонъ, переписывалась съ Вольтеромъ, проводила вечера съ Дидро и комментировала Монтескье. Идеи энциклопедистовъ стали проникать въ петербургское общество. Почти всѣ старцы изъ тѣхъ временъ, извѣстные намъ, были вольтерьянцами, если они не были франкмасонами. Эта философія прививалась тѣмъ легче, что складъ русскаго ума былъ или реалистическимъ или ироническимъ. Поле, которое отвоевала цивилизація, было потеряно для церкви. Греческое православіе имѣетъ силу надъ славянской душой только до тѣхъ поръ, пока оно находитъ

тамъ невѣжество. По мѣрѣ проникновенія свѣта вѣра блѣднѣетъ, и внѣшній фетишизмъ уступаетъ мѣсто полнѣйшему безразличію. Здравый смыслъ и практическій умъ русскаго отвергаетъ сосуществованіе свѣтлой мысли съ мистицизмомъ. Русскій можетъ дома оставаться набожнымъ до ханжества, но только при томъ условіи, если онъ никогда не будетъ думать о религіи. Освобожденіе отъ невѣжества совпадаетъ для него съ освобожденіемъ отъ религіи. Мистическое направленіе, которое мы встрѣтимъ у масоновъ, было только средствомъ парализовать прогрессъ быстро распространявшагося животнаго эпикуреизма. Что же касается мистицизма временъ императора Александра, то это былъ продуктъ масонства и нѣмецкаго вліянія безъ основанія въ дѣйствительности, мода у однихъ и экзальтація у другихъ. Объ этомъ не было больше вопросовъ послѣ 1825 года. Религіозность, пропагандируемая полиціей Николая I-го, не говоритъ въ пользу благочестія цивилизованнаго класса.

Вліяніе философіи XVIII столѣтія имѣло отчасти пагубное слѣдствіе для Петербурга. Во Франціи энциклопедисты освобождали народъ отъ старыхъ предразсудковъ, внушали ему болѣе высокія моральныя побужденія, дѣлали его революціонеромъ. У насъ же философія Вольтера, разрывая послѣднія путы, которыя сдерживали на половину дикую натуру, ничего не давала на мѣсто старыхъ вѣрованій и традиціонныхъ моральныхъ обязанностей. Она снабжала Россію всѣми средствами діалектики и иронiи, могущими оправдать русскаго въ собственныхъ глазахъ, оправдать его положеніе раба въ отношеніи къ повелителю и его положеніе повелителя по отношенію къ рабу. Юные сыны цивилизаціи съ жадностью накинулись на прелести сенсуализма. Они прекрасно поняли призывъ къ эпикуреизму, но звукъ торжественнаго набата, который призвалъ людей къ великому возстанію, не дошелъ до ихъ души.

Между аристократіей и народомъ стояла толпа возвысившихся чиновниковъ, классъ, въ высшей степени испорченный и лишенный всякаго человѣческаго достоинства... Воры, тираны, доносчики, пьяницы и игроки, они были и остались наиболѣе

подлыми людьми въ государствѣ. Этотъ классъ былъ порожденіемъ крутой реформы и законодательства времени императора Петра I-го.

Словесный процессъ былъ уничтоженъ и замѣненъ процессомъ письменнымъ. Мелочныя формальности, введеныя по образцу нѣмецкихъ канцелярій, осложнили процедуру веденія дѣлъ и дали ужасное оружіе крючкотворству. Чиновники, совершенно свободные отъ предразсудковъ, искажали законы на свой надъ съ безконечной ловкостью. Это самыя типичныя на свѣтѣ «приказныя строки». Они имѣютъ въ виду только собственную отвѣтственность и, когда считаютъ ее въ безопасности, осмѣливаются на все/ Крестьянинъ, какъ и чиновникъ, совершенно не вѣритъ въ законъ. Первый уважаетъ его изъ страха, второй—какъ мать, кормилицу. Святость закона, неотъемлемыя права, понятіе неприкосновенной законности—слова, которыхъ не существуетъ на ихъ языкѣ. Всей царской силы не достаточно, чтобы уничтожить послѣдствія вредной дѣятельности этихъ чернильныхъ гадовъ, этихъ тайныхъ враговъ, которые подстерегаютъ крестьянина, чтобы завлечь его въ разорительный процессъ.

Получивъ приблизительное представленіе о нео—европейскомъ обществѣ временъ Екатерины II-й, бросимъ взглядъ на литературу вновь основаннаго государства.

Византійская церковь страшилась всякой свѣтской культуры. Она не знала никакой другой науки, кромѣ теологическихъ словопреній, и изобрѣла условную живопись въ противовѣсъ плотской красотѣ античнаго міра (иконопись). Она приходила въ ужасъ передъ всякимъ независимымъ движеніемъ, желая только покорной вѣры. Въ Россіи не было проповѣдниковъ. Единственный епископъ, который былъ извѣстенъ своими рѣчами въ древнія времена, жестоко за нихъ поплатился. Чтобы представить, что за воспитаніе давала восточная церковь своей вѣрной паствѣ, достаточно познакомиться съ христіанскимъ населеніемъ Малой Азіи. Это—та самая церковь, которая была, начиная съ X столѣтія, носительницей цивилизаціи въ Россіи. Постоянныя войны удѣльныхъ князей и монгольское иго оказали ей величайшую услугу.

Греко-русская церковь удержала особый языкъ, образованный изъ различныхъ нарѣчій южныхъ славянъ, народный языкъ тогда не былъ еще выработанъ. Хроники, дипломатическіе и гражданскіе акты составлялись на языкѣ, представлявшемъ нѣчто среднее между языкомъ церкви и языкомъ народа. Онъ приближался то къ одному, то къ другому, смотря по общественному положенію автора. Въ литературѣ не было никакого движенія до XVIII столѣтія. Нѣсколько хроникъ, одна поэма въ XII вѣкѣ (слово о полку Игоревѣ), довольно большое число сказокъ и народныхъ пѣсенъ, которыя въ большинствѣ случаевъ передавались устно,—вотъ все, что дали десять столѣтій въ области литературы.

Оставляя въ сторонѣ эту нищету, важно замѣтить, что языкъ Библіи, лѣтописи Нестора и вышеупомянутой поэмы не только замѣчательно красивъ, но также носитъ на себѣ слѣды долгаго употребленія и внутренняго развитія въ продолженіе многихъ вѣковъ.

Переводчики Библіи Кириллъ и Меѳодій дали твердыя основы языку, составили алфавитъ и грамматическія формы согласно греческимъ правиламъ, но они вѣроятно нашли богатый и выработанный языкъ у славянъ, жившихъ въ Македоніи и Ѳессаліи. Надо принять во вниманіе тѣ затрудненія, которыя встрѣчаютъ англичанъ при переводѣ Евангелія на языкъ дикарей, напримѣръ кафровъ. Имъ не достаетъ словъ, образовъ, понятій, выраженій; все должно быть передано приблизительнымъ пересказомъ. Между тѣмъ славянскій переводъ по сжатости, зрѣлой красотѣ и правильности равенъ переводу Лютера.

Всѣ поэтическіе элементы, которые бродили въ душѣ русскаго народа, выливались въ удивительно мелодичныхъ пѣснях. Славянскіе народы по преимуществу народы—пѣвцы. Лѣтописцы Восточной Римской имперіи повѣствуютъ, что во время одного изъ славянскихъ нашествій греки захватили ихъ благодаря тому, что славянская стража, которая постоянно пѣла, заснула подъ свое собственное пѣніе. Русскій крестьянинъ всегда находитъ въ пѣсняхъ единственную возможность излить свои страданія. Онъ всегда поетъ, работаетъ ли, правитъ ли ло-

шадьми, или отдыхаетъ у порога своей двери. То, что отличаетъ его пѣсни отъ пѣсенъ другихъ славянъ и даже пѣсенъ малороссовъ,—это глубокая грусть. Слова этихъ пѣсенъ—постоянная жалоба, которая теряется въ равнинахъ, такихъ же безграничныхъ, какъ его несчастія, въ мрачныхъ сосновыхъ лѣсахъ, въ безконечныхъ степяхъ, не встрѣчая даже дружескаго эхо. Эта грусть—не страстный порывъ къ чему-либо идеальному; въ ней нѣтъ ничего романтическаго, никакихъ нездоровыхъ аскетическихъ стремленій,*) какъ это мы находимъ въ нѣмецкихъ пѣсняхъ; это личная скорбь человѣка, раздавленнаго судьбой, это упрекъ судьбѣ, „судьбѣ горькой, судьбѣ мачехѣ". Это подавленное желаніе, которое не осмѣливается обнаружиться иначе; это пѣсня женщины, притѣсняемой своимъ мужемъ, мужа, притѣсняемаго его отцомъ, сельскимъ старостой, наконецъ—это пѣсня всѣхъ притѣсняемыхъ помѣщикомъ или царемъ. Это—любовь страстная, глубокая, несчастная, но земная и реальная.*). Въ этихъ меланхолическихъ пѣсняхъ вы вдругъ услышите звуки оргій, безумнаго веселья, страстные крики, слова лишенныя смысла, но опьяняющія и увлекающія въ бѣшеный танецъ, который совершенно не похожъ на драматическій и граціозный танецъ въ хорахъ.

Грусть или оргія, рабство или анархія,—вотъ жизнь русскаго. Онъ проводилъ ее въ странствіи, не имѣя ни очага, ни жилища, или поглощенный общиной, затерянный въ семьѣ, или свободный, среди лѣсовъ съ ножемъ за поясомъ. Въ обоихъ этихъ случаяхъ пѣніе выражало одну и ту же жалобу, одни и тѣ же разочарованія. Это былъ глухой голосъ, который говорилъ, что врожденныя силы народа не находили достаточно

---

*) Это же самое слѣдуетъ замѣтить и о томъ, что сказочные герои, Илья Муромецъ, Иванъ-Царевичъ и т. д. имѣютъ гораздо больше сходства съ героями Гомера, чѣмъ со средневѣковыми. Богатырь, какъ и Ахиллъ, не рыцари.
Примѣч. автора.

*) См. прекрасную диссертацію m-me Tulvi о славянскихъ пѣсняхъ въ ея работѣ, напечатанной въ 1846 г. въ Ньюіоркѣ.
Прим. автора.

выхода, что онѣ были совершенно не у мѣста въ жизни, скованной общественнымъ строемъ.

У русскихъ существуетъ цѣлый рядъ такъ называемыхъ разбойничьихъ пѣсенъ. Это уже не жалобныя элегіи, это безразсудный крикъ, это верхъ радости человѣка, который наконецъ чувствуетъ себя свободнымъ, крикъ безумія, гнѣва, вызова. „Погодите, мы придемъ пить ваше вино, мы станемъ ласкать вашихъ женъ, расхищать ваши богатства“... „Я не хочу больше работать въ полѣ; что я заработалъ, обрабатывая землю? Я бѣденъ и меня презираютъ; нѣтъ—я возьму въ товарищи ночь темную, ножъ отточенный, я найду друзей въ темныхъ лѣсахъ, я убью господина, я ограблю купца на большой дорогѣ. По крайней мѣрѣ всѣ меня станутъ уважать. И молодой путникъ, проходящій по дорогѣ мимо меня, и старецъ, сидящій около своего дома, снимутъ передо мной шапку.“

Монастырь, казачество, разбойничьи шайки были единственнымъ средствомъ сдѣлаться свободнымъ въ Россіи. Народъ вѣжливо называлъ разбойниковъ шалунами или вольницей. Въ старину одинъ только Новгородъ поставлялъ цѣлыя шайки, которыя спускались по Волгѣ и Окѣ до береговъ Камы, „отправляясь въ приключеніяхъ искать счастія“. Казаки разбойники, преслѣдуемые Иваномъ IV, чтобъ заслужить прощеніе совершили подъ предводительствомъ Ермака завоеваніе Сибири. Бродяжничество и разбой особенно участились во время междуцарствія и въ началѣ XVII столѣтія. Память о Стенькѣ Разинѣ сохранилась во многихъ народныхъ пѣсняхъ, составленныхъ въ честь него. Это разбойничество не прекращалось вплоть до Пугачева, и, весьма вѣроятно, оно приняло такіе громадные размѣры лишь благодаря глухой борьбѣ, которую завязали крестьяне, протестуя противъ своего рабства. Слѣдуетъ также замѣтить, что въ пѣсняхъ разбойнику отводится очень почетное мѣсто; симпатіи всецѣло на его сторонѣ, а не на сторонѣ жертвъ, и тайною радостію превозносятся его удаль и храбрость. Составители пѣсенъ, казалось, понимали, что самымъ большимъ врагомъ народа былъ не разбойникъ.

Не менѣе важнымъ было умственное движеніе, хотя и другого

рода,—распространеніе раскольничества. Того, чего не сумѣло никогда сдѣлать греческое православіе: заинтересовать простолюдина, развить въ немъ дѣятельную вѣру, настоящій интересъ,—выполнили раскольники. У нихъ совершенно нѣтъ индифферентизма; общинное начало здѣсь болѣе развито, чѣмъ у крестьянъ православныхъ, ихъ духъ замѣчательно бодръ. Есть секты, гдѣ догматика безсмысленна, но поведеніе полно энергіи и честности. Есть даже нѣсколько очень распространенныхъ сектъ, которыя проповѣдуютъ самыя крайнія идеи коммунизма, примѣшанныя къ мистическому христіанству въ родѣ герренгутовъ и даже анабаптистовъ. Преслѣдуемые правительствомъ, тысячи раскольниковъ выселились въ Ливонію и Турцію, гдѣ существуютъ цѣлые города, населенные ихъ потомками. Раскольники самые рьяные враги реформы. Петра I. Для нихъ Петръ и его преемники-антихристы. Правительство же, наоборотъ, видитъ въ нихъ мятежниковъ и, какъ таковыхъ, преслѣдуетъ. Раскольники твердо сопротивляются, ихъ пропаганда растетъ, они имѣютъ приверженцевъ и тайныя типографіи во всѣхъ концахъ имперіи.

Было бы возможнымъ возникновеніе въ одномъ изъ скитовъ*) (раскольничья община) такого народнаго движенія, которое разнесло бы цѣлыя губерніи. Его характеръ былъ бы навѣрное національнымъ и коммунистическимъ. Оно пошло бы на встрѣчу другому движенію, имѣющему источникъ въ революціонныхъ идеяхъ Европы. Быть можетъ два эти движенія встрѣтятся къ великому удовольствію царей и его друзей, даже и не помышляя о томъ родствѣ, которое они имѣютъ между собой.

Русская литература начинаетъ пріобрѣтать извѣстное значеніе лишь со временъ Екатерины II. До ея царствованія идетъ лишь подготовительная работа; языкъ формируется при новыхъ условіяхъ существованія, онъ полонъ нѣмецкихъ и латинскихъ словъ. Духъ подражанія завладѣваетъ всѣми и даже до того,

*) Пугачевъ и его сообщники принадлежали къ „старовѣрчеству“. Прим. авт.

что пытаются въ нашъ звучный метрическій языкъ ввести силлабическое стихосложеніе. Оправившись отъ этихъ преувеличеній, русскій языкъ сталъ освобождаться отъ потока иностранныхъ словъ, дѣлаться болѣе естественнымъ, болѣе соотвѣтственнымъ русскому генію. Первымъ изъ русскихъ, который принялся за талантливую обработку языка, былъ Ломоносовъ. Этотъ извѣстный ученый представлялъ изъ себя типъ русскаго энциклопедиста и выдавался своими способностями. Онъ писалъ по-русски, по-нѣмецки и по-латыни. Онъ былъ металлургомъ, химикомъ, поэтомъ, филологомъ, физикомъ, астрономомъ и историкомъ. Онъ составлялъ въ одно и то же время одну диссертацію въ области метеорологіи и электричества, другую въ отвѣтъ исторіографу Мюллеру по вопросу призванія варяговъ въ Россію, и все это не мѣшало ему кончать его тріумфальныя оды и дидактическія поэмы. Всегда ясный, полный безпокойнаго желанія понять все, онъ бросалъ одно, чтобъ заняться другимъ, удивительно легко воспринимая самыя разнообразныя науки.

Цивилизація, которая начинала распространяться подъ эгидой правительства, еще оставалась на ступеняхъ трона съ ея удивленіемъ къ Петру Великому и съ ея лестью передъ всякимъ государемъ. Правительство продолжало итти во главѣ просвѣщенія. Это родство литературы съ правительствомъ становится ощутительнымъ со временъ Екатерины II. Она имѣетъ своего поэта, поэта въ высшей степени талантливаго, который въ увлеченіи и любви обращаетъ къ ней свои посвященія, оды, гимны и сатиры. Онъ на колѣняхъ у ея ногъ, но онъ не рабъ и не продаженъ. Державинъ не чувствуетъ страха предъ императрицей, онъ съ ней шутитъ, называетъ ее „Фелицей“, „царицей Киргизъ-Кайсакскія орды“. Его муза звучитъ не такъ, какъ звучала бы муза раба, въ пѣсняхъ восхваляющая своего господина.

Однако, эта поэзія оправданія, полная искренности и пластической красоты, ни у кого, кромѣ небольшого числа духовенства и ученыхъ, не вызывала ни удивленія, ни восхищенія. Высшее общество ничего не читало по-русски, а низшее совер-

шенно не умѣло читать. Первымъ русскимъ произведеніемъ, которое имѣло громадную популярность, были не обращенія къ императрицѣ, не оды, внушенныя безчеловѣчными разрушеніями и побѣдной рѣзней Суворова, но комедія, ѣдкая сатира противъ провинціальныхъ дворянъ. Въ то время, какъ Державинъ ничего не видѣлъ сквозь окружавшіе тронъ императрицы лучи, язвительный умъ Фонвизина смотрѣлъ съ противоположной точки зрѣнія; онъ горько осмѣивалъ это наполовину варварское общество и его показную цивилизацію. Это былъ первый писатель, въ произведеніяхъ котораго обнаружился тотъ сарказмъ и негодованіе, которые отнынѣ должны были запечатлѣть собою всю русскую литературу и сдѣлаться ея господствующимъ духомъ. Въ этой иронiи, въ этомъ бичеваніи, гдѣ никому нѣтъ пощады, не исключая даже личности самого автора, мы находимъ какую-то радость мщенія и злобнаго утѣшенія. Этимъ смѣхомъ мы разрушаемъ согласіе, существующее между нами и тѣми амфибіями, которыя, не умѣя ни охранять варварства, ни пріобрѣсти просвѣщенія, однѣ только плаваютъ на оффиціальной поверхности русскаго общества. Неутомимый протестъ идетъ по пятамъ этой аномаліи. Онъ дѣятеленъ, безпрестаненъ.

Патологическое самосозерцаніе составляетъ преобладающую черту новѣйшей литературы. Это стало новымъ отрицаніемъ существующаго порядка вещей, которое наперекоръ императорской волѣ поднимается изъ глубины пробудившагося сознанія, крикомъ ужаса всякаго поколѣнія, которое начинало опасаться своего смѣшенія съ этими разлагающимися формами.

Русская литература въ XVIII столѣтіи была только благороднымъ занятіемъ нѣсколькихъ умовъ безъ всякаго вліянія на общество. Первымъ серьёзнымъ вліяніемъ, которое сообщило русскому литературному диллетантизму другой характеръ, было франкмасонство. Оно было очень распространено въ Россіи въ концѣ царствованія Екатерины. Его представитель Новиковъ былъ одной изъ тѣхъ великихъ личностей въ исторіи, которыя, совершая чудеса, по необходимости остаются въ тѣни, однимъ изъ тѣхъ вожаковъ подпольныхъ идей, дѣла ко-

торыхъ обнаруживаются только во время развязки. Новиковъ основалъ во многихъ городахъ библіотеки и школы и издалъ первый русскій журналъ. Онъ заставлялъ дѣлать переводы и издавалъ ихъ на свои средства. Такимъ образомъ, появился переводъ «Духа законовъ», «Эмиля», и различныхъ статей энциклопедистовъ, напечатать которыя, вѣроятно, не позволила бы цензура нашего времени. Во всѣхъ этихъ предпріятіяхъ Новикову помогали масоны, гдѣ онъ былъ гросмейстеромъ. Какое великое дѣло, смѣлая мысль собрать съ моральными цѣлями въ братскую семью все, что было умственно зрѣлаго, начиная съ самаго знатнаго вельможи въ государствѣ, какимъ былъ князь Лопухинъ, и кончая бѣднымъ школьнымъ учителемъ и уѣзднымъ хирургомъ.

Императрица Екатерина приказала заключить Новикова въ Петербургскую крѣпость, а затѣмъ и сослала его. Въ послѣдніе годы царствованія ея характеръ началъ измѣняться. Съ Потемкинымъ исчезаетъ поэзія любимцевъ, грубый дебошъ смѣняетъ роскошную и блестящую похоть. Остроумныя вечеринки въ Эрмитажѣ уступаютъ мѣсто дикимъ оргіямъ Зоричей. Въ это время французская революція достигла своего апогея. Громъ революціи смущалъ сонъ монарховъ, какъ на Дунаѣ, такъ и на Невѣ. Екатерина становилась безпокойной и подозрительной даже по отношенію къ своему сыну. Она видѣла, что франкмасонство пріобрѣтаетъ новую силу независимо отъ ея воли. Ходили слухи, что мартинисты и иллюминаты приняли участіе въ революціи. Въ довершеніе всего она узнала, что великій князь Павелъ былъ принятъ Новиковымъ въ масонскую ложу. Если бы это случилось десятью годами раньше, то Екатерина призвала бы Новикова и убѣдилась бы, что онъ совершенно не былъ тайнымъ заговорщикомъ противъ династіи, но теперь она предпочла предать его пыткамъ, чѣмъ вести съ нимъ бесѣду.

Этотъ неутомимый человѣкъ создалъ до своего паденія послѣдняго великаго писателя той эпохи — Карамзина. Вліяніе послѣдняго на русскую литературу можетъ быть сравниваемо съ вліяніемъ Екатерины на русское общество — онъ вложилъ

въ нее душу. Въ немъ было что то, присущее S-t. Real'ю, Florian'у и Ancillon'у, точка зрѣнія философа и моралиста, филантропическія фразы, слезы, всегда вызванныя несчастіемъ, большая любовь къ цивилизаціи, отвращеніе къ злоупотребленію силой, нѣсколько риторическій патріотизмъ,—и все это безъ единства, безъ направляющей идеи, безъ единаго и глубокаго убѣжденія. Было что-то независимое и чистое въ молодомъ литераторѣ посреди окружавшаго его завистливаго и посредственнаго общества, среди грязнаго матеріализма. Карамзинъ былъ первымъ русскимъ писателемъ, котораго стали читать дамы.

Для нашей литературы служитъ большимъ преимуществомъ то обстоятельство, что первыми писателями были свѣтскіе люди. Они внесли въ литературу извѣстную элегантность хорошаго общества, изысканность выраженій и благородство образовъ, которые отличаютъ разговоръ хорошо воспитанныхъ людей. Грубый и вульгарный элементъ, мѣстами встрѣчающійся въ нѣмецкой литературѣ, никогда не проникалъ въ русскія книги.

Главнымъ произведеніемъ Карамзина—памятникомъ, который онъ воздвигъ для потомства—служатъ двѣнадцать томовъ его русской исторіи. Добросовѣстный трудъ половины его жизни, анализъ котораго не входитъ въ нашу задачу, его исторія много способствовала изученію русскими своей исторіи. Если подумать о томъ хаосѣ, который царилъ въ русской исторіи до Карамзина и о той работѣ, которую онъ долженъ былъ совершить, чтобы разсѣять этотъ хаосъ и дать ясное правдивое изложеніе предмета, то можно понять послѣ всего этого, какою бы несправедливостью было непризнаніе его заслугъ.

Если чего и не хватало Карамзину, такъ это того сатирическаго элемента, который отъ фонъ-Визина переходитъ къ Крылову и даже къ Дмитріеву, близкому другу Карамзина. Въ нѣжномъ и снисходительномъ Карамзинѣ было что-то нѣмецкое. Можно предсказать, что Карамзинъ попался бы со своимъ сантиментализмомъ въ императорскія сѣти, какъ это было позднѣе съ Жуковскимъ.

Русская исторія поставила Карамзину въ упрекъ императора Александра, которому онъ читалъ с м ѣ л ы я с т р а н и ц ы,

гдѣ онъ клеймилъ тиранію Ивана Грознаго и бросалъ иммортели на гробницу республики Новгорода. Александръ со вниманіемъ и волненіемъ слушалъ и тихо сжималъ руку исторіографа. Александръ слишкомъ хорошо былъ воспитанъ для того, чтобы находить хорошими поступки Ивана, приказывающаго иногда распиливать надвое своихъ враговъ, и не вздыхать надъ участью Новгорода, зная, что графъ Аракчеевъ вводитъ тамъ военныя поселенія. Карамзинъ, растроганный больше Александра, оставался подъ вліяніемъ чаръ императорской доброты. Но куда привели его смѣлыя страницы, его негодованіе, его сожалѣнія? Чему онъ научился въ русской исторіи, какой результатъ вынесъ онъ изъ своихъ поисковъ, онъ, который въ предисловіи къ своей Исторіи говоритъ, что исторія прошедшаго есть наставленіе для будущаго? Онъ заимствовалъ тамъ только одну идею: «народы дикіе любятъ свободу и независимость, народы цивилизованные—порядокъ и спокойствіе»; единственный результатъ: «реализація идеи абсолютизма», предъ развитіемъ котораго онъ приходитъ въ экстазъ и который онъ проводитъ отъ Мономаха до Романовыхъ.

Идея абсолютнаго самодержавія—идея абсолютнаго рабства. Можно ли себѣ представить, чтобы шестидесятимилліонный народъ существовалъ только для осуществленія абсолютнаго рабства?

Карамзинъ умеръ въ почестяхъ при императорѣ Николаѣ.

Періодъ, который мы обозрѣли, является, какъ это видно, лишь юностью русской цивилизаціи и литературы. Наука процвѣтала еще подъ сѣнью троновъ, и поэты, не будучи рабами, чтили своихъ царей. Здѣсь почти нѣтъ революціонныхъ идей; великой революціонной идеей оставалась еще реформа Петра. Однако власть и мысль, императорскіе указы и человѣческое слово, самодержавіе и цивилизація не могли далѣе итти рука-объ-руку. Ихъ союзъ даже въ XVIII столѣтіи поражаетъ насъ удивленіемъ. Но какъ могло бы быть иначе, когда наслѣдникъ царей, преемникъ Алексѣя, наконецъ, самодержецъ всероссійскій — самодержецъ всея Бѣлыя, Червонныя, Великія и Малыя Россіи, Петръ I былъ въ то же время предшественникомъ якобинцевъ и революціонеромъ-террористомъ?

IV.

1812—1825.

Съ войной 1812 года закончилась первая часть Петероургскаго періода. До этихъ поръ правительство стояло во главѣ движенія; отнынѣ къ нему присоединяется дворянство. До 1812 года въ сплахъ народа сомнѣвались, но царила непоколебимая вѣра во всемогущество правительства: Аустерлицъ былъ далеко, Эйлау считали за побѣду, а Тильзитъ за славное событіе. Въ 1812 г. непріятель прошелъ за Мемель, пересѣкъ Ливонію и очутился у Смоленска—этого «ключа» къ Россіи. Испуганный Александръ поспѣшилъ въ Москву, чтобы умолять народъ оказать ему помощь. Онъ пригласилъ дворянъ и промышленниковъ въ Кремль, чтобъ тамъ обсудить мѣры къ спасенію отечества. Съ Петра I цари не обращались еще къ народу. Слѣдовало предполагать большую опасность, если ужъ императоръ во дворцѣ и митрополитъ Платонъ въ соборѣ заявляли о ней всему народу.

Дворяне и промышленники протянули руку правительству и вывели его изъ затрудненія. Самъ народъ, забытый въ это время общаго несчастія или слишкомъ презираемый для того, чтобъ захотѣли просить его крови, которую считали въ правѣ проливать безъ его согласія,—начиналъ уже подниматься безъ призыва по собственному почину.

Со времени Петра I подобное молчаливое согласіе между всѣми классами обнаружилось лишь въ первый разъ. Крестьяне безъ ропота вступали въ ряды милиціи, дворяне давали для этой цѣли каждаго десятаго крѣпостного и сами брали оружіе въ руки. Купцы жертвовали десятую часть своихъ доходовъ. Волненіе распространялось по всему государству; шесть мѣсяцевъ спустя послѣ оставленія Москвы на границѣ Сибири появилось множество бандъ, которыя изъ нѣдръ Сибири спѣшили на защиту столицы. Извѣстія объ ея занятіи непріятелемъ и пожарѣ заставили содрогнуться всю Россію, ибо Мо-

сква была для народа истинной столицей. Своей жертвой она искупала безпечность царей, она вставала въ ореолѣ славы, сила враговъ была сломана въ ея стѣнахъ; отъ Кремля побѣдитель началъ свое отступленіе и отступалъ до святой Елены. Петербургъ померкъ передъ Москвой, столицей безъ императора, и она, жертва всего отечества, пріобрѣла новое значеніе.

Вслѣдъ за этимъ кровавымъ крещеніемъ вся Россія вступила въ новую фазу.

Перейти немедленно отъ всеобщаго возбужденія, вызваннаго національной войной, отъ славнаго шествія черезъ всю Европу, отъ взятія Парижа къ полному спокойствію, петербургскому деспотизму—было невозможно. Само правительство не могло тотчасъ же вернуться на свой прежній путь. Александръ сдѣлался либераломъ, тайкомъ отъ Метерниха освисталъ ультра-монархическіе проекты Бурбоновъ и сыгралъ роль конституціоннаго императора для Польши.

Что же касается до бѣднаго крестьянина, то онъ вернулся къ своей общинѣ, своей сохѣ и своему рабству. Для него ничего не измѣнилось; въ награду за побѣду, купленную его же кровью, ему не уступили никакихъ правъ. Для его вознагражденія Александръ приготовлялъ чудовищный планъ военныхъ поселеній. Вскорѣ послѣ войны настроеніе общества измѣнилось. Гвардейскіе и пѣхотные офицеры, храбро подставлявшіе свою грудь подъ пули, сдѣлались менѣе покорными и сговорчивыми. Чувство рыцарской чести и собственнаго достоинства, неизвѣстныя доселѣ русской аристократіи, вышедшей изъ плебеевъ милостью царей, распространились въ русскомъ обществѣ. Плохое управленіе, подкупность чиновниковъ и полицейскія стѣсненія возбуждали въ то же время къ единодушному ропоту. Большинство прекрасно сознавало, что правительство при существующей организаціи не способно противостоять этимъ злоупотребленіямъ, нечего было ожидать справедливости отъ дряхлыхъ старцевъ, которыхъ величали громкимъ именемъ правительствующаго сената, этого рабски послушнаго, невѣжественнаго учрежденія, служившаго правительству складомъ для негодныхъ чиновниковъ, которыхъ нельзя

было ни оставить на службѣ, ни прогнать. Государственные люди съ громаднымъ вѣсомъ, какъ напримѣръ, старый адмиралъ Мордвиновъ, громко заявляли о необходимости многочисленныхъ реформъ. Самъ Александръ желалъ улучшеній, но только не зналъ, какъ за нихъ взяться. Карамзинъ, историкъ абсолютизма и Сперанскій, составитель свода законовъ при Николаѣ, работали надъ проектомъ конституціи по начертаніямъ императора.

Люди энергичные и серьезные не стали дожидаться конца этихъ воображаемыхъ проектовъ, не ограничились неопредѣленнымъ недовольствомъ и попытались выразить его совершенно иначе. Они задумали учредить большое тайное общество. Задачей его было дать политическое воспитаніе молодому поколѣнію, распространять идеи свободы и изслѣдовать сложный вопросъ радикальной и полной реформы русскаго правительства. Далекіе отъ всякой теоріи, они въ то же время устраивались такъ, что при первомъ счастливомъ обстоятельствѣ были готовы потрясти власть императора. Все, что было лучшаго среди русской молодежи и молодыхъ офицеровъ, каковы, напримѣръ, Пестель, Нарышкинъ, фонъ-Визинъ, Юшневскій, Муравьевъ, Орловъ, среди наиболѣе любимыхъ писателей, какъ Рылѣевъ и Бестужевъ, среди потомковъ славныхъ фамилій, какъ князья Оболенскій и Трубецкой, Одоевскій, Волконскій, графъ Чернышевъ,—все безъ колебанія примкнуло къ первымъ рядамъ дѣятелей освобожденія. Сначала это общество называлось «союзомъ благоденствія».

И, странное дѣло, въ то время какъ эта пылкая, полная вѣры и силы молодежь клялась ниспровергнуть монархизмъ, императоръ Александръ клялся заключить Россію въ оковы абсолютизма европейскихъ державъ. Только что былъ основанъ Священный союзъ, мистическій, безполезный и безсмысленный союзъ, нѣчто въ родѣ державнаго Грютли или Тугендбунда, образованнаго тремя коронованными студентами, среди которыхъ Александръ игралъ роль наиболѣе пылкой головы.

И тѣ и другіе сдержали свою клятву: одни, идя на эша-

фотъ и въ Сибирь за свои идеи, Александръ, оставляя престолъ своему брату Николаю.

Десять лѣтъ, которые истекли со дня возвращенія войскъ до 1825 г., составляютъ апогей эпохи Петербурга. Россія съ Петра I чувствовала себя сильной, молодой, полной надеждъ. Она думала, что свобода могла къ ней привиться съ тою же легкостью, какъ и цивилизація, но забывала, что эта послѣдняя была лишь поверхностной и едва проникла въ меньшинство. Это меньшинство, правда, было настолько развито, что уже не могло оставаться при временныхъ условіяхъ монархическаго режима.

Это было первой истинно революціонной оппозиціей, образовавшейся въ Россіи. Оппозиція, которую въ началѣ XVIII столѣтія встрѣтила цивилизація, была чисто реакціонной. Даже та, которую оказывали нѣкоторые знатные вельможи, какъ напримѣръ, графъ Панинъ при Екатеринѣ II, не выходила изъ круга строго монархическихъ идей; иногда она бывала энергичной, но всегда почтительной и покорной. Настроеніе, которое овладѣло умами послѣ 1812 г. было совершенно другимъ. Надвигалось столкновеніе между деспотизмомъ и цивилизаціей.

Первое сраженіе между ними произошло 14 (26) декабря. Абсолютизмъ вышелъ побѣдителемъ, показавъ, какими силами обладалъ онъ для совершенія зла.

Слово «в р е м е н н ы й», которое мы употребили для опредѣленія условій монархическаго режима могло показаться страннымъ; однако оно поразительно вѣрно выражаетъ тотъ характеръ, который болѣе всего бьетъ въ глаза при внимательномъ разсмотрѣніи дѣйствій русскаго правительства. Это не консервативное правительство въ родѣ австрійскаго, такъ какъ ему негдѣ проявлять свою консервативность, за исключеніемъ вопросовъ матеріальной силы и недѣлимости территоріи. Оно достаточно показало себя въ тиранническомъ разрушеніи учрежденій, традицій, обычаевъ, законовъ и нравовъ страны, оно продолжаетъ рядъ переворотовъ, не пріобрѣтя еще ни стойкости, ни точнаго исполненія законовъ. Каждое царствованіе обращаетъ въ вопросъ бо́льшую часть правъ и учрежденій

сегодня отмѣняютъ то, что приказывали вчера, законы измѣняются, сокращаются и уничтожаются. Сводъ законовъ Николая I есть лучшее доказательство недостатка принциповъ и единства въ императорскомъ законодательствѣ. Этотъ сводъ представляетъ собраніе всѣхъ существовавшихъ законовъ, нагроможденіе приказовъ и болѣе или менѣе противорѣчивыхъ указовъ, которые скорѣе выражаютъ характеръ князя или временный интересъ, чѣмъ духъ стройнаго законодательства. Базою къ нему служитъ уложеніе царя Алексѣя, а продолженіемъ приказы Петра I, изъясненные совершенно въ другомъ смыслѣ. Наряду съ закономъ Екатерины въ духѣ Беккаріа и Монтескье тамъ находятся приказы Павла I, которые превосходятъ все, что можно вообразить наиболѣе безсмысленнаго и произвольнаго въ эдиктахъ римскихъ императоровъ. Русское правительство, не имѣющее за собой историческаго прошлаго, не только не консервативно, но, наоборотъ любитъ нововведенія до безумія. Оно ничего не оставляетъ въ покоѣ и, если рѣдко вводитъ улучшенія, то зато постоянно все измѣняетъ. Напримѣръ эта вѣчная исторія съ военной и гражданской формой, которую безпрестанно и безъ всякой причины мѣняютъ—препровожденіе времени, стоющее громадныхъ денегъ. А эта исторія въ перекраской старыхъ зданій — доказательство порядочнаго вкуса и извѣстной степени цивилизаціи русскаго правительства. Иногда во всей Россіи происходятъ перевороты, а между тѣмъ о нихъ ничего не знаютъ за-границей вслѣдствіе недостатка печати и всеобщаго молчанія. Такъ въ 1838 г. совершенно была измѣнена администрація деревенскихъ общинъ. Правительство вмѣшалось въ дѣла общины, приставило къ каждой деревнѣ двойную полицейскую охрану, начало организацію принудительныхъ земледѣльческихъ работъ, разгромило общины и наконецъ ввело новое управленіе надъ 17,000,000 крестьянъ, и между тѣмъ это событіе, имѣющее почти размѣры революціи, едва всплыло въ Западной Еворпѣ.

Крестьяне, боявшіеся земельной росписи и вмѣшательствъ чиновниковъ, которыхъ они считали за одѣтыхъ въ мундиры грабителей, подняли во многихъ мѣстахъ возстанія. Въ нѣко-

торыхъ частяхъ Казанской, Вятской и Тамбовской губерній дѣло дошло до разстрѣловъ, и «новый порядокъ былъ поддержанъ».

Подобное положеніе долго продолжаться не могло, и въ первый разъ послѣ 1812 года это начали ясно сознавать.

Время для политическихъ тайныхъ обществъ было выбрано какъ нельзя кстати во всѣхъ отношеніяхъ. Пропаганда въ литературѣ стала чрезвычайно дѣятельной. Душой ея былъ знаменитый Рылѣевъ. Онъ и его друзья сообщили литературѣ тотъ энергичный характеръ, котораго она не имѣла ни до, ни послѣ. Это были не только слова, но и дѣла. Было видно твердое рѣшеніе, извѣстная цѣль. Уже не обманывали себя относительно опасности, но шли твердымъ шагомъ съ гордо поднятой головой къ неотвратимому исходу.

Литература у народа, не имѣющаго свободы, является единственной трибуной, съ высоты которой онъ могъ бы услышать крикъ своего негодованія и собственнаго сознанія.

Ея вліяніе на устроенное такимъ образомъ общество пріобрѣтаетъ размѣры, какихъ въ Западной Европѣ давно уже не существуетъ. Революціонныя произведенія Рылѣева и Пушкина расходятся по рукамъ молодежи далеко за предѣлы столицы. Нѣтъ ни одной хорошо воспитанной барышни, которая не знала бы ихъ наизусть, нѣтъ ни одного офицера, который бы не имѣлъ ихъ у себя въ походномъ ранцѣ, или сына священника, который не переписалъ бы ихъ по крайней мѣрѣ въ двѣнадцати экземплярахъ. Въ послѣднее время этотъ пылъ поостылъ, такъ какъ они уже отжили свое, зато все это поколѣніе испытывало на себѣ живое и молодящее вліяніе вышеупомянутой поэзіи.

Заговоръ съ быстротою распространился въ Петербургѣ, Москвѣ, Малороссіи, среди гвардейскихъ офицеровъ и II арміи. Русскіе, вообще безстрастные, очень легко подлаются постороннему вліянію, когда имъ сообщатъ толчокъ. И разъ увлеченные, они доходятъ до крайнихъ послѣдствій, не ища никакихъ сдѣлокъ.

Начиная съ Петра I много говорятъ о способности русскихъ

къ подражанію, которое они доводили иногда до смѣшного. Нѣсколько германскихъ ученыхъ заявляли, что славяне совершенно лишены своего особеннаго характера, и что ихъ собственное свойство ограничилось крайней воспріимчивостью. Дѣйствительно, русская поэзія обладаетъ крайней эластичностью; разъ выйдя изъ исключительнаго патріотизма, для нея уже нѣтъ болѣе недоступныхъ границъ, чтобъ понять другія націи. Нѣмецкая наука, которая не переходитъ Рейна, и англійская поэзія, искажаемая лишь только она оставляетъ Па-де-Кале, пріобрѣли у славянъ уже право гражданства. И слѣдуетъ добавить, что въ глубинѣ этой славянской воспріимчивости есть нѣчто оригинальное, что, подчиняясь внѣшнимъ вліяніямъ, сохраняетъ всегда свой собственный характеръ.

Мы находимъ эту же черту русскаго духа и въ ходѣ заговора, который насъ занимаетъ. Вначалѣ онъ имѣлъ конституціонное и либеральное въ англійскомъ духѣ направленіе. Но лишь было принято это мнѣніе, какъ общество преобразовалось, стало гораздо радикальнѣе, вслѣдствіе чего много членовъ вышло изъ его состава. Ядро заговорщиковъ стало республиканскимъ и не захотѣло больше довольствоваться представительной монархіей. Они думали, и не безъ основанія, что если у нихъ достаточно силы ограничить абсолютизмъ, то у нихъ хватитъ ея и разрушить этотъ абсолютизмъ.

Главари Южнаго общества имѣли въ виду славянскую республиканскую федерализацію, они работали надъ революціонной диктатурой, которая должна была дать организацію республиканскимъ формамъ.

Даже болѣе. Когда полковникъ Пестель посѣтилъ Южное общество, онъ перемѣстилъ вопросъ на другую почву. Согласно его мнѣнію, объявленіе республики нисколько не подвинуло бы дѣла безъ вопроса о земельной собственности. Не слѣдуетъ забывать, что здѣсь дѣло идетъ о тѣхъ фактахъ, которые произошли между 1817 и 1825 годами. Соціальные вопросы никого не занимали тогда въ Европѣ; Гракхъ Бабефъ, «дикій безумецъ», былъ уже забытъ, а Сенъ-Симонъ писалъ свои трактаты, но никто ихъ не читалъ. Такъ же обстояло дѣло на счетъ

Фурье и Оуэна. Наиболѣе либеральные люди этого времени Бенжаменъ Констанъ и П. Л. Куррье подняли бы крики негодованія, услышавъ предложеніе Пестеля, предложеніе, которое дѣлалось не въ кружкѣ, составленномъ изъ пролетаріевъ, но въ большомъ обществѣ, всецѣло состоящемъ изъ самой богатой знати. Пестель предлагалъ ему, хотя бы цѣной жизни, дойти до экспропріаціи своихъ же имуществъ, но съ нимъ не соглашались: его мнѣніе переворачивало вверхъ дномъ всѣ принципы политической экономіи, которые только что успѣли усвоить. Однако, его не обвиняли въ проповѣди убійствъ и грабежей, и Пестель оставался истиннымъ главаремъ Южнаго общества, и болѣе чѣмъ вѣроятно, что, въ случаѣ успѣха, онъ сдѣлался бы диктаторомъ, онъ, соціалистъ прежде соціализма.

Пестель не былъ ни мечтателемъ, ни утопистомъ, даже напротивъ — онъ былъ полнымъ реалистомъ и зналъ духъ націи. Оставляя землю у дворянства, дошли бы до олигархіи, и народъ даже бы не понялъ своего освобожденія, такъ какъ русскій крестьянинъ хотѣлъ быть свободнымъ только вмѣстѣ съ землей.

Пестель первый задумалъ пріобщить народъ къ революціи. Онъ былъ согласенъ съ своими друзьями, что возстаніе не могло быть удачнымъ безъ участія въ немъ арміи, но онъ хотѣлъ также привлечь къ этому движенію раскольниковъ,—проектъ, глубокую справедливость и сознательность котораго докажетъ будущее. Теперь мы уже можемъ сказать, что Пестель создавалъ себѣ иллюзіи, что его друзья не могли работать надъ революціей, а народъ итти рука-объ-руку съ знатью, но только великимъ людямъ, стоящимъ далеко впереди массы, дано заблуждаться такимъ образомъ.

Онъ заблуждался въ практикѣ, въ датахъ, но теоретически онъ сдѣлалъ открытіе. Онъ былъ пророкомъ, а все общество было громадной школой для настоящаго поколѣнія.

14 (26) декабря, дѣйствительно, открыло новую фазу нашего политическаго воспитанія. Можетъ показаться страннымъ, что это возстаніе и героическое поведеніе заговорщиковъ на площади, во время процесса, въ оковахъ, въ присутствіи императора

Николая и въ рудникахъ Сибири, имѣли гораздо большее вліяніе, чѣмъ всѣ пропаганды и теоріи. У русскихъ ощущался недостатокъ не въ либеральномъ направленіи, не въ сознаніи всѣхъ происходящихъ злоупотребленій, но въ смѣльчакѣ, который принялъ бы на себя инициативу. Теоріи внушаютъ убѣжденія, примѣръ порождаетъ поступки. Нигдѣ подобный примѣръ не является такой необходимостью, какъ тамъ, гдѣ человѣкъ не привыкъ добиваться осуществленія своего желанія, опредѣленно высказываться, разсчитывать на самого себя и уважать свои силы, гдѣ, наоборотъ, онъ вѣчно считается несовершеннолѣтнимъ, безъ голоса, безъ мнѣнія, гдѣ онъ живетъ, укрытый за общиной, какъ за непреступною оградою, гдѣ его поглощаетъ государство, въ которомъ онъ совершенно теряется. Вмѣстѣ съ распространеніемъ просвѣщенія, по необходимости стали раввиваться и идеи свободы, но пассивное недовольство слишкомъ вошло въ привычку: хотѣли освободиться отъ деспотизма, но никто первый не хотѣлъ встать во главѣ дѣла.

И вотъ эти первые явились—великіе душой, съ желѣзнымъ характеромъ, такъ что даже само правительство въ своемъ офиціальномъ донесеніи не посмѣло ни унизить, ни очернить ихъ. Николай ограничился жестокимъ наказаніемъ. Молчаніе, нѣмая пассивность были нарушены. Съ высоты своихъ эшафотовъ эти піонеры русской свободы пробудили душу молодого поколѣнія; повязка пала съ глазъ.

Не менѣе рѣшительное дѣйствіе произвело 14 декабря и на правительство. Отъ Петра до Николая оно высоко держало знамя прогресса и цивилизаціи; съ 1815 года уже не было ничего подобнаго. Власти всецѣло поглощены подавленіемъ умственнаго движенія. Уже не слово «прогрессъ» написано на царскомъ щитѣ, но «самодержавіе, православіе, народность», это mane, fare, takel деспотизма, при чемъ два послѣднихъ слова были написаны только для проформы. Религія и патріотизмъ были только средствомъ для укрѣпленія самодержавія: народъ никогда не былъ введенъ въ заблужденіе этой національной проповѣдью Николая. Словомъ, выражающимъ его царствованіе, является деспотизмъ, который провозглашаетъ:

«Пусть погибнетъ Россія, лишь бы осталась нетронутой неограниченная власть». Этотъ варварскій девизъ вызывалъ недоразумѣнія, и вотъ 14 декабря, наконецъ, заставило правительство покинуть маску притворства и открыто провозгласить деспотизмъ.

Незадолго до мрачнаго царствованія, которое вначалѣ обагрилось русской, а затѣмъ польской кровью, появился великій русскій поэтъ Пушкинъ, съ самаго своего появленія сдѣлавшійся необходимымъ для русской литературы. Правда, читали и другихъ поэтовъ, имъ удивлялись, но Пушкинъ былъ настольной книгой каждаго образованнаго русскаго, и его перечитывали всю жизнь. Его поэзія не проба, не этюдъ, не упражненіе, — это его призваніе, искусство, достигшее зрѣлости. Цивилизованная часть общества нашла въ немъ впервые даръ поэтическаго слова. Пушкинъ въ высшей степени національенъ и въ то же время понятенъ для иностранцевъ. Онъ рѣдко измѣняетъ народный языкъ русскихъ пѣсенъ и всегда выражаетъ свою мысль такою, какою она возникаетъ въ его воображеніи. Какъ и всѣ великіе поэты, онъ всегда на уровнѣ своего читателя; онъ выростаетъ, становится печальнымъ, бурнымъ, трагическимъ, его стихъ подобенъ шуму моря, шуму лѣса въ бурю, и въ то же время онъ ясенъ, прозраченъ и полонъ граціи. Повсюду Пушкинъ реаленъ, въ немъ ничего нѣтъ болѣзненнаго, психологически преувеличеннаго, нѣтъ этого абстрактнаго христіанскаго спиритуализма, который такъ часто встрѣчается у поэтовъ Германіи. И его муза не блѣдное существо съ расшатанными нервами, положенная въ гробъ, но пылкая женщина въ ореолѣ здоровья, слишкомъ богатая настоящими чувствами для того, чтобы искать неестественности, и слишкомъ несчастная, чтобы изобрѣтать себѣ искусственныя болѣзни. Пушкинъ былъ пантеистомъ и эпикурейцемъ наподобіе греческихъ поэтовъ, неся однако въ своей душѣ вполнѣ современный ему элементъ. Углубляясь, онъ находилъ на днѣ своей души горькую мысль Байрона, эту ѣдкую иронію нашего вѣка.

Сначала въ Пушкинѣ видѣли подражателя Байрону. Дѣйствительно, англійскій поэтъ имѣлъ большое вліяніе на рус-

скаго. Знакомство съ сильнымъ и симпатичнымъ человѣкомъ никогда не обходится безъ того, чтобы не подвергнуться его вліянію, не созрѣть подъ давленіемъ его же идей. Подтвержденіе того, что живетъ въ насъ самихъ, со стороны ума, который мы уважаемъ, даетъ намъ вдохновеніе и новыя силы. Но это естественное слѣдствіе еще далеко отъ подражанія. Послѣ первыхъ своихъ поэмъ, гдѣ вліяніе Байрона сильно даетъ себя чувствовать, онъ становится съ каждымъ новымъ произведеніемъ все болѣе и болѣе оригинальнымъ; всегда преисполненный удивленія къ великому англійскому поэту, онъ не переводилъ его и не заимствовалъ, не былъ: ни «traduttore», ни «traditore».

Въ концѣ-концовъ Пушкинъ и Байронъ совершенно расходятся—и по очень простой причинѣ: Байронъ былъ глубоко англичаниномъ, Пушкинъ глубоко русскимъ, русскимъ петербургскаго періода. Онъ зналъ всѣ страданія просвѣщеннаго человѣка, но имѣлъ вѣру въ будущее, чего не было у человѣка Запада. Байронъ —это великая свободная личность, человѣкъ, который совершенно изолировалъ себя въ своей независимости отъ окружающаго, который все болѣе и болѣе ограждался своей гордостью, своей скептической философіей, становился все болѣе и болѣе печальнымъ и неумолимымъ. Онъ уже ничего не ждалъ отъ будущаго и, удрученный горькими мыслями, съ отвращеніемъ къ жизни вручилъ свою судьбу пиратамъ славяно-греческаго происхожденія, которыхъ онъ считалъ за древнихъ грековъ. Пушкинъ, наоборотъ, все болѣе и болѣе пріобрѣталъ душевный покой, погружался въ изученіе русской жизни, собиралъ матеріалы для монографіи Пугачева, писалъ историческую драму «Борисъ Годуновъ» и инстинктивно вѣрилъ въ будущее Россіи.

Побѣдные крики, которые поразили его еще въ дѣтствѣ, въ 1813 и 1814 гг., постоянно раздаются въ его душѣ. Въ продолженіе нѣкотораго времени онъ даже увлекается петербургскимъ патріотизмомъ, похваляющимся количествомъ штыковъ и опирающимся на пушки. Безъ сомнѣнія, эта спѣсь еще менѣе извинительна, чѣмъ доведенный до крайности аристократизмъ лорда Байрона, однако причина ея очевидна. Грустно сказать,

но Пушкинъ былъ исключительнымъ патріотомъ. Великіе поэты бывали и придворными, какъ, напримѣръ, Гете, Расинъ и др. Пушкинъ не состоялъ ни при дворѣ, ни при правительствѣ, и все-таки ему нравилась, вслѣдствіе патріотическаго инстинкта, эта грубая сила государства. Въ этомъ—причина, почему онъ раздѣлилъ варварское желаніе отвѣчать на доводы пулями. Россія является рабской отчасти потому, что она находитъ поэзію въ матеріальной силѣ и считаетъ славой быть пугаломъ народовъ.

Кто заявляетъ, что „Онѣгинъ“ Пушкина есть „Донъ-Жуанъ“, примѣненный къ русскимъ нравамъ, тотъ не понимаетъ ни Байрона, ни Пушкина, ни Англіи, ни Россіи: онъ придерживается только внѣшней формы. „Онѣгинъ“—наиболѣе важное произведеніе Пушкина, поглотилъ половину его жизни. Этотъ романъ былъ зарожденъ какъ разъ въ ту эпоху, которая насъ занимаетъ, а созрѣлъ въ печальные годы, послѣдовавшіе за 14 декабря, и послѣ этого стали бы вѣрить, что подобное произведеніе, поэтическая автобіографія, можетъ быть подражаніемъ!

Онѣгинъ—не Гамлетъ, не Фаустъ, не Манфредъ, не Оберманъ, не Тренморъ и не Карлъ Моръ; Онѣгинъ—русскій. Онъ возможенъ только въ Россіи, тамъ онъ необходимъ и встрѣчается на каждомъ шагу. Онѣгинъ—лѣнтяй, такъ какъ у него никогда не было занятій, лишній человѣкъ въ той сферѣ, гдѣ онъ вращается; онъ не имѣетъ достаточной силы характера, чтобы выйти изъ этого положенія. Это—человѣкъ, который испытываетъ жизнь до самой смерти, и который хотѣлъ бы испытать смерть, чтобъ узнать, не лучше ли она жизни. Онъ началъ все, ничего не добиваясь, онъ думалъ тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе дѣлалъ; въ двадцать лѣтъ онъ былъ уже старъ и помолодѣлъ отъ любви, начиная старѣться. Какъ и всѣ мы, онъ всегда чего то ждалъ, такъ какъ вѣдь человѣкъ не настолько глупъ, чтобъ вѣрить въ вѣчное продолженіе настоящаго положенія Россіи...

Но ничего не пришло, а жизнь уходила. Онѣгины настолько національны, что встрѣчаются во всѣхъ романахъ и поэмахъ, сколько-нибудь распространенныхъ въ Россіи, и это происход—

не изъ подражанія, а вслѣдствіе того, что ихъ безпрестанно находятъ или вокругъ себя, или въ себѣ.

Чацкій, герой знаменитой комедіи Грибоѣдова—тотъ же резонеръ Онѣгинъ, его старшій братъ.

„Герой нашего времени“ Лермонтова—его младшій братъ. Даже во второстепенныхъ произведеніяхъ появляется Онѣгинъ—утрированный, неполный, но узнаваемый. Если это не онъ самъ, то по меньшей мѣрѣ его копія. Молодой путешественникъ въ „Тарантасѣ“ графа Соллогуба—Онѣгинъ, ограниченный и плохо воспитанный. Мы всѣ болѣе или менѣе Онѣгины, если бъ намъ не нравилось быть лучше чиновниками или помѣщиками.

Цивилизація сбиваетъ насъ съ пути и заставляетъ теряться; вотъ, почему мы въ тягость другимъ и самимъ себѣ; вотъ, почему мы—бездѣльники, безполезны и капризны; вотъ, почему отъ эксцентричностей мы переходимъ къ кутежамъ, тратя безъ сожалѣнія деньги и молодость, въ поискахъ за занятіями, сильными ощущеніями и развлеченіями, какъ тѣ собаки Гейневскаго Aix-la-Chapelle, которыя, какъ милости, выпрашивали у проходящихъ пинка ногой, чтобъ развлечься. Чтобъ разсѣяться, чтобъ забыть эту несносную намъ жизненную пустоту, мы занимаемся всѣмъ: музыкой, философіей, любовью, военнымъ искусствомъ и мистицизмомъ.

Цивилизація и рабство, не отдѣленныя другъ отъ друга даже „тряпьемъ“, совершенно перетерли насъ какъ снаружи, такъ и внутри въ своей противоестественной близости.

Намъ даютъ широкое воспитаніе, намъ прививаютъ желанія, стремленія, насъ знакомятъ съ жалобами современнаго общества, и затѣмъ намъ кричатъ: „Оставайтесь рабами, нѣмыми, пассивными, или—вы погибли“. Въ награду намъ предоставляютъ право обдирать крестьянина и тратить по кабакамъ за зеленымъ полемъ орошенный слезами и кровью оброкъ, который мы съ него сбираемъ.

Молодой человѣкъ не встрѣчаетъ никакого живого интереса въ обществѣ, полномъ угодливости и мелкаго самолюбія. И однако ему суждено вѣчно жить въ этомъ обществѣ, такъ какъ

народъ отъ него еще дальше. „Свѣтъ“, по крайней мѣрѣ, составленъ изъ существъ той же породы, какъ и онъ, въ то время какъ между нимъ и народомъ нѣтъ ничего общаго. Всѣ традиціи были такъ разрушены Петромъ I, что нѣтъ никакой человѣческой возможности, по крайней мѣрѣ теперь, ихъ возстановить. Остаются или обособленіе, или борьба, а у насъ нѣтъ достаточно силы ни для того, ни для другого. Такъ становятся Онѣгиными, если не погибаютъ въ публичныхъ домахъ, или въ казематахъ крѣпости.

Мы украли цивилизацію, и Юпитеръ жаждетъ наказать насъ съ такимъ же ожесточеніемъ, какъ онъ это сдѣлалъ съ Прометеемъ.

Возлѣ Онѣгина Пушкинъ помѣстилъ Ленскаго, другую жертву русской жизни, vice versa Онѣгину. Это—острое страданіе рядомъ съ хроническимъ недомоганіемъ. Это—одна изъ тѣхъ дѣвственно чистыхъ натуръ, которыя не могутъ акклиматизироваться въ этомъ развращенномъ и безумномъ обществѣ, которыя приняли жизнь, но не хотятъ ничего болѣе брать отъ нечистой земли, развѣ только смерть. Жертвы искушенія, эти юноши проходятъ блѣдными, съ отпечаткомъ фатальности на лбу, какъ упрекъ, какъ угрызенія совѣсти, и печальная ночь, въ которой „мы двигаемся и находимся“, становится чернѣй.

Пушкинъ нарисовалъ характеръ Ленскаго съ такой нѣжностью, съ какою относятся лишь къ мечтамъ своей молодости, къ воспоминаніямъ того времени, когда бываютъ такъ полны надежды наша невинность и наивность. Ленскій—послѣдній крикъ совѣсти Онѣгина, ибо это онъ самъ, это его идеалъ юности. Поэтъ видѣлъ, что такому человѣку нечего дѣлать въ Россіи, и онъ убилъ его рукой Онѣгина, Онѣгина, который любилъ Ленскаго и, прицѣливаясь, не хотѣлъ даже ранить. Самъ Пушкинъ былъ испуганъ этой трагической развязкой, и онъ спѣшитъ успокоить читателя, выводя ему жизнь, которая ожидала бы молодого поэта.

Подлѣ Пушкина мы также видимъ Ленскаго—это былъ Веневитиновъ, чистая и поэтическая душа, раздавленная въ 22 года грубыми руками русской жизни.

Между этими двумя типами, между преданнымъ своимъ идеямъ энтузіастомъ и поэтомъ, а съ другой стороны—человѣкомъ усталымъ, раздраженнымъ и безполезнымъ; между могилой Ленскаго и скукой Онѣгина тянется глубокая и мутная рѣка цивилизованной Россіи съ ея аристократіей, бюрократіей, офицерами, жандармами, великими князьями и императоромъ, съ ея нѣмой и безформенной массой угодливости, жестокости и зависти, которая все увлекаетъ и поглощаетъ—съ „этой пучиной“, какъ говоритъ Пушкинъ, „гдѣ, дорогой читатель, купаемся и мы съ вами“.

Пушкинъ выступилъ съ замѣчательно красивыми революціонными стихами. Александръ выслалъ его изъ Петербурга въ южные предѣлы имперіи, и новый Овидій провелъ часть своей жизни отъ 1819 до 1825 г. въ Херсонѣ.

Вдали отъ своихъ друзей и всякаго политическаго движенія, на лонѣ роскошной дикой природы поэтъ прежде всего посвятилъ себя музѣ. Его лирическія произведенія выражаютъ фазы его жизни; тамъ можно отыскать [illegible] всего того, что трогало эту пылкую душу,—правду, заблужденія, мимолетныя увлеченія, глубокія и вѣчныя симпатіи.

Николай нѣсколько дней спустя послѣ того, какъ онъ отдалъ приказъ повѣсить героевъ 14 декабря, возвратилъ Пушкина изъ ссылки, желая своими милостями погубить его въ общественномъ мнѣніи и привлечь добротою на свою сторону.

Пушкинъ возвратился, и не узналъ ни московскаго, ни петербургскаго обществъ. Онъ не нашелъ своихъ друзей; ихъ именъ не осмѣливались даже произносить; говорили только объ арестахъ, обыскахъ, ссылкахъ,—все было въ страхѣ. Онъ на минуту встрѣтился съ Мицкевичемъ, другимъ славянскимъ поэтомъ; они протянули другъ другу руку, какъ среди кладбища. Гроза собиралась надъ ихъ головами; Пушкинъ возвращался изъ ссылки, Мицкевичъ туда ѣхалъ. Ихъ свиданіе было пагубнымъ, но они другъ друга не поняли. Лекціи Мицкевича въ Collège de France обнаружили все несходство между ними: еще не наступало время, чтобъ русскій могъ понять поляка.

Николай, продолжая комедію, произвелъ Пушкина въ камеръ-юнкеры. Пушкинъ принялъ это, но ко двору не явился. Тогда ему предложили на выборъ или отправиться на Кавказъ, или надѣть мундиръ. Онъ былъ уже женатъ (и его жена сдѣлалась впослѣдствіи причиной его гибели), и вторая ссылка казалась ему гораздо тяжелѣе, чѣмъ первая—онъ явился ко двору. Этотъ недостатокъ гордости и сопротивленія, эта двусмысленная гибкость признается одной изъ дурныхъ чертъ русскаго характера. Когда однажды цесаревичъ сталъ поздравлять Пушкина по случаю его повышенія, онъ отвѣтилъ: „Ваше Высочество, Вы первый поздравляете меня съ этимъ".

Въ 1837 году Пушкинъ былъ убитъ на дуэли однимъ изъ тѣхъ наемныхъ иностранныхъ убійцъ, которые, какъ средневѣковые наемники или современные швейцарцы, предлагаютъ свою шпагу на службу любому деспотизму. Онъ палъ въ расцвѣтѣ своихъ силъ, не окончивъ своихъ пѣсенъ, не сказавъ всего того, что онъ хотѣлъ высказать. Его оплакивалъ весь Петербургъ, за исключеніемъ двора. Только тогда увидѣли, какой популярностью онъ пользовался. Во время агоніи тѣсная толпа стояла вокругъ дома, чтобъ узнать новости о его здоровьѣ. Такъ какъ это происходило въ двухъ шагахъ отъ зимняго дворца, императоръ изъ своихъ оконъ могъ смотрѣть на толпу. Изъ зависти онъ запретилъ публичныя похороны поэта. Холодной ночью тѣло Пушкина, окруженное жандармами и городовыми, тайно перенесли въ одну изъ отдаленныхъ церквей. Тамъ священникъ поспѣшно совершилъ отпѣваніе, затѣмъ тѣло поэта на саняхъ отвезли въ монастырь въ Псковской губерніи, гдѣ находилось его имѣніе. Когда обманутая толпа направилась въ церковь, въ которой лежалъ покойный, снѣгъ уже запорошилъ всякій слѣдъ погребальнаго шествія.

Ужасный жребій ждетъ у насъ тѣхъ, кто осмѣлился поднять голову выше уровня, начертаннаго державной рукой императора. Поэту, гражданину, мыслителю,—всѣмъ имъ неумолимая судьба готовитъ преждевременную могилу. Исторія нашей литературы—это мартирологъ, это регистръ рудниковъ. Даже

тѣ, кого правительство пощадило, погибаютъ, едва расцвѣтши, торопясь покинуть этотъ міръ.

Là sotto giorni brevi e nebulosi
Nasce una gente a cui il morir non duole.

Рылѣевъ—повѣшенъ по приказанію Николая.
Пушкинъ—38 лѣтъ убитъ на дуэли.
Грибоѣдовъ—убитъ въ Тегеранѣ.
Лермонтовъ—въ 30 лѣтъ убитъ на Кавказѣ на дуэли.
Веневитиновъ—погубленъ обществомъ въ 22 года.
Кольцовъ—погубленъ семьей въ 33 года.
Бѣлинскій—въ 35 лѣтъ умеръ отъ голода и нищеты.
Полежаевъ—скончался въ военномъ госпиталѣ послѣ 8-лѣтней принудительной солдатской службы на Кавказѣ.
Баратынскій—умеръ послѣ 12 лѣтъ ссылки.
Бестужевъ—умеръ въ ранней молодости на Кавказѣ послѣ сибирскихъ рудниковъ.

„Горе“, говоритъ священное писаніе тѣмъ народамъ, которые бросаютъ камнями въ своихъ пророковъ, но русскому народу нечего бояться, ибо уже нечего болѣе прибавить къ его несчастному жребію.

V.

Литература и общественное мнѣніе послѣ 14 декабря 1825 года.

Двадцать пять лѣтъ, слѣдовавшіе за 14 декабря, труднѣе поддаются характеристикѣ, чѣмъ вся протекшая съ Петра I эпоха. Два противоположныя по направленію теченія, одно на поверхности, другое глубокое или едва уловимое, запутываютъ обозрѣніе этого періода. Судя по наружному виду, Россія оставалась неподвижной,—казалось даже, что она идетъ назадъ. Но въ глубинѣ все принимало новый видъ, вопросы становились болѣе сложными, рѣшенія—менѣе простыми.

На поверхности оффиціальной Россіи, «на фасадѣ имперіи», были видны только гибель, свирѣпая реакція, безчеловѣчныя преслѣдованія и усугубленный деспотизмъ. Видѣли только окруженнаго посредственностью Николая среди солдатскихъ парадовъ, балтійскихъ нѣмцевъ и дикихъ охранителей, Николая, не довѣряющаго себѣ самому, холоднаго, упрямаго, безжалостнаго, не великодушнаго, такую же посредственность, какъ и окружающіе его. Непосредственно за нимъ царило высшее общество, которое съ первымъ ударомъ грома, разразившимся надъ его головой послѣ 14 декабря, утратило всякое понятіе о чести и достоинствѣ, съ такимъ трудомъ пріобрѣтенныхъ. Русская аристократія болѣе уже не возвышалась въ царствованіе Николая; ея расцвѣтъ прошелъ. Все, что было въ ея нѣдрахъ благороднаго и смѣлаго, находилось въ рудникахъ Сибири. То, что осталось или удержалось въ милости у властелина, упало до степени подлости или рабскаго повиновенія, хорошо извѣстныхъ изъ картинъ Кюстина.

Затѣмъ слѣдуютъ офицеры изъ гвардіи; блестящіе и образованные, они становятся все болѣе и болѣе закоренѣлыми сержантами. До 1825 года всѣ носящіе штатское платье сознавали превосходство эполетъ. Чтобы быть comme il faut нужно было прослужить не менѣе двухъ лѣтъ въ гвардіи или, по крайней мѣрѣ, въ кавалеріи. Офицеры были душой собраній, героями праздниковъ и баловъ и, сказать правду, это предпочтеніе не было лишено основанія. Военные были болѣе независимы и держались болѣе достойно, чѣмъ пресмыкающееся и малодушное чиновничество. Теперь обстоятельства приняли иной видъ: гвардія раздѣлила участь аристократіи; лучшіе изъ офицеровъ были сосланы, огромное число другихъ оставило службу, не будучи въ состояніи переносить грубый и наглый тонъ, введенный Николаемъ. Торопились занять пустыя мѣста хорошими служаками, или завсегдатаями казармъ и манежей. Офицерство упало во мнѣніи общества, черная одежда взяла верхъ, а мундиръ господствовалъ только въ небольшихъ провинціальныхъ городахъ, да при дворѣ, этой главной гауптвахтѣ имперіи. Члены императорской фамиліи,

какъ и ея глава, выказывали военнымъ преувеличенное и несоотвѣтственное ихъ положенію предпочтеніе. Равнодушіе публики къ формѣ не доходило, однако, до принятія гражданскихъ чиновниковъ въ общество. Даже въ провинціяхъ къ нимъ имѣли непреодолимое отвращеніе, что, впрочемъ, не помѣшало усиленію бюрократическаго вліянія. Все управленіе изъ аристократическаго и невѣжественнаго, какимъ оно было, становится послѣ 1825 года пресмыкающимся и жалкимъ. Министерства перемѣняются въ канцеляріи, ихъ начальники и высшіе чиновники становятся дѣльцами и писарями. Они тѣмъ же становятся въ гражданскомъ сословіи, чѣмъ въ гвардіи были безнадежные служаки. Знатоки, изощрившіеся во всякихъ формальностяхъ, холодные и лишенные соображеній высшаго порядка исполнители, они преданы правительству изъ-за любви къ лихоимству. Николаю были нужны такіе офицеры и такіе администраторы.

Казарма и канцелярія сдѣлались центромъ политической науки Николая. Слѣпая и лишенная общаго смысла дисциплина, соединенная съ бездушнымъ формализмомъ австрійскихъ сборщиковъ,—такова была пружина славной организаціи сильной власти въ Россіи. Какая нищета правительственной мысли, какая проза абсолютизма, какая жалкая пошлость! Это была самая простая и самая грубая форма деспотизма.

Прибавимъ къ этому шефа жандармскаго корпуса, графа Бенкендорфа, формирующаго инквизиціонную армію, нѣчто въ родѣ полицейскаго масонскаго общества, которое во всѣхъ углахъ имперіи, отъ Риги до Нерчинска, имѣло своихъ братьевъ шпіоновъ и подслушивающихъ *), начальника третьяго отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи (таково наименованіе главнаго сыскного управленія), рѣшающаго все, отмѣняющаго судебныя рѣшенія и вмѣшивающагося рѣшительно во все, а особенно въ политическія преступленія. Передъ этой канцеляріей-судомъ по временамъ предстаетъ цивилизація, подъ видомъ какого-нибудь писателя или ученаго,

*) Не передаваемая на русскій языкъ игра словъ. Прим. перев.

которыхъ ссылаютъ или заключаютъ въ крѣпость, и которыхъ вскорѣ замѣщаютъ другими.

Словомъ, при взглядѣ на оффиціальную Россію сердце наполняется унынiемъ: съ одной стороны разсѣянная, истерзанная съ невѣроятнымъ упорствомъ Польша, съ другой—помѣшательство войной, которая не прекращается въ продолженіе всего царствованія, и которая поглощаетъ войска, ни на шагъ не подвинувъ нашего владычества на Кавказѣ; въ центрѣ—полное униженіе и правительственная неспособность.

Внутри происходитъ огромная работа, работа глухая и безмолвная, но дѣятельная и непрерывная: недовольство растетъ повсюду, революціонныя идеи въ эти двадцать пять лѣтъ отвоевываютъ больше мѣста, чѣмъ въ продолженіе цѣлаго предшествовавшаго столѣтія. Впрочемъ, онѣ не проникли въ народъ.

Русскій народъ продолжалъ держаться въ сторонѣ отъ политическихъ сферъ; онъ не имѣлъ достаточно поводовъ къ тому, чтобы принимать участіе въ работѣ, которая происходила въ другомъ слоѣ націи. Продолжительныя страданія побуждаютъ къ своего рода величію; русскій народъ слишкомъ страдалъ для того, чтобы имѣть право волноваться за небольшое улучшеніе своего положенія, онъ скорѣе предпочитаетъ смѣло оставаться нищимъ въ лохмотьяхъ, чѣмъ надѣвать на себя заштопанное платье. Если же онъ не принимаетъ никакого участія въ движеніи идей, которое охватывало другіе классы, то это еще совершенно не значитъ, чтобы въ его душѣ ничего не происходило. Русскому народу живется тяжелѣе, чѣмъ въ старину, его взоръ печальнѣе; несправедливость крѣпостного состоянія и грабежъ государственныхъ чиновниковъ становятся для него невыносимѣе. Правительство нарушило спокойствіе общины устройствомъ принудительныхъ работъ; въ самой деревнѣ сажаютъ по тюрьмамъ и сокращаютъ отдыхъ крестьянина въ собственной его хижинѣ введеніемъ сельской полиціи (становые пристава). Процессы противъ поджигателей, убійства помѣщиковъ и возстанія крестьянъ увеличиваются въ огромныхъ размѣрахъ. Многочисленное раскольничье населеніе ропщетъ. Эксплуатируемое и притѣс-

няемое духовенствомъ и полиціей, оно далеко еще не сплотилось. По временамъ въ этихъ мертвыхъ и недоступныхъ для насъ моряхъ слышатся смутные звуки, которые предвѣщаютъ ужасныя бури. Это недовольство русскаго народа, о которомъ мы говоримъ, при поверхностномъ взглядѣ не очевидно. Россія всегда представлялась настолько спокойной, что трудно было думать, чтобы въ ней что-либо происходило. Немного людей знаетъ о томъ, что происходитъ подъ саваномъ, которымъ правительство покрываетъ трупы, пятна крови и военныя экзекуціи, съ высокомѣрнымъ лицемѣріемъ заявляя, что подъ этимъ саваномъ нѣтъ ни труповъ, ни крови. Что знаемъ мы о симбирскихъ поджигателяхъ, объ убійствахъ помѣщиковъ, въ одно и то же время организованныхъ во многихъ деревняхъ; что знаемъ мы объ отдѣльныхъ бунтахъ, которые вспыхивали въ то время, когда Киселевъ вводилъ новое административное управленіе; что знаемъ мы о возстаніяхъ въ Казани, Вяткѣ и Тамбовѣ, гдѣ должно было искать убѣжища отъ пушекъ?..

Интеллектуальная работа, о которой мы говорили, производилась не въ высшихъ и не въ низшихъ слояхъ русскаго общества, но какъ разъ въ серединѣ, т.-е. по большей части въ среднемъ дворянствѣ. Факты, которые мы будемъ приводить, казалось, не имѣли бы большой важности, но не слѣдуетъ забывать, что пропаганда, какъ и всякое воспитаніе, идетъ въ тиши, особенно когда она не смѣетъ появиться при свѣтѣ дня.

Вліяніе литературы значительно возрастаетъ и проникаетъ все глубже и глубже; литература не измѣняетъ своей миссіи и остается пропагандно-либеральной, поскольку это возможно при нашей цензурѣ.

Жажда просвѣщенія захватываетъ все новое поколѣніе; гражданскія и военныя школы, гимназіи, лицеи изобилуютъ учениками; дѣти болѣе бѣдныхъ родителей тѣснились въ различныхъ институтахъ. Правительство, которое еще въ 1804 году привлекало дѣтей въ школу привилегіями, удерживаетъ всѣми средствами ихъ стеченіе: возрастаютъ трудности пріема и экза-

меновъ; учениковъ застращиваютъ; министръ народнаго просвѣщенія циркуляромъ ограничиваетъ образованіе для крѣпостныхъ. Въ то же время Московскій университетъ становится средоточіемъ русской цивилизаціи. Императоръ питаетъ къ нему отвращеніе, недоволенъ имъ, онъ каждый годъ отправляетъ въ ссылку большое количество учащихся въ немъ, не оказываетъ ему чести своимъ посѣщеніемъ во время проѣздовъ черезъ Москву, но университетъ процвѣтаетъ и пріобрѣтаетъ вліяніе; имъ пренебрегаютъ, но онъ ничего и не ждетъ, продолжаетъ свою работу, и достигаетъ истиннаго могущества. Цвѣтъ молодежи провинцій, смежныхъ съ Москвой, тянется въ ея университетъ, и каждый годъ рядъ лиценціатовъ разсыпается по всему государству въ качествѣ служащихъ, врачей и учителей.

Въ глубинѣ провинціи, и особенно въ Москвѣ, явно увеличивается классъ независимыхъ людей, не соглашающихся ни на какую публичную службу и занимающихся управленіемъ своихъ имѣній, науками или литературой. Они ничего не требуютъ отъ правительства, если это послѣднее оставляетъ ихъ въ покоѣ. Они—полная противоположность петербургской знати, которая привязана къ публичной службѣ и ко двору, преисполнена рабскаго честолюбія, ждетъ всякой правительственной службы и ею только и живетъ. Ничего не прося, оставаясь независимыми и не добиваясь должностей, они именуются при деспотическомъ режимѣ творцами оппозиціи. Правительство косо глядитъ на этихъ л ѣ н и в ц е в ъ и недовольно ими. На самомъ дѣлѣ они составляютъ ядро цивилизованныхъ людей и настроены противъ петербургскаго режима. Одни изъ нихъ цѣлыми годами ѣздятъ по заграничнымъ странамъ, вынося оттуда свободныя идеи; другіе, пріѣзжая на нѣсколько мѣсяцевъ въ Москву, запираются остальное время года въ своихъ имѣніяхъ, гдѣ они читаютъ все новое и слѣдятъ за ходомъ интеллектуальной жизни въ Европѣ. Чтеніе становится предметомъ моды среди провинціальныхъ дворянъ. Хвастаются библіотеками, выписываютъ новѣйшіе французскіе романы: Journal des Débats и Gazette d'Augsbourg; обладаніе запре-

щенными книгами составляетъ верхъ хорошаго вкуса. Я не знаю ни одного порядочнаго дома, гдѣ не было бы сочиненія Кюстина о Россіи, особенно строго воспрещеннаго Николаемъ. Лишенная всякой дѣятельности, подъ безпрестанной угрозой тайной полиціи, молодежь съ тѣмъ большимъ рвеніемъ отдается чтенію. Сумма идей въ обращеніи начинаетъ увеличиваться.

Но каковы были новыя мысли и направленія, которыя появились на свѣтъ послѣ 14 декабря? *)

Первые, слѣдующіе за 1825 года были ужасны. Понадобился десятокъ лѣтъ, прежде чѣмъ освоились съ этимъ ужаснымъ положеніемъ порабощенія и гоненія. Глубокое отчаяніе и полное уныніе повсюду овладѣло людьми Высшее общество съ трусливой и подлой поспѣшностью поторопилось отречься отъ всѣхъ человѣческихъ чувствъ, всѣхъ просвѣщенныхъ идей. Почти не было ни одной аристократической фамиліи, которая не имѣла бы въ числѣ изгнанниковъ близкаго родственника, и почти ни одна изъ нихъ не смѣла носить трауръ или позволить себѣ проникнуться сожалѣніемъ. И когда они отвернулись отъ печальнаго зрѣлища рабскаго повиновенія, когда сосредоточились на размышленіи, чтобы въ немъ найти совѣтъ и надежду, они встрѣтили ужасную мысль, леденящую сердце.

Иллюзіи болѣе невозможны: народъ остался равнодушнымъ зрителемъ 14 декабря. Всякій добросовѣстный человѣкъ увидалъ печальный результатъ полнаго разлада между Россіей старой и Россіей новой. Всякая дѣятельная связь между этими двумя частями была порвана; ее надо было возстановить; но

*) Не безъ нѣкотораго страха я приступаю къ этой части моего обозрѣнія.

Понятно, что въ большинствѣ случаевъ мнѣ невозможно говорить всего, называя имена и лица; чтобы говорить о какомъ-нибудь русскомъ, надо знать его на родинѣ или въ Сибири. Я даже не рѣшаюсь по зрѣломъ размышленіи на это обнародованіе; нѣмота поддерживаетъ деспотизмъ, и вещи, о которыхъ не рѣшаются говорить, существуютъ только вполовину. Прим. автора.

какимъ образомъ? Это былъ большой вопросъ. Одни думали, что нельзя прійти ни къ чему, оставивъ Россію на буксирѣ у Европы; они основывали свои надежды не на будущемъ, но на возвращеніи къ прошлому. Другіе видѣли въ будущемъ только несчастіе и разореніе. Они проклинали этотъ выродокъ цивилизаціи и этотъ равнодушный народъ. Глубокая печаль овладѣла душой каждаго мыслящаго человѣка.

Лишь звучная и широкая пѣснь Пушкина раздавалась въ равнинахъ рабства и муки; эта пѣснь уходила въ прошлую эпоху, наполняла ея сильными звуками настоящаго и посылала свой голосъ въ далекое будущее. Поэзія Пушкина была залогомъ и утѣшеніемъ. Поэты, жившіе во времена отчаянія и упадка, не имѣли подобныхъ пѣсенъ; онѣ едва годились для похоронъ.

Вдохновеніе не обмануло Пушкина. Кровь, наполнявшая это трепетавшее въ ужасѣ сердце, не могла тамъ оставаться: она скоро снова начала выходить наружу.

Уже одинъ литераторъ смѣло поднялъ голосъ для насмѣшки надъ трусами. Этотъ человѣкъ провелъ всю юность на родинѣ, въ Сибири. Занимаясь торговлей, которая скоро ему опротивѣла, онъ пристрастился къ чтенію. Не имѣя образованія, онъ безъ учителя выучился французскому и нѣмецкому языкамъ и поселился въ Москвѣ. Тамъ, безъ сотрудниковъ, безъ знаній, безъ имени въ литературѣ, онъ возымѣлъ идею редактировать ежемѣсячный журналъ, и скоро удивилъ читателей энциклопедическимъ разнообразіемъ своихъ статей. Онъ смѣло писалъ о законовѣдѣніи и о музыкѣ, о медицинѣ и санскритскомъ языкѣ. Русская литература была одной изъ его спеціальностей, что не мѣшало ему писать повѣсти, романы и даже критику, въ которой онъ скоро достигъ большого успѣха.

Въ произведеніяхъ Полевого не основательно искать громадное краснорѣчіе, философскую глубину, но онъ умѣетъ въ каждомъ вопросѣ найти человѣческую сторону; его симпатіи лежали къ либерализму. Его журналъ, Московскій Телеграфъ, имѣлъ большое вліяніе, и мы тѣмъ болѣе должны

признать заслугу, которую онъ оказалъ, что этотъ журналъ издавался въ столь злополучное время. Что можно написать на слѣдующій день послѣ бунта, наканунѣ казней? Положеніе Полевого было очень трудное. Отсутствіе гласности въ то время спасло его отъ преслѣдованія. Мало писали въ эту эпоху: половина людей пера была въ ссылкѣ, другая молчала. Небольшое число отступниковъ, какъ сіамскіе близнецы Гречъ и Булгаринъ, соединилось съ правительствомъ. Доносами на друзей и уничтоженіемъ въ типографіи Греча революціонныхъ прокламацій, совершеннымъ находящимся подъ ихъ начальствомъ корректоромъ, они скрыли свое участіе въ 14 декабря. Они одни владѣли тогда журналистикой Петербурга. Они служили полиціи, а не литературѣ. Полевой сумѣлъ продержаться противъ всей реакціи вплоть до 1834 года, не измѣняя дѣлу, и мы не должны забывать этого.

Полевой началъ демократизировать русскую литературу, онъ заставилъ ее сойти съ ея аристократическихъ высотъ и сдѣлалъ ее болѣе народной, или, по крайней мѣрѣ, болѣе буржуазной. Его самыми главными врагами были литературные авторитеты, на которыхъ онъ напалъ съ безжалостной ироніей. Онъ имѣлъ полное основаніе думать, что всякое уничтоженіе авторитетовъ является революціоннымъ актомъ, и что человѣкъ, который сумѣлъ освободиться отъ давленія великихъ именъ и схоластическихъ авторитетовъ, не можетъ вполнѣ оставаться ни религіознымъ рабомъ, ни правовымъ. До Полевого критики съ бездной умолчаній и оговорокъ нѣсколько разъ отваживались на легкій обзоръ Державина, Карамзина или Дмитріева, всецѣло признавая, что ихъ величіе безспорно. Полевой, съ первыхъ же дней ставъ съ ними на совершенно равное положеніе, началъ задѣвать тяжелыя и наставническія фигуры этихъ великихъ учителей. Старецъ Дмитріевъ, поэтъ и бывшій министръ юстиціи, говорилъ съ горечью и ужасомъ о той литературной анархіи, которую ввелъ Полевой своимъ недостаткомъ уваженія къ людямъ, заслуги которыхъ были признаны цѣлой страной.

Полевой нападалъ не только на литературные авторитеты, но еще и на ученыхъ; онъ осмѣлился сомнѣваться въ ихъ знаніяхъ, онъ, мелкій сибирскій торговецъ, притомъ совершенно необразованный. Ученые ex officio соединились съ заслуженными сѣдовласыми писателями и предприняли правильную войну противъ мятежнаго журналиста.

Полевой, зная вкусы публики, уничтожилъ своихъ враговъ своими ѣдкими статьями. Онъ отвѣчалъ насмѣшкой на ученыя обозрѣнія и доводилъ ихъ скучныя диссертаціи до нелѣпости, вызывающей хохотъ. Нельзя представить себѣ того любопытства, съ какимъ публика слѣдила за ходомъ этой полемики. Говорили, что, нападая на литературные авторитеты, Полевой, понятно, имѣлъ въ виду другіе авторитеты. Онъ пользовался на самомъ дѣлѣ каждымъ случаемъ, чтобы затронуть наиболѣе щекотливые политическіе вопросы, и дѣлалъ это съ удивительнымъ искусствомъ. Полевой говорилъ почти все, и въ то же время его нельзя было обвинить. Должно сказать, что цензура сильно способствовала развитію его слога и искусству держать въ границахъ свою рѣчь. Раздраженный оскорбительнымъ препятствіемъ, человѣкъ желаетъ побѣдить это препятствіе и почти всегда достигаетъ желаемаго. Намеки вносятъ въ рѣчь слѣды душевнаго движенія и борьбы; рѣчь становиться болѣе страстной, чѣмъ простое изложеніе. Подразумѣваемое слово гораздо сильнѣе, и тотъ, кто хочетъ понимать, всегда пойметъ его даже и подъ этой завѣсой. Сжатая рѣчь сосредоточиваетъ больше чувства, она этимъ усиливается. Говорить такимъ образомъ, чтобы мысль была ясной, и чтобы слова сами слѣдовали за читателемъ,—это самый лучшій способъ убѣдить. Подразумѣваемыя слова увеличиваютъ силу рѣчи, откровенность обуздываетъ фантазію. Читатель, который знаетъ, насколько писатель долженъ быть остороженъ, читаетъ со вниманіемъ; тайныя узы устанавливаются между тѣмъ и другимъ: одинъ скрываетъ то, что пишетъ; другой—то, что воспринимаетъ. Цензура такая же паутина: она ловитъ маленькихъ мухъ и терзаетъ большихъ. Язвительныя слова, намеки умираютъ подъ красными чернилами; энергичныя мысли, истинную поэзію съ пре-

зрѣніемъ отправляютъ отыскивать себѣ гардеробъ, утомившись тщательной ихъ чисткой *).

Съ Телескопа въ русской литературѣ начинаютъ преобладать обозрѣнія. Онѣ вбираютъ въ себя все интеллектуальное движеніе. Книгъ покупали мало; лучшіе стихи и повѣсти появлялись на свѣтъ въ обозрѣніяхъ, и нужно было что-нибудь особенное, поэму Пушкина, или романъ Гоголя, чтобы обратить вниманіе читающей публики, столь рѣдкой въ Россіи. Ни въ одной другой странѣ, исключая Англіи, вліяніе обозрѣній не было столь велико. На самомъ дѣлѣ это была лучшая форма распространенія свѣта въ обширной странѣ. «Телеграфъ», «Московскій вѣстникъ», «Телескопъ» «Библіотека чтенія», «Отечественныя записки», и ихъ незаконный сынъ «Современникъ», несмотря на совершенно противоположныя направленія, распространяли огромную массу знаній, понятій, идей въ продолженіе послѣднихъ 25 лѣтъ. Они давали возможность жителямъ Омской и Тобольской губерній читать романы Диккенса и Жоржъ Зандъ, спустя два мѣсяца послѣ ихъ выхода въ Лондонѣ или Парижѣ. Ихъ періодичность даже имѣла выгоду, пробуждая лѣнивыхъ читателей.

Полевой нашелъ возможнымъ продолжать «Телеграфъ» до 1834 года, хотя преслѣдованіе мысли удвоилось послѣ польской революціи. Побѣдоносный абсолютизмъ утратилъ всякую притворную честь и всякій стыдъ. Школьниковъ наказывали за шалости какъ вооруженныхъ революціонеровъ, ссылали дѣтей отъ 15 до 16 лѣтъ и отдавали ихъ въ солдаты на всю жизнь. Студентъ Московскаго университета Полежаевъ, уже извѣстный, какъ поэтъ, написалъ нѣсколько свободныхъ стиховъ. Николай

*) Послѣ революціи 1848 года цензура стала манією Николая. Недовольный обыкновенной цензурой и той двойной цензурой, которая была установлена внѣ его государства, въ Яссахъ и Бухарестѣ, гдѣ не пишутъ по—русски, онъ создалъ цензуру въ Петербургѣ; мы расположены надѣяться, что эта двойная цензура будетъ болѣе полезна, чѣмъ простая цензура. Будутъ ѣздить печатать русскіе книги внѣ Россіи, что уже дѣлается и теперь. Увидимъ, кто окажется болѣе ловкимъ: свободное слово, или Императоръ Николай.

Прим. автора.

безъ суда велѣлъ ему явиться къ себѣ, приказалъ продекламировать эти стихи, обнялъ его и отослалъ какъ простого солдата въ одинъ полкъ—нелѣпое наказаніе, которое могло возникнуть только въ умѣ безумнаго правителя, считающаго русскую армію за исправительный домъ или за острогъ. Черезъ восемь лѣтъ солдатъ Полежаевъ умеръ въ военномъ госпиталѣ. Годомъ позднѣе братья Критскіе, тоже московскіе студенты, отправились на поселеніе за то, что, если я не ошибаюсь, они разбили бюстъ императора. Съ тѣхъ поръ никто не слышалъ разговора о нихъ. Въ 1832 году, подъ видомъ тайнаго общества, арестуютъ дюжину студентовъ и тотчасъ же отправляютъ въ Оренбургскій гарнизонъ, гдѣ къ нимъ въ товарищи попалъ лютеранинъ Юлій Кольрейфъ, который занимался только музыкой, но который осмѣлился говорить, что онъ не признаетъ обязанности доносить на своихъ товарищей. Въ 1834 году насъ, моихъ друзей и меня, бросили по тюрьмамъ и, по истеченіи восьми мѣсяцевъ, выслали въ качествѣ писцовъ въ канцеляріи отдаленныхъ провинцій. Насъ обвиняли въ намѣреніи образовать тайное общество и желаніи вести сенъ-симонистскую пропаганду; намъ прочли смертный приговоръ и, въ видѣ плохой шутки, объявили, что императоръ съ характеризующей его непростительной добротой приказалъ насъ подвергнуть только исправительной ссылкѣ. Это наказаніе продолжалось болѣе пяти лѣтъ.

Телеграфъ прекратился въ самомъ 1834 году. Полевой, лишившись своего журнала, оказался выбитымъ изъ колеи. Его литературные опыты болѣе не выходили; раздраженный и обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, онъ покинулъ Москву, чтобы жить въ Петербургѣ. Скорбное удивленіе встрѣчаетъ первые номера его новаго журнала («Сынъ Отечества»). Онъ становится покорнымъ и льстивымъ. Было грустно видѣть этого смѣлаго борца, этого неутомимаго работника, который сумѣлъ пережить болѣе тяжелыя времена, не покидая своего поста, въ мирѣ со своими врагами, благодаря которымъ прекратился его журналъ. Было грустно слушать имя Полевого вмѣстѣ съ именами Греча и Булгарина, было грустно также присутство-

вать на представленіи его драматическихъ произведеній, которымъ рукоплескали тайные агенты и оффиціальные лакеи.

Полевой чувствовалъ свое паденіе, страдалъ и становился унылымъ. Онъ самъ желалъ выйти изъ своего фальшиваго положенія, оправдать себя, но у него не было силы, и онъ только поставилъ себя въ неловкое положеніе передъ правительствомъ, ничего не выигравъ во мнѣніи публики. Натура его болѣе благородная, чѣмъ его поведеніе, не могла долго выносить этой борьбы. Онъ вскорѣ умеръ, оставивъ свои дѣла въ полномъ разстройствѣ. Всѣ его уступки ничего не принесли ему.

Дѣло Полевого продолжали двое: Сенковскій и Бѣлинскій.

Сенковскій, обрусѣлый полякъ, оріенталистъ и академикъ, былъ умный писатель и сильный работникъ, о которомъ не сложилось никакого мнѣнія, или, если и сложилось, то какъ о человѣкѣ съ глубокимъ презрѣніемъ къ людямъ и вещамъ, къ доказательствамъ и теоріямъ. Сенковскій былъ истиннымъ представителемъ того склада, который общественная мысль приняла послѣ 1825 года, той блестящей, но холодной наружности, той улыбки презрѣнія, которая нерѣдко таитъ угрызенія совѣсти, жажды наслажденія, разоженнаго неизвѣстностью, которая парить надъ судьбой каждаго человѣка—представителемъ насмѣшливаго и въ то же время печальнаго матеріализма, представителемъ поколѣнія, вынужденнаго шутить въ тюрьмѣ.

Бѣлинскій былъ антитезой Сенковскому. Это былъ типичный представитель московскаго любознательнаго юношества, мученикъ своихъ сомнѣній и идей, энтузіастъ, поэтъ въ діалектикѣ. Онъ затрогивалъ рѣшительно все, что его окружало, и совершенно расходовалъ себя въ своихъ мукахъ. Этотъ человѣкъ дрожалъ отъ негодованія и закипалъ бѣшенствомъ при видѣ этого вѣчнаго спектакля русскаго деспотизма.

Сенковскій основалъ свой журналъ, какъ коммерческое предпріятіе. Мы однако не раздѣляемъ мнѣнія тѣхъ, кто видѣлъ въ немъ правительственную тенденцію. Его съ жадностью читали по всей Россіи—явленіе, котораго никогда не случалось съ журналомъ или книгой, написанными въ интересахъ власти. Покровительствуемая полиціей «Сѣверная пчела» не состав-

ляла повидимому исключенія изъ этого правила. Она была единственной политической и неоффиціальной газетой, которую терпѣли,—и въ этомъ объясненіе ея славы, но какъ только оффиціальные журналы получили сносную редакцію, «Сѣверная пчела» была покинута своими читателями. У ней не было ни славы, ни репутаціи, съ которыми она могла перенести этотъ смертельный и унизительный договоръ съ правительствомъ. Въ Россіи всѣ тѣ, кто только читаетъ, презираютъ власть; всѣ тѣ, кто ее любитъ, или не читаетъ вовсе, или читаютъ только французскіе пустяки. Пушкинъ, эта величайшая русская знаменитость, былъ на нѣкоторое время покинутъ за одно только привѣтствіе, сдѣланное имъ послѣ холеры Николаю, и за два политическихъ стихотворенія. Гоголь, этотъ кумиръ русской литературы, вдругъ сдѣлался предметомъ глубочайшаго презрѣнія за раболѣпную брошюру. Полевой исчезъ въ тотъ день, когда онъ заключилъ союзъ съ правительствомъ. Въ Россіи нѣтъ прощенія отступникамъ.

Сенковскій съ презрѣніемъ говорилъ о либерализмѣ и наукѣ, но зато онъ и не имѣлъ уваженія ни къ чему. Онъ думалъ быть вполнѣ практическимъ, проповѣдуя теоретическій матерьялизмъ, и, какъ всѣ теоретики, несмотря на свою безусловную практичность и большую близость къ дѣлу, чѣмъ къ практологіи, былъ все-таки превзойденъ другими теоретиками, гораздо болѣе отвлеченными, но имѣющими пламенныя убѣжденія.

Поднимая на смѣхъ все самое святое въ человѣкѣ, Сенковскій, не желая того, истреблялъ монархизмъ въ умахъ. Проповѣдуя удобство и чувственныя удовольствія, онъ доводилъ людей до очень простой мысли, что невозможно наслаждаться, безпрерывно думая о жандармахъ, доносахъ и о Сибири, что страхъ—не удобство, и что нѣтъ человѣка, который можетъ спокойно обѣдать, не зная, гдѣ ему придется спать.

Сенковскій жилъ во время. Расчищая вступленіе въ новую эпоху, онъ мѣшалъ съ прахомъ предметы цѣнностей, но при этомъ онъ устранялъ затрудненія для другого времени, котораго не понималъ. Онъ даже самъ чувствовалъ это, и, какъ

только въ литературѣ пробилось нѣчто новое и сильное, Сенковскій сталъ складывать свои паруса и вскорѣ пропалъ совершенно.

Сенковскаго окружала группа молодыхъ писателей, которыхъ онъ погубилъ, извративъ ихъ вкусъ. Они ввели слогъ, который казался блестящимъ съ перваго взгляда и фальшивымъ со второго. Поэзія Петербурга или, еще скорѣе, Васильевскаго острова*) была лишена жизни и правды въ своихъ истерическихъ образахъ, которые вызывали Кукольникъ, Бенедиктовъ, Тимофеевъ и др. Только подобные цвѣты и могли распускаться у подножія императорскаго трона и въ тѣни Петропавловской крѣпости.

Въ Москвѣ мѣсто запрещеннаго Телеграфа занялъ Телескопъ. Этотъ журналъ существовалъ не такъ продолжительно, какъ его предшественникъ, но его смерть была болѣе славной. Это былъ тотъ самый журналъ, который напечаталъ извѣстное письмо Чаадаева. Журналъ былъ немедленно запрещенъ, цензоръ былъ уволенъ въ отставку съ пенсіей, главный редакторъ сосланъ въ Усть-Сысольскъ. Опубликованіе этого письма было особенно важнымъ событіемъ. Это былъ вызовъ, знакъ пробужденія; письмо сломило равнодушіе, царившее послѣ 14 декабря. Наконецъ явился человѣкъ съ душой, переполненной до краевъ горечью; человѣкъ, который нашелъ ужасный языкъ, чтобы съ зловѣщимъ краснорѣчіемъ, съ тягостнымъ спокойствіемъ сказать все то, что въ теченіе десяти лѣтъ съ такой остротой накопилось на сердцѣ образованнаго русскаго. Это письмо было завѣщаніемъ человѣка, который отрекается отъ своихъ правъ, но не изъ любви къ своимъ наслѣдникамъ, а изъ отвращенія; сурово и холодно авторъ требуетъ у Россіи отчета во всѣхъ тѣхъ страданіяхъ, которыми она утоляетъ жажду человѣка, осмѣливающагося выйти изъ состоянія грубости. Онъ желаетъ знать все, что

*) Нѣчто въ родѣ Латинскаго квартала, центръ жизни литераторовъ и артистовъ, неизвѣстныхъ въ другихъ частяхъ города.
Прим. автора.

покупаемъ мы этой цѣною, чѣмъ заслужили мы такое положеніе; онъ съ поразительной глубиной неумолимо анализируетъ его и затѣмъ, покончивъ съ этой вивисекціей, съ ужасомъ отворачивается, проклиная страну въ ея прошломъ, настоящемъ и ея будущемъ. Да, этотъ мрачный голосъ хотѣлъ только сказать Россіи, что она никогда не жила по человѣчески, что она представляетъ только „недостатокъ человѣческаго единомыслія, поучительный примѣръ для Европы". Онъ говоритъ Россіи, что ея прошлое было безполезно, настоящее излишне, и у нея нѣтъ никакого будущаго.

Не соглашаясь съ Чаадаевымъ, мы вполнѣ понимаемъ путь, который привелъ его къ этой мрачной и отчаянной точкѣ зрѣнія, тѣмъ болѣе, что до настоящаго времени факты говорятъ за него, а не противъ него. Мы вѣримъ, а онъ показываетъ пальцемъ; мы надѣемся—ему же достаточно открыть журналъ, чтобы доказать свою правоту. Заключеніе, къ какому пришелъ Чаадаевъ, не можетъ выдержать никакой критики: въ немъ не должно искать причины важности этого изданія—она лежитъ въ той высотѣ его суроваго негодованія, которое потрясаетъ душу и долгое время оставляетъ ее подъ тягостнымъ чувствомъ. Упрекаютъ автора въ его строгости, но это-то и есть его самая большая заслуга. Не надо насъ жалѣть; мы слишкомъ скоро забываемъ наше положеніе, мы слишкомъ привыкли развлекаться въ стѣнахъ тюрьмы.

Крикъ отчаянія и изумленія встрѣчаетъ эту статью, она пугаетъ и оскорбляетъ даже тѣхъ, кто согласенъ съ ней, и однако она выражаетъ только то, что неопредѣленно волнуетъ душу каждаго изъ насъ. У кого изъ насъ не бываетъ этихъ моментовъ гнѣва, когда мы ненавидимъ страну, которая отвѣчаетъ мученіями въ отвѣтъ на всѣ благородные порывы спѣшащаго разбудить насъ для этихъ пытокъ человѣка? Кто изъ насъ не желаетъ вырваться навсегда изъ этой занимающей четвертую часть земного шара тюрьмы, изъ этой чудовищной имперіи, гдѣ каждый частный приставъ—верховный владыка, а верховный владыка—коронованный частный приставъ? Кто изъ насъ не отдастъ всѣхъ удовольствій для того, чтобы за-

быть этотъ поражающій холодомъ адъ, чтобы на нѣсколько минутъ отдаться упоенію и разлечься? Мы видимъ теперь вещи съ другой стороны, мы разсматриваемъ русскую исторію по другому, но намъ не за чѣмъ отрекаться или раскаяваться въ этихъ минутахъ отчаянія; мы слишкомъ дорого заплатили за нихъ, чтобы имъ поддаться; онѣ—наше право, наше свидѣтельство, наше спасеніе.

Чаадаевъ умеръ, но его не оставили въ покоѣ. Петербургская аристократія, всѣ эти Бенкендорфы и Клейнмихели оскорбились за Россію. Важный нѣмецъ Вигель, начальникъ департамента вѣроисповѣданій и, вѣроятно, протестантъ, ополчился за православныхъ русскихъ. Императоръ приказалъ объявить Чаадаева сумасшедшимъ. Эта плохая шутка возвратила Чаадаеву даже тѣхъ, кто сталъ его врагомъ; его вліяніе въ Москвѣ увеличивается. Сама аристократія опускаетъ голову передъ этимъ человѣкомъ мысли и окружаетъ его почетомъ и уваженіемъ, давъ такимъ образомъ блестящее опроверженіе императорской насмѣшкѣ.

Письмо Чаадаева прозвучало, какъ трубный призывъ; сигналъ былъ поданъ, и вотъ со всѣхъ сторонъ раздаются новые голоса; молодые писатели выходятъ на общественное поприще, свидѣтельствуя о той молчаливой работѣ, которая происходила въ продолженіе этихъ десяти лѣтъ.

14 (26) декабря слишкомъ глубоко порвало съ прошлымъ, чтобы можно было въ литературѣ продолжать предшествующее направленіе. Непосредственно за этимъ великимъ днемъ стало возможно появленіе еще такого молодого, полнаго воображенія и идей 1825 года человѣка, какъ Веневитиновъ. Уныніе, какъ и боль отъ раны, не проходитъ сразу. Но едва только было произнесено нѣсколько новыхъ словъ, какъ оно пропало, подобно тому какъ гибнутъ подъ леденящимъ дыханіемъ Балтійскаго моря цвѣты болѣе нѣжнаго неба.

Веневитиновъ не былъ рожденъ для жизни въ новой русской атмосферѣ. Чтобы быть въ состояніи переносить воздухъ этой злосчастной эпохи, ему нужно было иное время, онъ долженъ былъ жить съ дѣтства подъ этимъ рѣзкимъ и непрерыв-

нымъ сѣвернымъ вѣтромъ; ему нужно было свыкнуться съ неразрѣшимыми сомнѣніями, самыми горькими истинами, съ своей собственной слабостью и повседневными оскорбленіями. Ему нужно было пріобрѣсти привычку съ самаго нѣжнаго возраста скрывать все то, что волновало его душу, и ничего не утратить изъ того, что было у него скрыто; напротивъ, нужно было, чтобы въ нѣмомъ гнѣвѣ созрѣвало все то, что лежало у него на сердцѣ. Нужно умѣть ненавидѣть изъ-за любви, презирать изъ чувства человѣчности, нужно быть безгранично гордымъ, чтобы высоко держать голову въ кандалахъ на рукахъ и ногахъ.

Каждая пѣснь Онѣгина, который выходилъ послѣ 1825 года, становилась все болѣе и болѣе глубокой. Первоначальный планъ поэта былъ легкій и веселый; онъ намѣтилъ его въ то время, когда его окружали люди, которые находили удовольствіе въ этомъ ироническомъ, но благосклонномъ и забавномъ смѣхѣ. Первыя пѣсни Онѣгина напоминаютъ намъ скорѣе язвительный, но сердечный комизмъ Грибоѣдова. Слезы и смѣхъ постоянно смѣняютъ другъ друга.

Выразителями новой эпохи русской поэзіи, мы думаемъ, были два поэта — Лермонтовъ и Кольцовъ. Оба эти мощныхъ голоса раздались съ двухъ противоположныхъ сторонъ.

Ничто съ такой ясностью не доказываетъ происшедшей послѣ 1825 года перемѣны въ умахъ, какъ сравненіе Пушкина и Лермонтова. Пушкинъ, часто недовольный и печальный, оскорбленный и полный негодованія, все-таки былъ готовъ примириться. Онъ желалъ мира и не приходилъ въ отчаяніе; аккордъ воспоминанія о временахъ императора Александра не переставалъ дрожать въ его сердцѣ. Лермонтовъ такъ привыкъ къ отчаянію, къ антагонизму, что не только не искалъ изъ него выхода, но даже не понималъ самой возможности борьбы, или примиренія. Лермонтовъ, никогда не зная надежды, не жертвовалъ собою, потому что передъ нимъ не было ничего, что требовало бы этого самопожертвованія. Онъ не несъ съ гордостью своей головы къ палачу, какъ Не-

стель и Рылѣевъ, потому что не могъ вѣрить въ силу жертвы; онъ бросился въ сторону, и погибъ изъ-за пустяковъ.

Выстрѣлъ изъ пистолета, которымъ былъ убитъ Пушкинъ, пробудилъ душу Лермонтова. Онъ написалъ энергичную оду, въ которой, клеймя низкія интриги, предшествовавшія дуэли, интриги, сотканныя литературными министрами и журнальными шпіонами, съ негодованіемъ молодого человѣка восклицаетъ: „Мщеніе, императоръ, мщеніе!“ Поэтъ искупилъ это свое единственное безразсудство ссылкой на Кавказъ. Туда онъ отправился въ 1837 году; въ 1841 году тѣло Лермонтова опускается въ могилу у подножія Кавказскихъ горъ.

И то, что ты сказалъ передъ кончиной,
Изъ слушавшихъ тебя, не понялъ ни единый.
... Твоихъ послѣднихъ словъ
Глубокое и горькое значенье
Потеряно *)...

По счастью, для насъ не потеряно то, что Лермонтовъ написалъ въ теченіе четырехъ послѣднихъ лѣтъ своей жизни. Онъ вполнѣ принадлежитъ нашему поколѣнію. Мы всѣ были слишкомъ молоды, чтобы принимать участіе въ 14 декабря. Разбуженные этимъ великимъ днемъ, мы только видѣли казни и ссылки. Покорившись вынужденному молчанію, подавивъ свои слезы, мы учились сосредоточиваться и скрывать свои мысли, и какія мысли? Это не были уже болѣе идеи просвѣтительнаго либерализма, идеи прогресса,—это были сомнѣнія, отрицаніе, мысли ярости. Привыкшій къ такимъ чувствамъ, Лермонтовъ не могъ искать спасенія въ лиризмѣ, подобно Пушкину. Онъ влачилъ жалкое существованіе скептика въ своемъ поэтическомъ творчествѣ и во всѣхъ своихъ удовольствіяхъ. Сильная и печальная мысль никогда не покидала его чела; она проглядываетъ во всѣхъ его стихотвореніяхъ. Это не была отвлеченная мысль, которая ищетъ себѣ выраженія

*) Стихи Лермонтова, обращенные къ памяти князя Одоевскаго, умершаго на Кавказѣ простымъ солдатомъ; одинъ изъ осужденныхъ за 14 декабря. *Прим. автора.*

ъ цвѣтахъ поэзіи; нѣтъ, дума Лермонтова—это его поэзія, его ученіе и сила *). Онъ болѣе глубоко симпатизировалъ Байрону, чѣмъ Пушкинъ. Несчастіе быть слишкомъ проницательнымъ соединялось въ немъ съ другимъ несчастіемъ — смѣлостью говорить о многомъ безъ прикрасъ и пощады. Слабые и оскорбленные никогда не прощаютъ этой искренности. О Лермонтовѣ говорили, какъ о балованномъ ребенкѣ изъ аристократическаго дома, какъ объ одномъ изъ тѣхъ праздношатающихся, которые гибнутъ отъ скуки и пресыщенія. Не желали видѣть того, какъ боролся этотъ человѣкъ, и какъ онъ страдалъ, прежде чѣмъ рѣшиться напечатать свои мысли. Люди гораздо снисходительнѣе переносятъ несправедливости и измѣну, чѣмъ извѣстную зрѣлость мысли и отчужденность въ человѣкѣ, который не желаетъ раздѣлять ни ихъ надеждъ, ни ихъ страховъ, и рѣшается открыто признать это. Когда Лермонтовъ покидалъ Петербургъ, чтобы во второй разъ отправиться въ ссылку на Кавказъ, онъ былъ очень усталымъ и говорилъ своимъ друзьямъ, что желалъ бы скорѣе умереть. Онъ сдержалъ свое слово.

Что же наконецъ, представляетъ изъ себя это чудовище, которое называютъ Россіей, которому нужно столько жертвъ, и которое предоставляетъ своимъ сынамъ только печальный выборъ между моральной гибелью въ атмосферѣ, противной всему человѣческому, или смертью на зарѣ своей жизни? Бездонная пропасть, гдѣ гибли лучшіе пловцы, гдѣ огромныя усилія, величайшіе таланты, величайшія дарованія исчезали, ничего не достигнувъ.

Однако, какъ сомнѣваться въ существованіи нарождающихся силъ, когда изъ нѣдръ народа поднимается голосъ, подобный голосу Кольцова.

Въ продолженіе вѣка, и даже полутора, народъ пѣлъ только старыя пѣсни, или сфабрикованныя къ срединѣ царство-

*) Стихи Лермонтова превосходно переведены на нѣмецкій языкъ Боденштетомъ. На французскій языкъ есть его романъ: „Герой нашего времени“, переведенный Шопеномъ.

Прим. автора.

вания Екатерины II гнусности. Въ началѣ нашего вѣка появляются нѣкоторыя попытки довольно счастливаго подражанія, но этимъ искусственнымъ произведеніямъ не доставало правды; это были только усилія или причуды. Новыя пѣсни исходили изъ самыхъ нѣдръ крестьянской Россіи. Пастухъ, сопровождая свои стада черезъ степи, складывалъ ихъ по вдохновенію. Кольцовъ вполнѣ сынъ народа. Родясь въ Воронежѣ, онъ до десяти лѣтъ былъ въ приходской школѣ и научился только читать и безграмотно писать. Отецъ его, продавецъ скота, заставилъ сына избрать это же ремесло. Кольцовъ сопровождалъ стада сотни верстъ и такимъ образомъ привыкъ къ кочевой жизни, которая отражается въ лучшей части его пѣсенъ. Молодой пастухъ любилъ чтеніе и перечитывалъ постоянно нѣсколькихъ русскихъ поэтовъ, которыхъ принялъ за образецъ, но опыты въ подражаніи испортили его поэтическій инстинктъ. Истинный талантъ наконецъ проявился въ написанномъ имъ небольшомъ числѣ народныхъ пѣсенъ. Онѣ представляютъ изъ себя образцовое произведеніе. Это—чудныя пѣсни русскаго народа. Ихъ отличительной чертой является грусть, раздирающая душу печаль и удаль молодецкая. Кольцовъ показалъ, сколько кроется поэзіи въ душѣ русскаго народа, и что, несмотря на долгій и глубокій сонъ, все-же есть что-то, что бьется въ его груди. У насъ есть и другіе примѣры поэтовъ, государственныхъ людей и артистовъ, вышедшихъ изъ народа, но всѣ они, выйдя изъ народа, отдались книжному слову, порвавъ съ народомъ всякую связь. Ломоносовъ былъ сыномъ рыбака съ Бѣлаго моря. Онъ убѣжалъ изъ отцовскаго дома учиться, поступилъ въ церковное училище и затѣмъ отправился въ Германію, гдѣ утратилъ связь съ народомъ. Нѣтъ ничего общаго между нимъ и земледѣльческой Россіей, если не считать той связи, которая соединяетъ отдѣльныхъ лицъ одной и той же расы. Кольцовъ остался среди гуртовъ при дѣлѣ своего отца, который его ненавидѣлъ и, помогая другимъ своимъ родственникамъ, для него сдѣлалъ жизнь настолько тяжелой, что онъ умеръ въ 1842 г. Кольцовъ и Лермонтовъ выступили въ одно и то же время. Послѣ нихъ русская поэзія замолчала.

Но въ прозѣ дѣятельность удвоилась и приняла другое направленіе.

Гоголь не былъ народнымъ, подобно Кольцову, ни по своему положенію, ни по своимъ склонностямъ, ни по складу своего ума. Гоголь—вполнѣ независимъ отъ иностраннаго вліянія; онъ не былъ знакомъ ни съ какой литературой, даже тогда, когда уже пріобрѣлъ имя. У него было больше общаго съ жизнью народа, чѣмъ съ жизнью двора, что вполнѣ естественно въ малороссѣ.

Малороссъ, даже получивъ дворянство, никогда не порываетъ такъ рѣзко съ народомъ, какъ это дѣлаетъ русскій. Онъ любитъ свою страну, свой языкъ, преданія казачества и гетмановъ. Независимость дикой и воинственной, но республиканской и демократической Малороссіи сохранялась вѣками вплоть до Петра I-го. Малороссы, терзаемые поляками, турками и москвитянами, постоянно вовлекаемые въ войну съ крымскими татарами, никогда не падали духомъ. Малая Россія, добровольно соединившись съ Великой, постановила важные по своему значенію законы. Царь Алексѣй велѣлъ ихъ пересмотрѣть, Петръ I, прикрываясь измѣной Мазепы, оставилъ только призракъ отъ этихъ привиллегій; Елизавета и Екатерина ввели тамъ крѣпостное право. Бѣдная страна протестовала, но какъ можно было сопротивляться этой роковой лавинѣ, которая въ своемъ стремленіи съ Сѣвера къ Черному морю покрывала все, что только носило имя русскаго, тѣмъ же однообразнымъ и леденящимъ саваномъ рабства? Украину постигла судьба Новгорода и Пскова, но гораздо позднѣе, и только цѣлый вѣкъ рабства могъ уничтожить все то, что было въ этомъ храбромъ народѣ независимаго и поэтическаго. Въ немъ гораздо болѣе индивидуальнаго развитія, болѣе мѣстныхъ особенностей, чѣмъ въ насъ. У насъ жалкая форма безъ различія покрываетъ всю жизнь народа. Люди родятся, чтобы согнуться передъ несправедливой судьбой и умереть безъ слѣда, оставивъ своихъ дѣтей влачить ту же самую безнадежную жизнь. Нашъ народъ не знаетъ своей исторіи, тогда какъ каждое село въ Малороссіи

имѣетъ свою легенду. Русскій народъ помнитъ только Пугачева и 1812 годъ.

Повѣсти, съ которыми Гоголь выступилъ въ первый разъ, представляютъ изъ себя рядъ красивыхъ картинъ нравовъ и видовъ Малороссіи, полныхъ веселья, прелести, движенія и любви. Подобныя повѣсти невозможны въ Россіи, гдѣ все ложно и не оригинально. У насъ народныя сцены принимаютъ постоянно мрачный и трагическій видъ, подавляющій читателя. Я говорю трагическій, но только въ смыслѣ Лаокоона. Это— та трагедія судьбы, которой человѣкъ отдается безъ борьбы. Горе переходитъ въ бѣшенство и отчаяніе, смѣхъ въ горькую и злобную иронію. Кто можетъ безъ трепета негодованія и стыда читать великолѣпный романъ «Антонъ Горемыка» и образцовое произведеніе Тургенева «Записки Охотника»?

По мѣрѣ того, какъ Гоголь покидаетъ Малороссію и приближается къ центральной Россіи, наивные и изящные образы исчезаютъ. Здѣсь больше полудикихъ героевъ въ родѣ „Тараса Бульбы“ *), больше добродушныхъ и патріархальныхъ старцевъ, которыхъ онъ такъ чудно обрисовалъ въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“. Подъ московскимъ небомъ все становится у него мрачнымъ, туманнымъ и враждебнымъ. Онъ постоянно смѣется, смѣется даже больше, чѣмъ прежде, но это иной смѣхъ, и только люди съ очень черствымъ сердцемъ или очень простодушные позволятъ себѣ смѣяться на это. Переходя отъ малороссовъ и казаковъ къ русскимъ, Гоголь оставляетъ въ сторонѣ народъ и останавливается на двухъ самыхъ ненавистныхъ врагахъ: чиновникѣ и владыкѣ. Никогда еще никто до него съ такой полнотой не проходилъ надъ русскимъ чиновникомъ курса патологической анатоміи. Смѣясь, онъ безъ пощады проникаетъ въ самыя сокровенныя складки этой нечистой и злой души. Комедія Гоголя „Ревизоръ“ и его романъ „Мертвыя души“—ужасная исповѣдь современной Россіи.

---

*) „Тарасъ Бульба“, „Старосвѣтскіе помѣщики“ и еще нѣсколько повѣстей Гоголя переведены на французскій языкъ Віардо. Есть нѣмецкій переводъ „Мертвыхъ душъ“. Прим. авт.

Въ то же время эти произведенія повторяютъ открытія Котошихина, сдѣланныя въ XVIII столѣтіи *).

Императоръ Николай помиралъ со смѣху, присутствуя на представленіи „Ревизора“!!!

Поэтъ, отчаявшись въ томъ, чтобы изъ этого августѣйшаго веселья и довольнаго смѣха чиновниковъ, вполнѣ сходныхъ съ выведенными на сценѣ, хотя и пользующихся большимъ расположеніемъ цензуры, получился какой-нибудь результатъ, думалъ, что во введеніи онъ долженъ объяснить, что его комедія не только очень смѣшна, но еще болѣе печальна— „что за его смѣхомъ скрываются горячія слезы“.

Послѣ „Ревизора“ Гоголь обращается къ деревенскому дворянству и выводитъ на свѣтъ этотъ неизвѣстный міръ, который, прячась за кулисами, вдали отъ дорогъ и большихъ городовъ, зарывается въ глубь деревень, эту Россію дворянчиковъ, которые въ скромныхъ заботахъ о своихъ земляхъ скрываютъ испорченность болѣе глубокую, чѣмъ испорченность Запада. Благодаря Гоголю мы увидали, наконецъ, какъ они выходятъ изъ своихъ замковъ, изъ своихъ господскихъ домовъ, и проходятъ передъ нами безъ личины, безъ прикрасъ, всегда пьяные и обжорливые, рабы недостойной власти и безжалостные мучители своихъ крѣпостныхъ; мы увидѣли, какъ они сосутъ жизнь и кровь народа со свойственнымъ грудимъ младенцамъ простодушіемъ.

„Мертвыя души“ потрясли всю Россію.

Подобное обвиненіе необходимо для современной Россіи. Это — исторія болѣзни, написанная рукою мастера. Поэзія Гоголя—это крикъ ужаса и стыда, вырвавшійся у оскорбленнаго пошлостью жизни человѣка, который вдругъ видитъ равнодушіе въ отвѣтъ на свое уничтожающее остроуміе. Но чтобы подобный крикъ могъ вырваться изъ груди, нужно быть здоровымъ и обладать великой силой обновленія. Тотъ, кто

*) Русскій подъячій временъ Алексѣя, отца Петра I-го, который бѣжалъ въ Швецію, боясь преслѣдованій царя и который за убійство былъ обезглавленъ въ Стокгольмѣ Прим. авт.

открыто сознается въ своей слабости и своихъ ошибкахъ, чувствуетъ, что онѣ не составляютъ сущности всей его жизни, что онѣ не поглощаютъ его всецѣло, что въ немъ самомъ есть нѣчто скрытое, сохраняющееся и при паденіи; что можно еще искупить прошлое и не только возродиться, но, подобно Сарданапалу, герою трагедіи Байрона, стать даже нѣжнымъ Сарданапаломъ.

Въ „Мертвыхъ душахъ“ лицомъ къ лицу мы находимся съ этимъ великимъ вопросомъ: гдѣ доказательства, что русскій народъ можетъ подняться, и каковы доказательства противнаго? Этотъ вопросъ, въ той же формѣ, какъ и мы его видимъ, занималъ всѣхъ мыслящихъ людей, но ни одинъ изъ нихъ не нашелъ его разрѣшенія.

Полевой, ободрявшій другихъ, самъ ни во что не вѣрилъ: иначе, упалъ ли бы онъ такъ скоро духомъ и перешелъ ли бы при первомъ несчастіи къ врагамъ? „Библіотека для чтенія“, очертя голову, набросилась на эту проблему и измѣнила вопросъ, не постаравшись разрѣшить его. Рѣшеніе Чаадаева не является единственнымъ.

Поэзія, проза, искусство и исторія показываютъ намъ образованіе и развитіе этого нелѣпаго абсурда, этихъ оскорбительныхъ обычаевъ и этой чудовищной власти, но никто изъ нихъ не даетъ возможности предвидѣть конецъ. Нужно ли приспособиться къ этому, какъ это сдѣлалъ въ концѣ-концовъ Гоголь, или броситься навстрѣчу смерти, подобно Лермонтову? Намъ невозможно было приспособиться; мы стояли въ противорѣчіи съ гибелью; какой-то голосъ говорилъ въ глубинѣ нашего сердца, что слишкомъ рано уходить и, казалось, что за „Мертвыми душами“ есть еще и живыя души.

Вопросы снова вставали съ еще большей силой; всѣ, кто еще надѣялся, требовалъ ихъ рѣшенія какой-бы то ни было цѣной.

Послѣ 1840 года два теченія овладѣли вниманіемъ публики. Изъ схоластическихъ споровъ они скоро перешли въ литературу, а оттуда въ общество.

Мы говорим о московском панславизмѣ и русском западничествѣ.

Борьба между этими двумя теченіями завершилась движеніемъ 1848 года. Это была послѣдняя горячая полемика, охватившая общество, почему она и пріобрѣла дѣйствительное значеніе.

Мы ее разсмотримъ въ слѣдующей главѣ.

VI.

Московскій панславизмъ и русское западничество.

Пора реакціи противъ реформы Петра I прошла не только для правительства, отступившаго передъ своимъ собственнымъ принципомъ и отрекшагося отъ западной цивилизаціи, во имя которой Петръ I попралъ національность, но даже и для людей, которыхъ подъ предлогомъ цивилизаціи правительство удалило отъ народа, и которыхъ оно стало вѣшать, когда они становились цивилизованными.

Поворотъ къ національнымъ идеямъ наводилъ естественно на вопросъ, который, будучи просто выраженъ, содержалъ уже реакцію противъ петербургскаго періода. Не нужно ли искать выхода изъ того плачевнаго положенія, въ которомъ мы находимся, въ сліяніи съ народомъ, который мы презираемъ, не зная его? Не должно ли вернуться къ порядку вещей, болѣе подходящему къ славянскому характеру, и сойти съ пути чуждой намъ принудительной цивилизаціи? Вопросъ важный и дѣйствительно интересный. Но какъ только онъ былъ поставленъ, тотчасъ же появилась группа людей, которая, немедленно предлагая положительное рѣшеніе, создала одностороннюю систему и обратила ее не только въ ученіе, но и въ религію. Логика реакціи столь же поспѣшна, какъ и логика революціи.

Самой большой ошибкой *славянофиловъ* было то, что они видѣли отвѣтъ въ самомъ вопросѣ и смѣшивали возможное съ дѣйствительнымъ. Они чувствовали, что стоятъ на дорогѣ, ведущей къ великимъ истинамъ, дорогѣ, которая должна измѣнить нашъ уголъ зрѣнія на современныя событія. Но, вмѣсто того, чтобы итти впередъ и работать, они остановились на этомъ чувствѣ. Такимъ образомъ, извращая факты, они впали въ заблужденіе. Ихъ сужденіе не было болѣе свободнымъ, они не видѣли болѣе трудностей, все имъ казалось рѣшеннымъ и опредѣленнымъ. Они стали искать не истины, а возраженій для своихъ противниковъ.

Страсти мѣшались съ полемикой. Изступленные *славянофилы* съ ожесточеніемъ напали на весь петербургскій періодъ, на все то, что сдѣлалъ Петръ Великій, и, наконецъ, на все европейское и цивилизованное. Можно понять и оправдать это увлеченіе, какъ актъ оппозиціи, но, къ несчастію, эта оппозиція зашла слишкомъ далеко, и тогда непонятнымъ образомъ она оказалась на сторонѣ правительства, вопреки своимъ собственнымъ стремленіямъ къ свободѣ.

Рѣшивъ a priori, что все, пришедшее отъ *нѣмцевъ*, никуда не годится, а все введенное Петромъ I отвратительно, *славянофилы* дошли до преклоненія передъ узкими формами московскаго государства; отрекаясь отъ своихъ собственныхъ доводовъ и своего собственнаго просвѣщенія, они съ рвеніемъ спѣшили укрыться подъ сѣнь креста греческой церкви. Мы не можемъ оправдать ихъ за подобныя тенденціи, тѣмъ болѣе, что славянофилы совершенно непонятно прельщались организаціей московскаго государства и придавали греческому православію значеніе, котораго оно никогда не имѣло. Негодуя противъ деспотизма, они доходили до политическаго и моральнаго порабощенія; несмотря на всѣ симпатіи къ славянской національности, они, черезъ другую дверь, покидали эту самую національность. Греческое православіе влекло ихъ къ византизму, и, дѣйствительно, они быстро шли къ этой безднѣ застоя, въ которой исчезли всѣ слѣды древняго міра. Если формы и мысли Запада не годятся для Россіи, то что же есть

общаго между нею и Восточной Римской Имперіей ? Въ чемъ же проявилась органическая связь между славянами—этими варварами въ силу юности, и греками—варварами въ силу дряхлости? Наконецъ, что же представляетъ изъ себя эта Византія какъ не Римъ—Римъ упадка, Римъ безъ славныхъ воспоминаній и безъ угрызеній совѣсти? Какіе новые принципы внесла Византія въ исторію? Греческое православіе? Но это только равнодушный католицизмъ; принципы настолько одинаковы, что для доказательства ихъ различія понадобилось семь вѣковъ споровъ и несогласій. Соціальную организацію? Но она въ Восточной имперіи основана на абсолютной власти, на пассивномъ подчиненіи и полномъ поглощеніи личности государствомъ, а государства императоромъ.

Могло ли подобное государство сообщить новую жизнь молодому народу? Западные славяне на югѣ находились долго въ соприкосновеніи съ греками Восточной Римской Имперіи, и что же они отъ этого выиграли?

Уже забыто, что эти полчища людей были подъ покровительствомъ греческихъ императоровъ и благословеніемъ Константинопольскихъ патріарховъ. Достаточно взглянуть на законы объ оскорбленіи величества, недавно въ такихъ широкихъ размѣрахъ повторенные императоромъ Николаемъ и его юрисконсультомъ Гюбомъ, чтобы оцѣнить эту казуистику порабощенія, эту философію рабства Эти законы касались только свѣтскаго: за ними вслѣдъ шли каноническіе законы, регламентирующіе движенія, форму одежды, пищу и веселье. Въ нихъ изображается жизнь человѣка, попавшаго въ двойную сѣть государства и церкви, человѣка, вѣчно трепещущаго: здѣсь подъ постоянной угрозой безотвѣтственнаго судьи и послушнаго палача, тамъ подъ угрозой дѣйствующаго во имя Бога попа и *эпитемій*, которыя связываютъ какъ на этомъ, такъ и на томъ свѣтѣ.

Гдѣ благотворное вліяніе восточной церкви? Какой народъ среди тѣхъ, которые ее приняли въ продолженіе столѣтій, начиная съ IV и до нашихъ дней, она цивилизовала и освободила? Арменію и Черногорію, или народцы Малой Азіи и бѣдныхъ

жителей Трапезунда? Наконецъ, не Морею ли? Намъ скажутъ, быть можетъ, что церковь ничего не могла сдѣлать изъ этихъ изношенныхъ и развращенныхъ народовъ безъ будущаго. Но славяне, племя здоровое тѣломъ и душой, выиграли ли они что-нибудь? Восточная церковь проникла въ Россію въ цвѣтущую и спокойную эпоху Кіева во время великаго князя Владимира. Она привела Россію къ печальнымъ и презрѣннымъ временамъ, описаннымъ Кошихинымъ, она благословляла и санкціонировала всѣ мѣры, принятыя противъ народной свободы. Она научила царей византійскому деспотизму, она предписывала слѣпое повиновеніе народу даже тогда, когда его прикрѣпили къ землѣ и согнули крѣпостнымъ правомъ. Петръ Великій парализовалъ вліяніе духовенства, что было однимъ изъ самыхъ важныхъ актовъ, и стоитъ ли желать возстановленія этого вліянія?

Славянофильство, ожидавшее спасенія Россіи отъ возстановленія московско-византійскаго режима, не освобождалось изъ-подъ опеки, а подпадало подъ нее; оно шло не впередъ, а назадъ. *Западники*, какъ ихъ называли славянофилы, не хотѣли промѣнять ярма нѣмецкаго рабства на ярмо славяноправославное: они хотѣли освободиться отъ всякаго ярма. Они не старались вычеркнуть ни протекшаго съ Петра I времени, ни усилій этого грубаго и тяжелаго вѣка. Они не хотѣли отречься отъ всего того, что было пріобрѣтено столькими страданіями и столькими потоками крови, чтобы вернуться къ узкому строю, къ односторонней національности и неподвижной церкви. Славянофилы съ такимъ же правомъ, какъ и легитимисты, могутъ сказать, что легко принять во вниманіе хорошую сторону и упустить дурную. Это была тяжелая ошибка, къ которой они присоединили другую, общую всѣмъ реакціонерамъ. Любя историческій принципъ, они забывали постоянно, что все то, что произошло послѣ Петра I, было также исторіей, и что ни одна живая сила,—мы не говоримъ о привидѣніяхъ,—не въ состояніи какъ уничтожить совершившіеся факты, такъ и вычеркнуть ихъ послѣдствія.

Такова была точка зрѣнія, на которой велась оживленная

полемика противъ славянофиловъ. Рядомъ съ ней остальные интересы, которые разсматривались въ журналахъ, отошли на второй планъ; на самомъ дѣлѣ вопросъ былъ захватывающій.

Сенковскій металъ тучи ядовитыхъ стрѣлъ въ лагерь славянофиловъ съ удивительнымъ искусствомъ. Довольный взрывами смѣха, вызваннаго имъ по адресу враговъ, онъ съ гордостью отступилъ. Онъ не былъ созданъ для серьозной полемики. Но другой журналистъ поднялъ брошенную въ Москвѣ славянскую рукавицу, и храбро развернулъ знамя европейской цивилизаціи противъ тяжелаго стяга съ изображеніемъ византійской дѣвы, который несли славянофилы.

Этотъ боецъ, стоявшій во главѣ Отечественныхъ Записокъ, не предсказывалъ большихъ успѣховъ славянофиламъ. И человѣкъ этотъ, талантливый и энергичный, имѣвшій и самъ фанатичныя убѣжденія, смѣлый, нетерпимый, раздражительный и нервный—былъ Бѣлинскій.

Его собственное развитіе очень характеристично для среды, въ которой оно пріобрѣтено. Родившись въ семьѣ бѣднаго провинціальнаго чиновника, онъ не вынесъ изъ нея ни одного утѣшительнаго воспоминанія. Его родители были грубы и некультурны, какъ и всѣ люди этого испорченнаго класса. Бѣлинскому было десять или одиннадцать лѣтъ, когда однажды его отецъ, возвратившись домой, сталъ его бранить; ребенокъ хотѣлъ оправдаться, отецъ въ гнѣвѣ ударилъ его, поваливъ на землю. Мальчикъ всталъ преображеннымъ: обида и несправедливость сразу порвали въ немъ связь съ родителемъ. Мысль о мщеніи долго его занимала; однако подъ вліяніемъ чувства своей собственной слабости онъ измѣнилъ ее на ту ненависть противъ всякихъ семейныхъ авторитетовъ, которую сохранилъ до самой своей смерти.

Это было началомъ воспитанія Бѣлинскаго. Семья эмансипировала его своими темными сторонами, общество—своимъ ничтожествомъ. Какъ молодой, нервный и болѣзненный человѣкъ, мало подготовленный для академическихъ занятій, онъ ничего не дѣлалъ въ Московскомъ университетѣ и, такъ

калъ онъ учился тамъ на казенный счетъ, его исключили со сковами: «Мало способностей и никакого прилежанія». Съ этимъ унизительнымъ аттестатомъ бѣдный молодой человѣкъ вступилъ въ жизнь, т. е. былъ выброшенъ за дверь университета среди большого города безъ куска хлѣба и безъ средствъ его добыть. Тогда-то онъ встрѣтился со Станкевичемъ и его друзьями, которые его спасли.

Станкевичъ, умершій еще молодымъ послѣ десяти лѣтъ пребыванія въ Италіи, не совершилъ ничего такого, что записываютъ въ исторію; однако только изъ неблагодарности его обходятъ, когда говорятъ объ интеллектуальномъ развитіи Россіи.

Станкевичъ принадлежалъ къ тѣмъ широкимъ и симпатичнымъ натурамъ, одно только существованіе которыхъ учитъ великимъ дѣламъ всѣхъ окружающихъ ихъ. Среди московской молодежи онъ распространялъ любовь къ нѣмецкой философіи, введенной въ университетъ этого города уважаемымъ профессоромъ Павловымъ. Станкевичъ, руководя занятіями этого кружка друзей, первый распозналъ умозрительныя способности нашего друга Бакунина и далъ толчекъ изученію Гегеля; онъ же отыскалъ въ Воронежской губерніи Кольцова, привезъ его въ Москву и ободрилъ его.

Станкевичъ вполнѣ вѣрно оцѣнилъ горячій и оригинальный умъ Бѣлинскаго. Вскорѣ вся Россія отдала долгъ справедливости смѣлому таланту публициста, котораго кураторъ московскаго университета оцѣнилъ, какъ бездарность.

Бѣлинскій страстно отдался изученію Гегеля. Незнакомство съ нѣмецкимъ языкомъ, не составляя препятствія, только способствовало его занятіямъ; Бакунинъ и Станкевичъ со всѣмъ пыломъ молодости и ясностью русскаго ума принялись помогать ему своими занятіями въ этомъ предметѣ. Въ концѣ концовъ ему достаточно было только намека, чтобы догонять своихъ друзей. Ставъ знатокомъ системы Гегеля, онъ первый среди московскихъ послѣдователей поднялся, если и не противъ самого Гегеля, то противъ способа его пониманія.

Бѣлинскій былъ совершенно свободенъ отъ вліяній, въ ко-

торыя мы впадали, когда не могли отъ нихъ защититься. Прельщенные новизной, мы въ молодости запоминали массу фактовъ, не провѣряя ихъ разумомъ. Эти воспоминанія, заимствованныя мысли, принимаемыя нами за пріобрѣтенныя истины, связывали нашу независимость. Бѣлинскій началъ свое изученіе философіи, когда ему было двадцать пять лѣтъ. Онъ подходилъ къ наукѣ съ серьезными вопросами и страстной діалектикой. Для него истины и результаты были не абстракціями и игрой ума, а вопросомъ жизни и смерти. Свободный отъ всякаго посторонняго вліянія, онъ вошелъ въ науку вполнѣ искренно; онъ не бѣжалъ отъ пламени анализа и отрицанія, и вполнѣ естественно возмущался полурѣшеніями, робкими заключеніями и трусливыми уступками.

Все это, послѣ книги Фейербаха и журнальной пропаганды Арнольда Руге, не было больше ново, но надо вернуться къ времени, предшествовавшему 1848 году. Гегельянская философія была тогда подъ обаяніемъ всѣхъ этихъ діалектическихъ фокусовъ, которые снова вызывали въ «Философіи религіи» разрушенную и сломленную въ «Феноменологіи» и «Логикѣ» религію. Это было время, когда еще восхищались тѣмъ, что философскій языкъ достигъ такого совершенства, что посвященные видѣли атеизмъ тамъ, гдѣ профаны находили вѣру.

Эта преднамѣренная неясность, эта осмотрительная осторожность не могла не вызвать ожесточенной оппозиціи со стороны искренняго человѣка. Бѣлинскій, чуждый схоластики и свободный отъ протестантской суровости и прусскаго приличія, былъ возмущенъ этой цѣломудренной наукой, которая прикрываетъ фиговымъ листомъ истину.

Однажды послѣ спора о боязливомъ берлинскомъ пантеизмѣ, длившагося нѣсколько часовъ, Бѣлинскій поднялся и съ дрожью въ голосѣ сказалъ: «Вы хотите меня заставить повѣрить, что цѣль человѣка довести абсолютный разумъ до познанія самого себя, и вы довольны этой ролью; что касается меня, я не настолько глупъ, чтобы служить невольнымъ орудіемъ кому бы то ни было. Если я мыслю, если я страдаю—все для меня

самого. Вашъ абсолютный разумъ, если онъ и существуетъ, для меня чуждъ. Я его не знаю, ибо у меня съ нимъ нѣтъ ничего общаго».

Мы приводимъ эти слова только для того, чтобы еще разъ показать складъ русскаго ума. Съ тѣхъ поръ, какъ начали проповѣдовать нелѣпость дуализма, первый талантливый русскій человѣкъ, запявшійся нѣмецкой философіей, замѣтилъ, что она реальна только на словахъ, оставаясь въ сущности земной религіей, религіей безъ неба, обителью логики, куда люди спасаются, чтобъ погрузиться въ абстракціи.

Публичная дѣятельность Бѣлинскаго начинается только съ 1841 года. Онъ овладѣлъ тогда направленіемъ «Отечественныхъ Записокъ» въ Петербургѣ и доминировалъ въ журналистикѣ въ теченіе десяти лѣтъ. Онъ палъ, какъ воинъ, вмѣстѣ съ русской журналистикой. Онъ умеръ въ 1848 году, изнуренный трудомъ, послѣ массы оскорбленій, какъ жертва ужасной нужды.

Бѣлинскій много сдѣлалъ для пропаганды. Вся студенческая молодежь воспиталась на его статьяхъ: онъ далъ силу мысли. Его критика проникла глубже, чѣмъ критика Полевого, возбуждая другіе вопросы и другія сомнѣнія. Его мало цѣнили; при жизни его самолюбіе слишкомъ страдало, тщеславіе было слишкомъ оскорблено; послѣ его смерти правительство запретило писать о немъ, и это-то побудило меня распространиться о немъ больше, чѣмъ о другихъ.

Его стиль былъ часто угловатъ, но всегда энергиченъ. Онъ и воспринималъ, и передавалъ свои мысли со страстью. Чувствуется въ каждомъ словѣ, что этотъ человѣкъ писалъ своей кровью; чувствуется, сколько онъ тратилъ силъ, насколько онъ расходовался; болѣзненный и раздражительный, онъ не зналъ предѣловъ ни въ любви, ни въ ненависти. Онъ часто увлекался, временами очень несправедливо, но оставался всегда безупречно искреннимъ.

Столкновеніе Бѣлинскаго со славянофилами было неизбѣжно.

Мы говорили, что это былъ одинъ изъ самыхъ свободныхъ

людей, не связанный ни вѣрой, ни традиціями. Не завися отъ общественнаго мнѣнія и не признавая никакихъ другихъ авторитетовъ, онъ не боялся ни гнѣва друзей, ни ужаса «прекрасныхъ душъ». Онъ всегда былъ готовъ, какъ часовой, стоявшій на стражѣ критики, указать и заклеймить все, что считалъ реакціоннымъ. Какъ же могъ онъ оставить въ покоѣ православныхъ и ультрапатріотичныхъ славянофиловъ, онъ, который видѣлъ тяжелыя цѣпи въ томъ, что славянофилы считали самыми священными связями?

Среди славянофиловъ были люди талантливые и ученые, но не было ни одного публициста; ихъ журналъ («Москвитянинъ») не имѣлъ вовсе успѣха. Талантливые люди изъ этой партіи почти не писали, неспособные же писали всегда.

Славянофилы имѣли передъ западниками громадное преимущество, но подобныя преимущества пагубны. Они защищали православіе и народность, тогда какъ западники нападали и на то, и на другое; они могли говорить почти все, въ увѣренности получить орденъ, пенсію, мѣсто учителя при дворѣ или камеръ-юнкерскій чинъ. Бѣлинскій напротивъ не могъ говорить ни о чемъ: слишкомъ прозрачное выраженіе, неосторожное слово могли привести его въ казематъ, поставить въ неловкое положеніе журналъ, редактора и цензора. Однако, въ силу этой-то самой причины всѣ симпатіи были привлечены на сторону дерзкаго писателя, передъ лицомъ Петропавловской крѣпости защищавшаго независимость, а антипатіи на сторону его противниковъ, подъ покровительствомъ «нѣмцевъ» изъ Петербурга показывающихъ кулакъ за стѣнами Кремля и Успенскаго собора. Все то, чего не договаривали Бѣлинскій и его друзья, угадывалось и дополнялось. Все, что говорили славянофилы, казалось мало деликатнымъ и мало благороднымъ.

Поспѣшимъ прибавить, что славянофилы никогда не были сторонниками правительства. Въ Петербургѣ есть, конечно, государственные панслависты, а въ Москвѣ славянофилы-союзники подобно тому, какъ существуютъ русскіе патріоты среди Прибалтійскихъ нѣмцевъ и усмиренныхъ на Кавказѣ черкесовъ, но о такихъ людяхъ не говорятъ. Все это охотники до крѣпостного

права, считающіе абсолютизмъ единственной цивилизованной формой правленія; они проповѣдуютъ превосходство донского вина надъ виномъ Котдора и обрусеніе западныхъ славянъ, вселяя въ этихъ послѣднихъ благородную ненависть къ нѣмцамъ и мадьярамъ, такъ хорошо служившимъ разнымъ Виндишгрецамъ и Гайнау. Правительство, не признавая ихъ оффиціальнаго ученія, оплачиваетъ издержки ихъ путешествій и отправляетъ къ ихъ друзьямъ чехамъ и кроатамъ голштинскіе кресты св. Анны, приготовляя послѣднимъ братскія объятія, въ которыхъ уже задохлась Польша.

Что касается истинныхъ славянофиловъ, ихъ добрыя сношенія съ правительствомъ были скорѣе несчастіемъ, чѣмъ желаніемъ. Подобныя положенія являются послѣдствіемъ всякаго, опирающагося на власть ученія. Оно можетъ быть революціонно въ идеѣ, но оно необходимо становится консервативнымъ въ остальныхъ отношеніяхъ и, слѣдовательно, находится передъ печальной альтернативой вступить въ союзъ со своими врагами или оставить свои принципы. Одного сближенія со своимъ врагомъ достаточно, чтобы пробудить сознаніе.

Бѣлинскій и его друзья противополагали славянофиламъ не ученіе и не исключительную систему, а горячую симпатію всему тому, что волнуетъ современнаго человѣка, безграничную любовь къ свободѣ мысли и столь же сильную ненависть ко всему тому, что ее затрудняетъ: къ власти, силѣ и вѣрѣ. Они разсматривали русскій и европейскій вопросы совершенно въ иномъ духѣ, чѣмъ славянофилы.

Имъ казалось, что одной изъ самыхъ важныхъ причинъ рабства, въ которомъ находилась Россія, былъ недостатокъ личной независимости; отсюда полное отсутствіе уваженія къ индивиду какъ со стороны правительства и оппозиціи, такъ и со стороны общества; отсюда цинизмъ власти и долготерпѣніе народа. Будущее Россіи представитъ огромную опасность для Европы и будетъ полно несчастій для нея самой, если въ личное право не проникнетъ элементъ освобожденія. Одно еще столѣтіе нынѣшняго деспотизма, и отъ всѣхъ лучшихъ качествъ русскаго народа не останется и слѣда.

По счастію, Россія въ этомъ важномъ вопросѣ индивидуальности находится на особомъ положеніи.

Для человѣка Запада то великое зло, которое поддерживаетъ рабство, пауперизмъ массъ и безсиліе революцій, состоитъ въ моральномъ порабощеніи. Это не недостатокъ чувства личности, а недостатокъ опредѣленности этого чувства, въ настоящее время извращеннаго историческимъ прошлымъ, ограничивающимъ личную независимость. Европейскіе народы такъ много вложили души и крови въ прошлыя революціи, что онѣ вѣчно живы, и человѣкъ не можетъ сдѣлать ни одного шага, не задѣвъ воспоминаній, этихъ fueros, болѣе или менѣе обязательныхъ и сознанныхъ имъ самимъ. Всѣ вопросы уже были разрѣшены наполовину; движенія, отношенія людей между собой, обязанности, нравственность и преступленія— все было опредѣлено. Это произошло не только благодаря непреодолимой силѣ, но частью благодаря соглашенію между людьми. Слѣдствіемъ этого явилось то, что индивиду, вмѣсто того, чтобы сохранить за собой свободу дѣйствія, оставалось подчиниться или возстать. Эти непрошенныя нормы, эти понятія цѣликомъ пересѣкли океанъ и вошли въ основной договоръ совершенно новой республики; онѣ пережили гильотинированнаго короля и спокойно заняли мѣсто на скамьяхъ Якобинцевъ и въ Конвентѣ. Долгое время эту массу полуистинъ и полупредразсудковъ принимали за твердое абсолютное основаніе соціальной жизни, за непреложные, исключающіе сомнѣнія результаты. Дѣйствительно, каждый изъ нихъ былъ истиннымъ прогрессомъ, побѣдой надъ своимъ временемъ, но изъ нихъ, взятыхъ въ цѣломъ, мало-по-малу воздвигались стѣны новой тюрьмы. Мыслящіе люди съ самаго начала того столѣтія догадывались объ этомъ, но имъ въ одно и то же время пришлось столкнуться и съ толщиной этихъ стѣнъ и со всѣми препятствіями на пути ихъ разрушенія.

Россія совершенно въ иномъ положеніи. Стѣны ея тюрьмы изъ дерева; воздвигнутыя грубой силой, онѣ подадутся съ первымъ ударомъ. Часть народа, отрекшись вмѣстѣ съ Петромъ I отъ своего прошлаго, показала, какой силой отрицанія она

обладаетъ; другая, оставшись чуждой нынѣшнему государству, покорилась, но не приняла новаго режима, казавшагося временнымъ бивуакомъ. Повиновались изъ боязни, но не вѣрили.

Было очевидно, что ни Западная Европа, ни современная Россія не могли итти дальше по своему пути, не измѣнивъ совершенно своей политической и моральной жизни. Но Европа, подобно Никодиму, слишкомъ была богата, чтобы пожертвовать своимъ имуществомъ ради надежды; Евангельскимъ рыбакамъ нечего было жалѣть, имъ было легко промѣнять свои сѣти на суму. Все ихъ имущество составляла только живая душа, способная воспринять слово.

Это отношеніе къ своему прошлому и прошлому Европы, въ которомъ Россія имѣла мѣсто, было ново и казалось очень благопріятнымъ развитію личной независимости. Появилось ученіе, вмѣсто пользы лишавшее Россію единственной выгоды, которую завѣщала ей исторія. Ненавидя, подобно намъ, настоящее Россіи, славянофилы хотѣли заимствовать у прошлаго цѣпи, въ родѣ тѣхъ, которыя сковывали ходъ Европы. Они смѣшивали идею свободной личности съ идеей узкаго эгоизма; они приняли его за европейскую, западную идею и, выставляя насъ слѣпыми почитателями образованности Запада, постоянно представляли намъ ужасную картину европейскаго разложенія, истощенія народовъ, безсиліе революцій и приближенія мрачнаго и рокового кризиса. Все это вѣрно, только они забыли назвать намъ тѣхъ, кто открылъ всѣ эти истины.

Европа не слыхала ни поэзіи Хомякова, ни прозы редакторовъ «Москвитянина», чтобы понять, что она была наканунѣ катаклизма, возрожденія или полнаго разложенія. Сознаніе упадка въ нынѣшнемъ обществѣ есть соціализмъ и, конечно, ни Сенъ-Симонъ, ни Фурье, ни этотъ новѣйшій Самсонъ, изъ нѣдръ своей тюрьмы [1]) потрясающій европейское зданіе, не заимствовали своихъ грозныхъ приговоровъ Европѣ въ сочиненіяхъ Шаффарика, Колара и Мицкевича. Сенъ-симо-

[1]) Прудонъ былъ тогда въ Ste-Pelagie. Прим. авт.

низмъ былъ извѣстенъ въ Россіи за десять лѣтъ до того, какъ онъ сталъ вопросомъ для славянофиловъ.

Не легко Европѣ, сказали бы мы славянофиламъ, освободиться отъ своего прошлаго; она хранитъ его вопреки своимъ интересамъ, потому что ей извѣстно, какой цѣной покупаются революціи, и потому, что много есть дорогого въ ея настоящемъ положеніи, что трудно возстановить. Легко критиковать реформацію и революцію, читая ихъ исторію, но Европа продиктовала и записала ихъ своей собственной кровью. Во имя свободы мысли и правъ человѣка она поднялась въ этой великой борьбѣ за свои надежды на ту высоту убѣжденія, какую можетъ быть нельзя даже осуществить. Мы въ иномъ положеніи, мы болѣе свободны отъ прошлаго—это великое преимущество, но оно обязываетъ къ большей скромности. Это слишкомъ отрицательное свойство, чтобы его хвалить, и оно слишкомъ романтично, чтобы возвысить отсутствіе недостатковъ на степень хорошихъ поступковъ. Мы свободны отъ прошлаго, потому что наше прошлое пусто, бѣдно и ограниченно. Невозможно любить подобныя московскому царизму или петербургскому имперіализму явленія. Можно ихъ объяснить, можно среди нихъ найти зародыши иного будущаго, но должно, чтобы въ насъ было заложено стремленіе выйти изъ нихъ, какъ изъ пеленокъ. Бросая Европѣ упреки въ томъ, что она не можетъ измѣнить своихъ установленій, славянофилы не только не говорили, какъ они предполагаютъ разрѣшить великое противорѣчіе индивидуальной свободы и государства, но даже избѣгали входить въ подробности той политической славянской организаціи, о которой они безпрестанно говорили. Въ этомъ отношеніи они ограничились Кіевскимъ періодомъ и придерживались сельской общины. Кіевскій періодъ не помѣшалъ ни московскому періоду, ни даже гибели всѣхъ свободъ. Община не спасла крестьянина отъ рабства. Далеко не отрицая значенія общины, мы боимся за нее, потому что безъ индивидуальной свободы она по существу лишена прочности. Европа, не зная этой общины или погубивъ ее среди превратностей прежнихъ вѣковъ, поняла ее, а Россія, имѣвшая ее въ теченіе тысячи

лѣтъ, не понимала общины, пока Европа не объяснила ей, какое сокровище скрыто въ ея нѣдрахъ. Начали цѣнить славянскую общину только съ тѣхъ поръ, какъ соціализмъ сталъ ее распространять. Мы предлагаемъ славянофиламъ доказать намъ противное.

Европа не разрѣшила противорѣчія между личностью и государствомъ, но она по крайней мѣрѣ поставила этотъ вопросъ. Россія приблизилась къ проблемѣ съ противоположной стороны, но она не лучше разрѣшила ее. Этотъ вопросъ, какъ онъ является сейчасъ, даетъ начало нашему равенству. У насъ болѣе надеждъ, потому что мы только что начинаемъ, но надежда надеждѣ рознь, въ зависимости отъ того, можетъ ли она осуществиться

Не должно слишкомъ полагаться на будущее ни въ исторіи, ни въ природѣ. Не всякій зародышъ достигаетъ зрѣлаго возраста, и не все то, что зарождается у насъ въ душѣ, реализуется, хотя при иныхъ условіяхъ оно могло бы получить развитіе.

Можно ли представить себѣ, чтобы способности русскаго народа могли развиваться при посредствѣ крѣпостного права, пассивнаго подчиненія и петербургскаго деспотизма? Продолжительное крѣпостное право — не случайный фактъ, оно естественно вытекаетъ изъ извѣстнаго элемента національнаго характера. Этотъ элементъ можетъ быть заглушенъ, побѣжденъ другими, но онъ можетъ также и быть побѣдителемъ. Если Россія можетъ довольствоваться существующимъ порядкомъ, у ней не будетъ того будущаго, на которое мы надѣемся. Продолжая итти по пути Петербурга, или возвращаясь къ традиціямъ Москвы, ей не останется другого призванія, какъ подобно полу-варварской и полу-развращенной ордѣ обрушиваться на Европу, опустошать цивилизованныя страны и гибнуть среди всеобщаго разрушенія.

Не должно ли, слѣдовательно, всѣми средствами стараться призвать русскій народъ къ сознанію своего мрачнаго положенія, сдѣлать хотя бы попытку убѣдить въ невозможности этого положенія? И кто же долженъ сдѣлать это, какъ не интеллигенція страны,

черезъ посредство которой народъ познаетъ свое собственное положеніе? Обстоятельства нисколько не мѣняются, будетъ ли число ея мало или велико. Петръ I былъ только одинъ, декабристовъ была горсть. Вліяніе личностей ужъ не настолько мало, какъ склонны это думать, личность—живая сила, могущественный двигатель, дѣйствіе котораго никогда не ослабляется даже смертью. Развѣ мы не видимъ по временамъ, какъ одно слово, сказанное между прочимъ, нарушаетъ равновѣсіе народовъ, вызываетъ или оканчиваетъ революціи?

Что же дѣлали вмѣсто этого славянофилы? Они проповѣдовали покорность, эту первую добродѣтель греческой церкви, это основаніе московскаго царизма. Они проповѣдовали презрѣніе къ Западу, который одинъ еще былъ въ состояніи озарить пучину русской жизни; они превозносили, наконецъ, прошлое, отъ котораго, напротивъ, необходимо было избавиться, чтобы отнынѣ будущее Востока и Запада было общимъ.

Очевидно было необходимо противиться подобному распоряженію умами; полемика дѣйствительно развивалась все болѣе и болѣе. Она длилась до 1848 года и достигла своего кульминаціоннаго пункта около конца 1847 года, какъ бы предчувствуя, что въ теченіе многихъ мѣсяцевъ въ Россіи ни о чемъ нельзя будетъ спорить, и эта борьба поблѣднѣетъ передъ тяжестью событій.

Двѣ статьи особенно ярко выражали эти два противоположныхъ направленія. Одна подъ заглавіемъ «Юридическое развитіе въ Россіи» была опубликована въ Современникѣ въ Петербургѣ. Другая представляла длинный отвѣтъ славянофила, напечатанный въ Москвитянинѣ. Первая статья, написанная ясно и энергично, была основана на глубокомъ изученіи русскаго права; она развивала мысль, что въ Россіи личное право никогда не доходило до юридическаго опредѣленія, что сама личность была всегда поглощена семьей, общиной и, позднѣе, государствомъ и церковью. Неопредѣленное положеніе личности, по мнѣнію автора, ведетъ къ той же неопредѣленности и во всѣхъ другихъ сферахъ политической жизни. Государство пользовалось этимъ отсутствіемъ опредѣленности, чтобы дѣй-

ствовать въ ущербъ свободамъ, такъ что русская исторія стала исторіей развитія самодержавія и власти подобно тому, какъ исторія Запада—есть исторія развитія свободы и права.

Опасность славизма стала очевидна въ отвѣтѣ «Москвитянина», который почерпнулъ свои доводы въ славянскихъ лѣтописяхъ, греческомъ катихизисѣ и гегельянскомъ формализмѣ. Славянофильскій авторъ думаетъ, что личное начало было хорошо развито въ древней Руси, но что личность, просвѣщенная греческой церковью, обладала высокимъ даромъ безропотности и добровольно перенесла свою свободу на личность князя. Князь выражаетъ собою сожалѣніе, благосклонность и свободную индивидуальность. Каждый отрекался отъ своей личной независимости и въ то же время спасалъ ее въ представителѣ индивидуальнаго начала—въ монархѣ.

Этотъ даръ отреченія и еще болѣе великій даръ отсутствія злоупотребленій сливалъ, по мнѣнію автора, въ созвучный аккордъ князя, общину и индивида; дивный аккордъ, которому авторъ не находитъ иного объясненія, кромѣ чрезвычайнаго присутствія Святого Духа въ византійской церкви.

Если славянофилы хотятъ представлять серьозное направленіе, дѣйствительную сторону народнаго сознанія, наконецъ силу, стремящуюся найти себѣ осуществленіе въ русской жизни, если они хотятъ чего-либо большаго, нежели археологическіе диспуты и техологическіе споры, мы имѣемъ право требовать, чтобы они оставили это безнравственное злоупотребленіе словомъ, эту извращенную логику. Мы говоримъ безнравственное злоупотребленіе, потому что оно совершается съ полнымъ знаніемъ дѣла.

Что значатъ эти метафорическія рѣшенія, которыя представляютъ собой совершенную противоположность самому вопросу? Почему эти картины, эти символы далеки отъ дѣла? Не научились ли славянофилы въ лѣтописяхъ Восточной Римской имперіи прививать эту византійскую проказу. Мы не греки временъ Палеологовъ, чтобы спорить объ opus operans и opus operatum въ то время, когда неизвѣстное и грозное будущее стучитъ въ нашу дверь.

Ихъ философскій методъ не новъ, правое крыло гегельянцевъ говорило точно такъ же уже пятнадцать лѣтъ тому назадъ; всякую нелѣпость можно возвести въ образецъ пустой діалектики, придавъ ей видъ метафизической глубины. Для этого нужно только не знать или забыть, что содержаніе и методъ стоятъ въ томъ же отношеніи, что свинецъ и форма для пуль, и что одинъ только дуализмъ не понимаетъ связывающаго ихъ взаимнаго отношенія. Авторъ, говоря о князѣ, только распространяетъ слишкомъ извѣстное опредѣленіе, данное Гегелемъ рабству въ „Феноменологіи“ (Herr und Knecht). Но онъ умышленно забылъ, какъ Гегель вышелъ изъ этой низшей ступени человѣческаго сознанія. Замѣчено, что этотъ философскій жаргонъ, принадлежащій по формѣ наукѣ, а по содержанію схоластикѣ, находится у іезуитовъ. Монталамберъ, отвѣчая на запросъ объ ужасахъ, совершонныхъ папскимъ правительствомъ въ римскихъ тюрьмахъ, сказалъ: „Вы говорите объ ужасахъ папы, но онъ не можетъ быть жестокъ, его положеніе защищаетъ его отъ этого; онъ, намѣстникъ Іисуса Христа, можетъ только прощать, быть сострадательнымъ, и на самомъ дѣлѣ папы всегда прощаютъ. Св. Петръ можетъ опечалиться, молиться за преступника, но онъ не можетъ быть неумолимъ“ и т. д. На вопросъ, употребляется ли пытка въ Римѣ, надо отвѣтить, что папа милостивъ; въ возраженіе на то, что всѣ мы рабы, что право личности въ Россіи не развито, нужно отвѣтить, что мы спасли его, возложивъ его на главу князя. Насмѣшка, вызывающая презрѣніе къ человѣческому слову! Опираться на религію — не совсѣмъ удобно, но опираться на принудительную религію и еще того менѣе. Каждый авторъ имѣетъ неоспоримое право вѣрить въ то, что кажется ему хорошимъ; но возлагать надежды на богословскіе доводы въ научномъ спорѣ съ человѣкомъ, который умалчиваетъ о своей религіи,—прямо неприлично. Зачѣмъ прятаться за неприступную крѣпость, самое незначительное нападеніе на которую ведетъ въ тюрьму?

Къ тому же, невозможно понять, какъ славянофилы, если ихъ религія была дѣйствительно имъ дорога, потеряли всякую

склонность къ лицемѣрному методу «Философіи религіи», этой слабой, лишенной вѣры реабилитаціи, этой холодной и блѣдной защитительной рѣчи, гдѣ гордая наука, похоронивъ свою сестру, бросаетъ ей улыбку сожалѣнія? Какъ у нихъ хватаетъ мужества все, что только есть у нихъ самаго священнаго, вовлекать въ диспуты, гдѣ не существуетъ благоговѣнія къ ихъ святымъ, и гдѣ ихъ только терпятъ изъ уваженія къ полиціи?

Это не все; авторъ статьи страннымъ образомъ прицѣпляется къ своимъ противникамъ за недостатокъ патріотизма въ нихъ, за ихъ слабую любовь къ націи. Это главная черта у славянофиловъ; о ней слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ. Они претендуютъ на монополію въ патріотизмѣ, считаютъ себя русскими болѣе, чѣмъ кто-либо, и постоянно упрекаютъ насъ за наше негодованіе противъ настоящаго правительства Россіи, за недостатокъ любви къ народу, за наши горькія и полныя гнѣва рѣчи, за нашу искренность, которая заставляетъ видѣть темныя стороны русской жизни.

Казалось бы у партіи, которую отправляютъ на висѣлицу, лишаютъ имуществъ и высылаютъ, нѣтъ недостатка ни въ патріотизмѣ, ни въ убѣжденіи. 14 декабря, какъ извѣстно, не было дѣломъ славянофиловъ; всѣ гоненія были предназначены для насъ,—судьба до сего дня щадила славянофиловъ.

Дѣйствительно, ненависть была въ нашей любви,—мы недостойны, мы бросаемъ упрекъ и народу, и правительству за то положеніе, въ которомъ мы находимся; мы не боимся высказывать самыя жестокія истины, но мы говоримъ ихъ потому, что любимъ. Мы не бѣжимъ отъ настоящаго къ прошлому, ибо знаемъ, что прошлая страница исторіи есть нынѣшнее государство. Мы не закрываемъ ушей на крикъ народнаго горя и имѣемъ мужество съ сокрушеннымъ сердцемъ утверждать, насколько крѣпостное право его развратило. Скрывать эти печальные результаты—не любовь, а тщеславіе. Крѣпостное право передъ нашими глазами, а насъ обвиняютъ въ клеветѣ и не хотятъ, чтобы печальная картина крестьянина, разграбленнаго дворянствомъ и правительствомъ, продаваемаго почти-что съ вѣсу,

приниженнаго розгами и поставленнаго внѣ закона, и днемъ, и ночью преслѣдовала насъ, какъ укоръ совѣсти и обвиненіе? Славянофиламъ болѣе нравится читать легенды временъ Владимира, они хотятъ видѣть Лазаря, покрытаго не струпьями, а шелковой матеріей. Нужно воздвигнуть для нихъ такъ же, какъ для Екатерины, деревни изъ картона и сады изъ кулисъ во всю длину пути отъ Петербурга до Крыма.

Великій актъ обвиненія, которое русская литература ставитъ русской жизни, полное и пламенное порицаніе нашихъ собственныхъ ошибокъ, признаніе ужаса нашего прошлаго, горькая иронія, заставляющая краснѣть за настоящее — въ этомъ наша надежда, наше спасеніе, прогрессивный элементъ русской натуры.

Какой смыслъ произведеній Гоголя, которому славянофилы удивляются съ такимъ преувеличеніемъ? Кто выше него воздвигъ позорный столбъ, къ которому привязана русская жизнь? Авторъ статьи въ «Москвитянинѣ» говоритъ, что Гоголь «спустился подобно рудокопу въ этотъ мрачный міръ безъ громовъ и потрясеній, неподвижный и однообразный, въ это болото безъ дна, которое пріятно, но безъ возврата, засасываетъ все бодрое (буквальное выраженіе славянофила); онъ спустился подобно рудокопу, пашедшему подъ землею жилу, которая еще не была начата». Да, Гоголь почувствовалъ подъ невоздѣланной землей эту силу, этотъ дѣвственный источникъ. Можетъ-быть даже, эта жила уже была начата, но къ несчастію онъ преждевременно рѣшилъ, что достигъ дна, и вмѣсто того, чтобы продолжать очистку, началъ искать золото? Каковъ былъ результатъ? Онъ сталъ защищать то, что разрушилъ, сталъ защищать крѣпостное право и кончилъ тѣмъ, что упалъ на колѣни передъ представителемъ «благосклонности и любви».

Что думаютъ славянофилы о паденіи Гоголя. Они, быть-можетъ, находятъ въ немъ болѣе логики, чѣмъ слабости. Отъ православнаго смиренія и отреченія, которое ставитъ индивидуальность князя на мѣсто своей индивидуальности, до обожанія самодержавія одинъ шагъ.

Что можно сдѣлать для Россіи въ присутствіи императора?

Времена Петра I, великаго царя, прошли; Петра, великаго человѣка, болѣе нѣтъ въ Зимнемъ дворцѣ — онъ въ насъ самихъ.

Время понять это и, бросивъ наконецъ борьбу, отнынѣ ставшую ребяческой, пора соединиться во имя Россіи, но также и во имя независимости.

Каждый день можетъ рухнуть старое соціальное зданіе Европы, каждый день Россія можетъ вступить въ бурный потокъ громадной революціи. Время ли продолжать семейные раздоры и ждать, что событія минуютъ насъ, потому что мы не готовы ни къ рѣшеніямъ, ни къ тѣмъ словамъ, которыхъ быть-можетъ отъ насъ ожидаютъ?

А развѣ у насъ нѣтъ открытаго поля для нашего примиренія?

Соціализмъ, который такъ рѣшительно, такъ глубоко раздѣляетъ Европу на два враждебныхъ лагеря, развѣ не принятъ славянофилами такъ же, какъ и нами? Это мостъ, на которомъ мы можемъ подать другъ другу руку.

Заключеніе.

Въ продолженіе семи или восьми послѣднихъ лѣтъ наканунѣ февральской революціи, революціонныя идеи шли crescendo благодаря пропагандѣ и внутренней работѣ, которая принимала весьма значительные размѣры. Правительство, какъ казалось, уже устало преслѣдовать.

Важный вопросъ, который доминировалъ надъ всѣми другими и уже начиналъ волновать правительство, дворянство и народъ, былъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. Уже начинали понимать, что невозможно итти далѣе съ веревкой рабства на шеѣ.

Указъ отъ 2 апрѣля 1842 г., приглашавшій дворянство уступить нѣкоторыя права крестьянамъ взамѣнъ обязательствъ и обязанностей, о которыхъ сговорились бы обѣ стороны, довольно ясно обнаруживаетъ, что правительство желало освобожденія.

Провинціальная аристократія всколыхнулась и раздѣлилась на двѣ партіи—за или противъ освобожденія. О немъ осмѣливались говорить на выборахъ. Съ разрѣшенія правительства въ двухъ или трехъ главныхъ мѣстахъ были составлены комитеты для разработки этого вопроса. Часть помѣщиковъ была въ отчаяніи; въ этомъ важномъ соціальномъ вопросѣ они видѣли только посягательство на ихъ привилегіи и собственность. Они сопротивлялись всякому нововведенію, опираясь на придворныхъ вельможъ. Молодое поколѣніе смотрѣло бодрѣе и лучше разсчитывало. Здѣсь мы не говоримъ о тѣхъ немногихъ личностяхъ, которыя съ полной преданностью къ дѣлу были

готовы принести въ жертву свое достояніе, чтобы стереть съ чела Россіи позорное слово рабства и искупить долгую эксплоатацію крестьянъ. Энтузіасты никогда не могутъ увлечь за собою все общество, если оно не въ разгарѣ революціи, подобно тому, какъ французская аристократія была увлечена благородной толпой 4 августа 1792 г. Большая часть дѣятелей по освобожденію желало освобожденія не только потому, что считало его глубоко-справедливымъ, но и потому, что считало его необходимымъ. Имъ надо было совершить освобожденіе, сведя до минимума свои будущія потери. Они хотѣли взять это дѣло въ свои руки, пока были у власти. Оставайся они въ оппозиціи, ничего не предпринимая, императоръ или народъ въ своемъ пути навѣрно бы остановился только передъ экспропріаціей.

Министръ государственныхъ имуществъ Киселевъ, представитель вопроса объ освобожденіи въ лагерѣ правительства, и министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій, уничтоживший указъ 2-го апрѣля своими комментаріями, получали проекты со всѣхъ концовъ имперіи. Хорошіе или дурные, эти проекты обнаруживали большую тревогу въ странѣ.

Несмотря на различія мнѣній и точекъ зрѣнія, несмотря на всю разницу въ положеніяхъ, въ интересахъ, одинъ принципъ былъ принятъ безспорно: ни правительство, ни дворянство, ни народъ не думали объ освобожденіи крестьянъ безъ ихъ земель. Безконечно мѣняли оцѣнку надѣловъ и условія выкупа, но никто, кромѣ нѣкоторыхъ неизлѣчимыхъ адептовъ старой политической экономіи, не говорилъ серьёзно объ ихъ освобожденіи на положеніи пролетаріевъ (dans le proletariat). Перспектива создать двадцать милліоновъ пролетаріевъ заставляла не безъ причины дрожать правительство и помѣщиковъ. И однако, съ точки зрѣнія религіи и собственности, съ точки зрѣнія неотъемлемаго и абсолютнаго права владѣнія и неограниченнаго пользованія, не было никакого средства рѣшить этотъ вопросъ безъ массоваго возстанія крестьянъ, безъ потрясенія основъ земельной собственности: измѣненіе собственности, какъ это принято считать устано-

вленнымъ въ политической экономіи, производится съ оружіемъ въ рукахъ.

Съ перваго взгляда кажется страннымъ, что въ государствѣ, гдѣ человѣкъ считается вещью, гдѣ онъ принадлежитъ землѣ, составляетъ часть помѣстья и продается вмѣстѣ съ нимъ, было бы такъ мало развито поклоненіе собственности. У насъ ее защищаютъ съ упорствомъ, какъ добычу, но не какъ право. Было очень трудно поселить вѣру въ ненарушимость и справедливость права, нелѣпости котораго были очевидны какъ для той, такъ и для другой стороны: для помѣщика, который владѣлъ крестьяниномъ, и для крестьянина-раба, который не былъ собственникомъ своего владѣнія. Знали, что происхожденіе правъ помѣщика было довольно темно. Ни для кого не было тайной, что рядъ произвольныхъ мѣръ, мѣръ полицейскихъ, мало-по-малу сдѣлалъ земледѣльческую Россію рабой Россіи дворянской. Можно было представить себѣ рядъ другихъ мѣръ, которыя привели ее къ освобожденію.

Недостатокъ установившихся юридическихъ понятій, неопредѣленность правъ не позволяли идеямъ собственности твердо укрѣпиться. Русскій народъ зналъ жизнь только общины, онъ понимаетъ свои права и обязанности только въ отношеніи къ общинѣ. Внѣ ея онъ не признаетъ повинностей и видитъ только насиліе. Подчиняясь ему, онъ уступаетъ только силѣ. Явная несправедливость одной части законодательства заставила презирать его и другую. Полнѣйшее неравенство передъ судомъ убило въ немъ всякое уваженіе къ законности. Русскій, къ какому бы классу онъ ни принадлежалъ, нарушаетъ законъ повсюду, гдѣ онъ можетъ только сдѣлать это безнаказанно. Точно такъ же дѣйствуетъ и правительство. Это печально и ужасно теперь, но имѣетъ громадное преимущество въ будущемъ.

Въ Россіи за показнымъ строемъ нѣтъ скрытаго, который былъ бы апоѳеозомъ, видоизмѣненіемъ существующаго порядка вещей; нѣтъ этого невозможнаго идеала, который никогда не совпадаетъ съ дѣйствительностью, всегда всецѣло ее обѣщая. За нашей внѣшней оградой нѣтъ такой высшей силы, которая

бы властвовала надъ нами. Вопросъ о революціи въ Россіи сводится къ вопросу о матеріальной силѣ. И это-то обстоятельство въ связи съ нѣкоторыми другими, о которыхъ мы упомянули, приготовило въ Россіи благодарную почву для соціальнаго перерожденія.

Мы уже сказали, что съ появленіемъ сенъ-симонизма, послѣ 1830 года, соціализмъ произвелъ громадное впечатлѣніе на московскіе умы. Въ этой доктринѣ, привыкнувъ къ общинной жизни, къ раздѣлу земель и къ ассоціаціямъ рабочихъ, видѣли выраженіе чувства, болѣе сроднаго имъ, чѣмъ въ политическихъ доктринахъ. Свидѣтели чудовищнаго злоупотребленія правомъ собственности, мы были менѣе оскорблены соціализмомъ, чѣмъ западный буржуа. Мало-по-малу и литературныя произведенія прониклись соціальными тенденціями и внушеніями. Въ романахъ и повѣстяхъ даже у славянофиловъ сталъ проявляться протестъ противъ современнаго общества съ точки зрѣнія больше, чѣмъ политической. Достаточно указать на романъ Достоевскаго „Бѣдные люди“.

Въ Москвѣ соціализмъ шелъ рука-объ-руку съ философіей Гегеля. Не трудно понять союзъ современной философіи съ соціализмомъ, и однако только въ послѣднее время нѣмцы установили соотвѣтствіе между наукой и революціей, и не потому, чтобы они не понимали этого прежде, но потому, что соціализмъ, какъ все практическое, ихъ не интересовалъ. Нѣмцы могли быть глубоко радикальными въ наукѣ, оставаясь консерваторами въ своихъ дѣйствіяхъ; поэтами на бумагѣ—и буржуями въ жизни. Напротивъ, для насъ дуализмъ антипатиченъ. Соціализмъ намъ представлялся наиболѣе естественнымъ силлогизмомъ философіи, приложеніемъ логики къ жизни.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ Петербургѣ соціализмъ принималъ иной характеръ. Тамъ революціонныя идеи были болѣе практическими, чѣмъ въ Москвѣ; ихъ холодный фанатизмъ—фанатизмъ математиковъ; въ Петербургѣ любятъ исправность, дисциплину и практическое примѣненіе. Въ то время, какъ въ Москвѣ происходятъ споры, въ Петербургѣ составляютъ товарищества. Именно въ этомъ городѣ масонство и мистицизмъ имѣли

своихъ наиболѣе пылкихъ адептовъ. Тамъ издавался „Вѣстникъ Сіона“, органъ библейскаго общества. Заговоръ 14 декабря созрѣлъ въ Петербургѣ. Онъ не былъ бы никогда достаточно развитъ въ Москвѣ, чтобы выйти на площадь. Въ Москвѣ очень трудно сговориться: тамъ личность слишкомъ прихотлива и слишкомъ распущена. Въ Москвѣ больше поэтическаго элемента, больше учености, и со всѣмъ этимъ больше безпечности и нерадѣнія, больше безполезныхъ словъ и сильнѣе разница во мнѣніяхъ. Сенъ-симонизмъ, неопредѣленный, религіозный и въ то же время не лишенный анализа, удивительно подходилъ къ вкусамъ москвичей. Изучивъ его, они совершенно естественно перешли къ Прудону, какъ и отъ Гегеля къ Фейербаху.

Фурьеризмъ больше, чѣмъ сенъ-симонизмъ, подходитъ къ петербургской учащейся молодежи. Фурьеризмъ, который требовалъ немедленнаго осуществленія и хотѣлъ практическаго примѣненія, который мечталъ—онъ тоже мечталъ, но опирался въ своихъ мечтахъ на ариѳметическій разсчетъ, фурьеризмъ, который скрывалъ свою поэзію подъ именемъ промышленности, и свою любовь къ свободѣ подъ проповѣдью рабочихъ артелей,— этотъ фурьеризмъ долженъ былъ найти откликъ въ Петербургѣ. Фаланстеръ есть не что иное, какъ русская община, рабочая казарма, военная колонія на гражданскій ладъ или промышленный полкъ. Уже было отмѣчено, что оппозиція, которая открыто ведетъ борьбу съ правительствомъ, по своему характеру всегда представляетъ нѣчто ему противоположное, и я отлично знаю, что есть извѣстная доля основанія въ той боязни, которую русское правительство испытываетъ передъ коммунизмомъ: коммунизмъ—отрицаніе русскаго самодержавія.

Петербургъ опередитъ Москву именемъ этихъ теорій, быть-можетъ урѣзанныхъ и ограниченныхъ, но дѣятельныхъ и практическихъ. Честь иниціативы будетъ принадлежать ему вмѣстѣ съ Варшавой; но если царизмъ погибнетъ, центръ свободы будетъ въ сердцѣ Россіи—Москвѣ.

Полный неуспѣхъ французской революціи, несчастный исходъ ея въ Вѣнѣ и комическій въ Берлинѣ дали поводъ въ Россіи

къ двойной реакціи. Все было вновь парализовано. Проектъ освобожденія крестьянъ былъ оставленъ и замѣненъ проектомъ закрытія всѣхъ университетовъ. Была создана двойная цензура и новыя затрудненія для полученія заграничныхъ паспортовъ. Стали преслѣдовать журналы, книги, слова, костюмы, женщинъ и дѣтей.

Въ 1849 году снова рядъ молодыхъ героевъ былъ отправленъ въ тюрьмы и оттуда на каторжныя работы въ Сибирь *). Этотъ ужасный терроръ погубилъ всякія начинанія и заставилъ всѣхъ склонить голову. Снова скрылась интеллектуальная жизнь, царствовали лишь страхъ и нѣмое отчаяніе. Съ каждымъ извѣстіемъ, приходившимъ изъ Россіи, сердце наполнялось отчаяніемъ и глубокой скорбью.

Мы не станемъ останавливаться на этой печальной картинѣ неравной борьбы, гдѣ каждый разъ мысль подавлялась силой. Здѣсь нѣтъ ничего новаго, это нескончаемый процессъ, который доводитъ время отъ времени до креста, ауто-да-фе, разстрѣловъ, повѣшеній и ссылокъ.

Что бы ни говорили, средства, которыя употребляетъ правительство, средства кровавыя, не въ силахъ подавить всѣхъ зародышей прогресса. Гибнетъ множество людей въ ужасныхъ нравственныхъ пыткахъ; но намъ слѣдовало бы здѣсь подождать, да и, по-истинѣ, эти мѣры болѣе пробуждаютъ, чѣмъ укрощаютъ.

Чтобы дѣйствительно заглушить въ Россіи революціонный принципъ, сознаніе своего положенія и желаніе изъ него вырваться, надо было бы, чтобы Европа прониклась еще болѣе,

*) Здѣсь мы дѣлаемъ намекъ на общество Петрашевскаго. Молодые люди собирались у него, для обсужденія соціальныхъ вопросовъ. Этотъ кружокъ существовалъ уже нѣсколько лѣтъ, когда въ началѣ венгерской кампаніи правительство рѣшило придать ему размѣры большого заговора и распорядилось усилить аресты. Тамъ, гдѣ искали заговоровъ, нашли только мнѣнія. Но это не помѣшало присудить всѣхъ къ смертной казни, чтобы затѣмъ пріобрѣсти славу прощенія. Царь замѣнилъ это наказаніе рудниками, ссылкой или солдатчиной. Среди нихъ находились Спѣшневъ, Григорьевъ, Достоевскій, Кашкинъ, Головинскій, Момбелли и др. Прим. авт.

чѣмъ сама Россія, воззрѣніями и видами петербургскаго правительства, надо, чтобы ея возвратъ къ абсолютизму свершился во всей своей полнотѣ. Надо было бы съ чела Франціи стереть слово „Республика“, это ужасное слово, даже если оно ложь и насмѣшка.

Надо вырвать у Германіи неосторожно дарованное право свободы слова. Только тогда, когда прусскій жандармъ при помощи Кроата разобьетъ послѣдніе печатные станки о подножіе статуи Гуттенберга, сброшенной въ грязь невѣждами-монахами; когда въ Парижѣ на площади Революціи палачъ, съ благословенія папы, предастъ сожженію произведенія французскихъ философовъ,—тогда только всемогущество царя достигнетъ своего апогея.

Возможно ли это?

Кто можетъ сказать въ наши дни, что возможно, и что не возможно? Сраженіе не кончено, борьба продолжается.

Будущее Россіи никогда не было такъ тѣсно связано съ будущимъ Европы, какъ теперь. Повидимому, наши надежды— но мы не хотѣли бы давать никакого отвѣта, не только изъ ребяческаго тщеславія, изъ страха, что будущее насъ обманетъ, но по невозможности что-либо предугадать въ вопросѣ, рѣшеніе котораго не зависитъ исключительно отъ внутреннихъ данныхъ.

Съ одной стороны русское правительство не является русскимъ, и обыкновенно оно деспотично и ретроградно. Оно болѣе нѣмецкое, чѣмъ русское, какъ говорятъ славянофилы. Это объясняетъ ту симпатію и любовь, съ которой относятся къ нему другія правительства. Петербургъ—это новый Римъ, Римъ съ его всеобщимъ рабствомъ, столица абсолютизма; и вотъ, почему императоръ русскій братается съ императоромъ австрійскимъ и помогаетъ ему угнетать славянъ. Начало его власти не національно, а абсолютизмъ болѣе космополитиченъ, чѣмъ революція.

Съ другой стороны надежды и стремленія революціонной Россіи совпадаютъ съ надеждами и стремленіями революціонной Европы, и уже предвидится ихъ союзъ въ будущемъ. Націо-

нальный элементъ, который вноситъ Россія, это свѣжесть молодости и естественное стремленіе къ соціалистическимъ учрежденіямъ.

Тупикъ, куда зашли государства Европы, очевиденъ. Необходимо или выйти изъ него, или итти еще далѣе. Противорѣчія неумолимы, вопросы, благодаря страданіямъ и ненависти, слишкомъ назрѣли, чтобъ можно было остановиться на полурѣшеніяхъ и мирныхъ сдѣлкахъ между властью и свободой.

Но если и нѣтъ спасенія государствамъ въ томъ положеніи, въ какомъ они находятся, то родъ ихъ смерти можетъ быть весьма различенъ. Эта смерть можетъ явиться черезъ возрожденіе, черезъ гніеніе, черезъ революцію, или черезъ реакцію.

Консерватизмъ, не имѣя иного назначенія, кромѣ сохраненія стараго statu quo, такъ же разрушителенъ, какъ и революція. Онъ уничтожаетъ старый порядокъ не жаркимъ пламенемъ пожара, а медленнымъ огнемъ истощенія.

Если консерватизмъ получитъ преобладаніе въ Европѣ, то царская власть не только раздавитъ цивилизацію, но уничтожитъ самый классъ цивилизованнаго человѣка, а затѣмъ....

А затѣмъ,—вотъ мы предъ совершенно новымъ вопросомъ, предъ таинственнымъ будущимъ. Самодержавіе, восторжествовавъ надъ цивилизаціей, очутится лицомъ къ лицу съ грандіознымъ крестьянскимъ возстаніемъ въ родѣ Пугачевскаго. Половина силы петербургскаго правительства зиждется на цивилизаціи и на томъ глубокомъ различіи, которое оно создало между образованнымъ классомъ и крестьянствомъ. Правительство постоянно опирается на первыхъ: у дворянства оно беретъ средства, людей и совѣты. Ломая въ своихъ рукахъ столь существенное орудіе, императоръ вновь становится царемъ, но для этого ему будетъ еще недостаточно отпустить бороду и надѣть зипунъ. Голштинъ-готорпскій домъ слишкомъ по-нѣмецки педантиченъ, слишкомъ опытенъ для того, чтобы откровенно броситься въ руки наполовину дикаго націонализма, чтобы стать во главѣ народнаго движенія, которое прежде всего захочетъ свести свои счеты съ дворянствомъ и

распространить общинные принципы деревни на всѣ виды собственности, на города, на все государство.

Мы видѣли монархію съ республиканскими учрежденіями, но наше воображеніе совершенно отказывается понять русскаго императора, окруженнаго коммунистическими учрежденіями.

Прежде чѣмъ осуществится это отдаленное будущее, произойдетъ много событій, и вліяніе императорской Россіи будетъ не менѣе пагубнымъ для реакціонной Европы, чѣмъ вліяніе этой послѣдней для Россіи.

Эта она, это солдатская Россія, хочетъ штыками положить конецъ тѣмъ вопросамъ, которые такъ волнуютъ свѣтъ.

Это она шумитъ и грохочетъ, подобно морю, у дверей цивилизованнаго міра, всегда готовая выйти изъ своихъ предѣловъ, всегда дрожащая желаніемъ захвата, какъ будто бы ей нечего было дѣлать у себя дома, какъ будто бы угрызенія совѣсти и помѣшательство смущали духъ ея властелиновъ.

Одна лишь реакція можетъ открыть эти двери. Лишь Габсбурги и Гогенцоллерны будутъ добиваться братской помощи русской арміи и указывать ей путь въ сердце Европы.

Тогда-то приверженцы порядка узнаютъ, что такое сильное правительство, что такое уваженіе къ власти. Мы теперь же совѣтуемъ маленькимъ германскимъ князькамъ начать изученіе участи грузинскихъ князей, которые за гроши, за титулъ высочества и право имѣть на каретѣ корону переселились въ Петербургъ. Наоборотъ, революціонная Европа не можетъ быть побѣждена царской Россіей. Она спасетъ Россію отъ ужаснаго кризиса, а себя спасетъ отъ Россіи.

Русское правительство своей двадцатилѣтней работой неразрывно связало между собой революціонную Европу и революціонную Россію.

Нѣтъ больше границъ между Россіей и Польшей.

Въ самомъ дѣлѣ, Европа знаетъ, что Польша, эта покинутая всѣмъ свѣтомъ нація, въ неравной борьбѣ лила потоки крови на всѣхъ поляхъ битвы, гдѣ только дѣло шло объ отвоеваніи свободы какого-нибудь народа. Не безызвѣстно, что этотъ народъ, будучи побѣжденъ численнымъ превосходствомъ,

прошелъ по всей Европѣ скорѣе въ качествѣ побѣдителя, чѣмъ въ качествѣ побѣжденнаго, и разсѣялся по другимъ народамъ съ цѣлью научить ихъ, къ несчастію безъ успѣха, искусству умирать, не покоряясь и не теряя своего достоинства и вѣры въ будущее.

Итакъ, можно Польшу уничтожить, но не поработить, можно выполнить угрозу Николая и оставить на мѣстѣ Варшавы одну только надпись, да груду камней, но нельзя сдѣлать ее рабой наподобіе мирныхъ балтійскихъ провинцій.

Смѣшивая Польшу съ Россіей, правительство воздвигло огромный мостъ для торжественнаго перехода революціонныхъ идей, мостъ, который начинается у Вислы и кончается у Чернаго моря.

Польша признана мертвой, но на каждый призывъ она отвѣчаетъ «здѣсь», какъ это сказалъ въ 1848 году одинъ изъ ораторовъ польской депутаціи. Она не должна шевелиться безъ увѣренности въ своихъ западныхъ сосѣдяхъ, ибо довольно съ нея симпатій Наполеона и знаменитыхъ словъ Луи-Филиппа: «Польская національность не погибнетъ».

Не въ Польшѣ и не въ Россіи мы сомнѣваемся, но въ Европѣ. Если бы въ насъ была хоть какая-нибудь вѣра въ народы Запада, съ какой бы готовностью мы сказали полякамъ:

«Братья, вашъ жребій тяжелѣе нашего, вы много перестрадали, но потерпите еще; великое будущее открывается вслѣдъ за вашими несчастіями. Вы насладитесь высшимъ мщеніемъ; вы поможете освобожденію того народа, руками котораго были закрѣплены ваши кандалы. Въ вашихъ врагахъ во имя царя и самодержавія вы узнаете своихъ братьевъ во имя независимости и свободы»

Библиотека